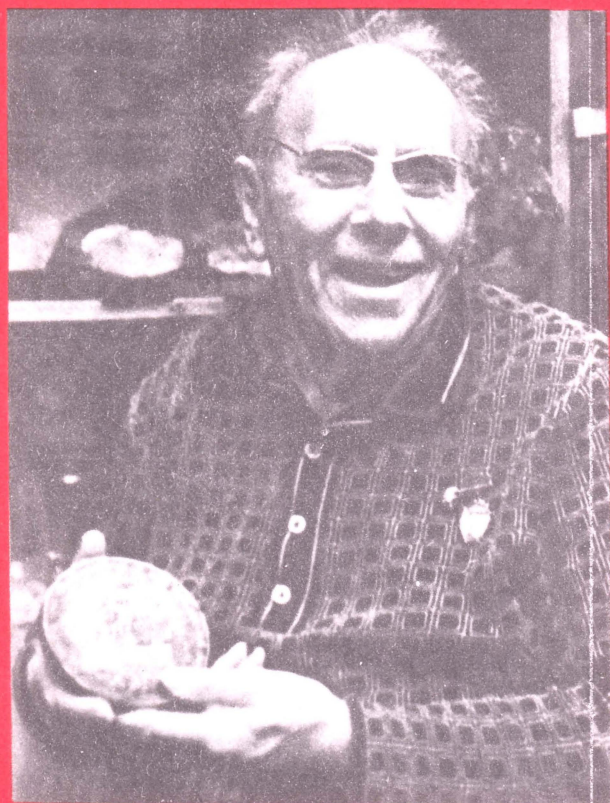

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОВЫМ.83

11 НОЯБРЬ

У СВЕРДЛОВЧАНИНА ФЕЛИКСА ИОСИФОВИЧА ЧУДНОВСКОГО — БОЛЬШОЙ ДОМАШНИЙ МУЗЕЙ. В НЕМ — СОТНИ ОБРАЗЦОВ ПЕЙЗАЖНОЙ ЯШМЫ, СОБРАНИЕ РЕДКИХ КНИГ, КАСЛИНСКОГО ЛИТЬЯ, ОТКРЫТОК-РЕПРОДУКЦИЙ, ИЗДЕЛИЙ ИЗ КОСТИ... МНОГО РАЗ СОБИРАТЕЛЬ С УСПЕХОМ УСТРАИВАЛ ВЫСТАВКИ СВОИХ НАХОДОК.

А НЕДАВНО ФЕЛИКС ИОСИФОВИЧ ЧУДНОВСКИЙ, ВЕТЕРАН ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ЧЛЕН КПСС С 1920 ГОДА, ПЕРЕДАЛ В ДАР МУЗЕЮ Я. М. СВЕРДЛОВА В СВЕРДЛОВСКЕ СТО ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ПАМЯТНЫХ МЕДАЛЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ ЛЕНИНУ.

«МНЕ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ И САМОМУ ТРИЖДЫ БЛИЗКО ВИДЕТЬ И СЛЫШАТЬ ВОЖДЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, — ВСПОМИНАЕТ Ф. И. ЧУДНОВСКИЙ. — Я СЛЫШАЛ, НАПРИМЕР, ЕГО ИЗВЕСТНУЮ РЕЧЬ О ПРОФСОЮЗАХ...»

КОЛЛЕКЦИЯ ПАМЯТНЫХ МЕДАЛЕЙ, ПЕРЕДАННАЯ МУЗЕЮ, ОТРАЖАЕТ МНОГИЕ СТОРОНЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ЛЕНИНА, СЕМЬИ УЛЬЯНОВЫХ, ПОБЕДОНОСНОГО ШЕСТВИЯ ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ ПО МИРУ.

НА СНИМКАХ: ПАМЯТНЫЕ МЕДАЛИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ, ПЕРЕДАННОЙ В МУЗЕЙ; Ф. И. ЧУДНОВСКИЙ.

Фото Анатолия Лантева
Оформление С. Малышева

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ·83

11 НОЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В номере:

А. Комлев ЗАРЕВО	2
Г. Лобанов ЧЕТВЕРО ИЗ БОГОЯВЛЕНСКА	4
Л. Заворотчева ТРИ ВОЛШЕБНЫЕ СТРУНЫ	8
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	12
А. Смирнов ВЫСТОЯЛИ	14
В. Николаев ГРАЧИ	16
П. Ивкин ОГРЕХ. ОСОТ. ТЕРЕНГУЛЬ — БЕЛОЕ ОЗЕРО. ХОЗЯИН	18
Д. Алексеев, П. Новокшинов ЗАГАДКА ИСЧЕЗНУВШЕЙ ПОЧТЫ	20
РАССКАЗ СТАРОГО СОЛДАТА	24
Л. Гаряев О ЧЕМ СТУЧАТ КОЛЕСА?	30
В. Проскурин ТРУБАЧ	32
Ю. Курочкин ИСТОРИЯ ОДНОГО АУТОГРАФА	34
Г. Комаров ЛЮБОВЬ К САМОЦВЕТАМ	37
Н. Савина РЕВНИТЕЛЬ СТАРИНЫ	39
Д. Биленкин ПУСТЫНЯ ЖИЗНИ. Повесть. Продолжение	40
МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА. КАЛЕЙДОСКОП	65
М. Жохов КТО ОН — РАБОЧИЙ «РЯДОВОЙ»?	69
М. Филимонов ДАР СОЛЯНЫХ МАГНАТОВ	70
КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА	73
М. Розен ЛЕГЕНДА О СИБИРСКОМ ЛУКОМОРИИ	76
Н. Ефремов ШЕЛОМОВСКИЕ КИЛОМЕТРЫ	78
МИР НА ЛАДОНИ	80

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
 [главный редактор],
Муса ГАЛИ,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
 [заместитель главного
 редактора],
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Владимир СТАРИКОВ
 [ответственный секретарь]

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
 Технический редактор
Людмила БУДРИНА
 Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
 620219.
 Свердловск, ГСП-353,
 ул. 8 Марта, 8
 Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 02.08.83.
 НС 11165.
 Подписано к печати 27.09.83.
 Формат бумаги 84×108^{1/16}.
 Бумага типографская № 3.
 Высокая печать.
 Усл. печатных листов 9,0.
 Усл. кр.-отт. 10,5.
 Учетно-издательских листов 10,5.
 Тираж 287 000.
 Заказ 456.
 Цена 40 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий»,
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — ри-
 сунок Розы АТЛАС.

© «Уральский следопыт», 1983 г.

Зарево

Андрей
КОМЛЕВ

Рисунок
Розы Атлас

..Всем телом, всем сердцем, всем
сознанием слушайте Революцию.

А. БЛОК

1.

Закат
пробился в прорезь штор
и на столе зажег костер,
и книги,
словно птичья стая,
шуршат, страницами взлетая.
Проник какой-то странный ветер,
знакомых строк ломая звон,
он пролистнул десятилетия,
и обнажился
стык времен —
«Железный век —
Двадцатый век»...

«Идут двенадцать человек»...
И эта снежная равнина
гудит
немыслимым горнилом —
неотвратима и вольна,
явившись огненной легендой,
летит гражданская война
и хлещет
пулеметной лентой!

Рассвет
очнется на губах,
зайдется горечью труба —
глотаю гарь и эхо залпов,
взойдут
иные времена —
под стеклами музейных залов
застынут лица,
имена,
и поколениям нарождаться
на службу в мирный гарнизон...

Но оглянись на горизонт —
там зарево
войны гражданской!..

2.

Дерево ветром клонится,
молкнет черна земля
во поле за околицей,
в древних валах кремля.
Ширь от земли до неба
кровью в глазах рябит —
всходит запальным гневом
память
молчаливых обид...

3.

За некрутов,
сгнивших в окопах,
за сгинувших каторжан,
за стоптанный княжей охотой
сиротский худой урожай —
Расеи,
хрестыанской дочери,
в господских хоромах порченой,
посля на конюшне поротой,
за детушек
синих с голоду,
за кровель дрянную солому...
За нашу постылую, дрему!

4.

В ответе за сегодня
качнется на бедре
недремлющий револьвер
в открытой кобуре...
Но высвечен идеей,
иных не зная благ,
как факел Прометея,—
пылающий кулак!..

5.

Ты слышишь,
фронтами гражданки
раскаты колотят в висок! —
гуляют по югу тачанки,
идет эшелон
на восток,
взметаются кони в разрывах,
на роздых —
ни ночи, ни дня,
торопятся в память начдивы
с мальчишеской статью
в ремнях...

Что брутовский факел Конвента?
Что красный петух Пугача?
Восход
полыхает по ветру,
и новая кровь горяча..

Пусть время
и внуки рассудят —
во всполохах этой зари
суровыми нитками судеб
заштопаны
раны земли.

6.

А на мосту цыганка
смотрит в упор в глаза,
просит отдать сигарку,
хочет про все сказать...
Лучше ты спой, цыганка,
спой на струне далекой
песню своей прабабки —
для Александра Блока.
Вспомни слова простые,
брось в снеговую синь!...
Эта судьба — Россия,
горькая страсть — полынь...
Вышла дорога и встала.
Дождь занавеску прядет.
Время одно миновало —
время другое придет.

7.

Пройду этот город
туманных ночей,
под мачтами шпилей
в зарничной свече
отмеряю шагом
эпох колею,
отцовскую юность,
предпамять свою...

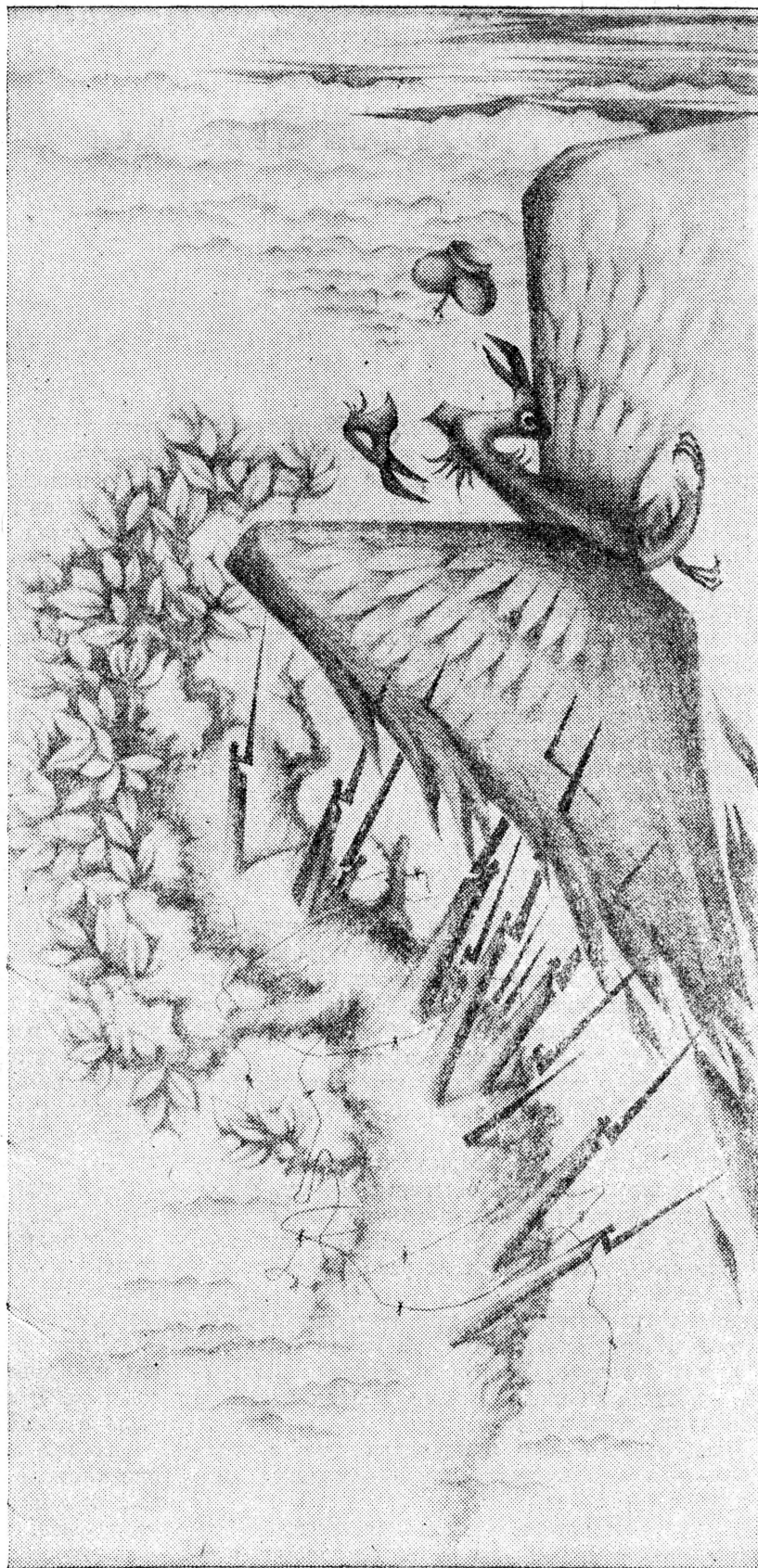
На невских каналах
всплывает фрегат —
«Летучий голландец»? —
ночной Петроград —
того,
кто иныя начала ремесел
с голландских каналов
сюда перенес
и в жерлах орудий
заставил греметь
российских церковей
колокольную медь...

Но целются пушки,
куда — не пойму,
и памятник скачет
в столетнем дыму —
мятежные роты
лежат в декабре
на красной брусчатке
при медном Петре...

И вновь на каналах
всплывает фрегат —
«Летучий голландец» —
ночной Петроград,
но с крейсера
пушечный выстрел раздался,
и эхо рассыпалось
в залпах гражданской,
и ветром нордическим
время вперед...
Столетью
всего восемнадцатый год.

Идут добровольцы,
гляжу наугад —
и с правого краю
отец мой, комбат...

А новое время
разводит мосты,
и тонут фрегаты
в туманах густых,
но эхом столетий,
ответом отцов
бьет с крепости пушка
двенадцать часов,

Четверо из Богоявленска

Геннадий
ЛОБАНОВ

Рисунок
С. Сухова

Богоявленск — поселок рабочих. 90 процентов его населения трудится на стекольном заводе. Лишь три семьи — ненавистные всем кулаки.

Петька Калмыков и Ванька Мичурин — закадычные дружки, шестнадцатилетние мальчишки из рабочих семей — частенько потешаются над кулацкими сыновьями. Особенно доставалось Хорьку — Семке Пальгову, его и бивали не раз, и как-то при всем народе вывалили в грязном снегу под всеобщий смех. Молодость говорит в ребятах, горячность да еще влюбленность: у Пети подружка Настя Кулагина, у Вани — Дуня Кулагина, двоюродные сестрицы. Так и ходят четверкой, радуются скорой весне.

Обрывается все, как обычно, враз. С декабря 1917 года по поселку ползли слухи — полковник Дутов поднял контрреволюционный мятеж, захватив Оренбург, Верхне-Уральск, Троицк, Челябинск, и теперь идет на Башкирию.

27 марта 1918 года завод гудками проводил отряд богоявленцев в составе 200 штыков, при двух пулеметах, на дутовский фронт. Среди записавшихся была наша четверка. В полном составе. В общей суматохе никто не обратил внимания на то, что Хорек тоже попал в отряд.

В Уфе произошло формирование и комплектование отрядов. Четверка вошла в рабочие отряды Опарина.

Петя был назначен вторым номером к пулеметчику Ахмету Яхину, опытному бойцу, фронтовику, члену партии большевиков. Под его руководством Петя очень быстро освоил пулемет, полюбил его и даже пострелял раза два самостоятельно, до боя.

Иван стал ординарцем при командире. Дуня заправляла отрядной кухней. А Настя была назначена медсестрой. Четыре необстрелянных вояжера очень гордились своими назначениями и прямо-таки рвались в дело...

Отряд взял общее направление на Верхне-Уральск, — в его окрестностях обосновался атаман Дутов.

На пути — станция Кассельская. Разведка сообщила: много кавалерии, а также пеших под-

разделений противника. Но никто не знал главного: за два дня до прихода красных в Кассельскую пожаловал сам Дутов. Он намеревался разбить красные отряды поодиночке, используя при этом казачьи сотни, набранные из зажиточных местных казаков.

Бой был суровым. Настя и еще одна медсестра со старым фельдшером Никитичем еле успевали перевязывать раненых, рук и ног не чувствовали от усталости.

Пулемет Ахмета Яхина и Петра прикрывал правый фланг отряда, именно он должен был встретить огнем противника. Лент было всего пять, но этого хватило на то, чтобы отбить первую атаку.

— Беги, Петька, за лентами, последняя... Быстрее, они сейчас опять попрут! — крикнул Ахмет, и Петр побежал.

Отряд устал. Последняя атака казакам удалась — они сумели пробить коридор на правом фланге, и оборона красных смешалась, сломалась...

Опарин отдал приказ отступать, и в воздух взвилась желтая ракета — сигнал к отходу. Но разгоряченные боем, многие не подчинились, продолжая беспорядочно стрелять по врагу. Опарин носился как дьявол и угрозами, криком отталкивал отряд к ближайшему лесу. Увидел Ахмета, но тот опередил его крик:

— Я прикрою... Петька должен вернуться, без него не уйду!

Командир успел отъехать совсем немного, как услышал за спиной два взрыва. Ахмет погиб, подорвав гранатами себя и десяток налетевших казаков.

Отряд отходил, но, похоже, не успевал, вот противник мог настичь его. Вдруг снова заговорил пулемет Ахмета — четко, дерзко. Это было спасение!

Но кто же спас отряд? Второй номер, семнадцатилетний Петька, до этого стрелявший раза два, был взбешен смертью своего учителя. Он не раздумывал: бежать ли назад, если уже никого из своих не осталось; он кричал:

— За Ахмета, сволочи! Получите за Ахмета! — и стрелял...

Своей ненавистью и желанием отомстить мальчик смял наступление конницы. Падали всадники, валились лошади, многие поворачивали обратно...

А потом пулемет отказал — заело патрон в патроннике, и Петр схватил оставшиеся гранаты. Последнее, что помнил, — толчок в грудь...

Отряд же благополучно выкарабкался и вышел на соединение с отрядом Калмыкова под Верхне-Уральском.

Петр очнулся в пыточной. Рыжий детина с толстой красной шеей злое щедро вращал глазами у самого его лица, когда вошел есаул.

— Стрекалов, уймись! Выйди, освежись, я сам поговорю с героем...

Потом есаул обратился к Петру:

— Ты проголодался, поешь, вот поднос с едой, а шею-то не трогай, дустяки. Ты ведь сюда не в карете приехал, а за ноги привязанный к хвосту лошади, да и ранило тебя в грудь. Подумай, тело человеческое — не железо, пора тебе ответить на все мои вопросы. Во-первых, кто ты?

— Сидоров я... — соврал Петр.

— А не Калмыков?

Петр вздрогнул — откуда известно? И тут есаул крикнул кого-то в дверь. В пыточную втолкнули Хорька.

Семка Пальгов, гадко ухмыляясь и чуть прихрамывая, завертелся вокруг Петра:

— Попался, змееныш! Посчитаемся теперь. Я тебе покажу хорька! Ваше благородие, это Калмыков, Петька. Дядя у него — Михаил и Федор — комиссары. Федор-то вчера здесь командовал! И этот гаденыш. Отольются тебе папанины земли!..

Когда Хорька вытолкнули обратно, есаул сказал:

— Он сам к нам пришел. Предатель, конечно. Если хочешь, мы его повесим... или расстреляем. Ответь только на мои вопросы. Меня интересует: сколько пушек у твоего дяди Михаила, сколько обрезов у Опарина, куда он увел своих от Касельской.

Но молчание Петра вскоре прискучило есаулу. Он позвал Стрекалова. Тот долго и даже с каким-то наслаждением хлестал мальчика плетью.

Петр потерял сознание. Очнулся от скрипа дверей. Есаул вытянулся струной перед вошедшим. Это был плотный лысый человек лет пятидесяти, в генеральских лампасах. Он брезгливо произнес:

— Этот?

— Так точно, господин атаман!

Петр даже не удивился, поняв, что вошедший и есть Дутов. Ему уже было все равно. И на вопросы, которые ничем не отличались от вопросов есаула, он ответил молчанием.

— Ну что это, Стрекалов, ведь он не говорит ничего, — капризно проговорил атаман.

Петра растянули на полу лицом вниз и застегнули на руках и ногах ремни. Казаки начали поднимать и растягивать ремни в четыре разные стороны. Петр дико закричал.

Стрекалов снял с винтовки казака штык и ткнул им в спину Петра.

— Говори, сволочь!

Петр затаил. Казаки отпустили ремни, тело шлепнулось на пол.

Атаман закричал на есаула:

— Уволью! Выгоню, рядовым пойдешь, если не можешь развязать язык такому сопляку!

Есаул струсил.

— Постараюсь, господин атаман, он еще заговорит, господин атаман.

Атаман, хлопнув дверью, покинул пыточную. Есаул устало сел.

— Уф, пронесло! А ты сволочь, Стрекалов. Я тебя самого когда-нибудь повешу.

Сознание Петру вернули ведром холодной воды. И снова старались до пота. Казаки подняли тело за ноги, Петр повис вниз головой. Его кололи, его резали, щипали, рвали на куски. Он молчал. Казаки сменили тяги, и тело повисло, как на дыбе, головой вверх. Вопросы продолжались. Петр молчал и только дико вращал глазами, остановив взгляд на есауле.

— Стрекалов! Что он на меня так смотрит?! Стрекалов, пусть не глядит он!

И Стрекалов выколол Петру глаза. Петр кричал долго. Затем его развязали, бросили и ушли. Среди ночи снова кружились вокруг него в кровавом и страшном танце. Петр молчал, и никто не мог сказать: мог ли он говорить в это время. Не разучился ли, не забыл ли он человеческий язык, когда люди были столь бесчеловечны.

— Может, он немой, а? Посмотри, Стрекалов. Хорунжий разжал челюсти Петра.

— Есть язык, господин есаул.

— Так ведь он все равно молчит, а, Стрекалов?

И хорунжий вырвал язык у жертвы.

Петр умирал, на удивление палачам, медленно. Только на рассвете все было кончено.

Во внешней охране пыточного отделения стоял молодой татарин, завербованный по собственной несознательности в войско атамана. Его потрясли твердость, с какой держался этот парень, и жестокость палачей. Он дезертировал из казачьего воинства, застрелив перед этим Семку Пальгова, по прозвищу Хорек. Фамилия его осталась неизвестной, но он рассказал потом брату Петра, Василию Ивановичу Калмыкову, о том, что в допросе и казни Петра Калмыкова участвовал наказной атаман оренбургского казачества, комиссар Временного правительства, полковник генерального штаба Дутов.

О том же показали пленные казаки.

Что стало с остальными ребятами?

Под Наваринской разгорелся бой. Дуня, только что приехав с подводой хлеба, разворачивает коней и спешит с патронами на помощь бойцам. Кони устали, но что поделывать, на войне устают кони и люди, война — это очень тяжелая работа.

— Но-о-о! Милые! — кричит, нахлестывая коней, Дуня и правит прямо в чертово пекло.

Бой горячит коней, они закусывают удила, пена с боков летит хлопьями, глаза на выкате, ноздри раздуты. Храпят и рвутся из последних сил боевые кони.

Дуня криком зовет Василия Ивановича. Вон он среди пешеходов вертится на рослом дончаке, что-то крича и указывая влево.

Василий наконец увидел Дуню, подъехал и велел тут же, не разгружаясь, открыть ящики. Стали подбегать бойцы. Дуня выдает им по пять обойм.

— Больше не давай, — распорядился Василий Калмыков.

Бой гремит вокруг Дуни. Она замечает Ивана Мичурина.

— Ваня, дорогой! Ванька, черт! Здесь я!

Но Иван осадил коня рядом с Калмыковым:

— От командира пакет!

Василий пробежал глазами приказ, тут же черкнул что-то на обороте записки, сунул бумагу Ивану в сумку и пустил коня в галоп.

Дуня бросилась к Ивану.

— Некогда, Дуня, после боя встретимся. Смотри, здесь стреляют, берегись! — и рванулся туда, где гремело и ухало.

И вдруг видит Дуня, что как-то сник Иван, стал сползать, потерял повод.

— Иван, что с тобой? Ваня?!

Конь, умный и добрый конь, встал сразу же. Бежит Дуня через поляну, кричит и плачет. Подбежали боевики, подхватили Ивана с седла, положили на шинель и молча сняли шапки. Дуня упала пластом и завывала диким голосом, по-бабьи.

А дутовцы дрогнули, пошатнулись, уже бегут...

Наутро отряд Калмыкова вместе с другими отрядами снялся в погоню за дутовцами.

Разрозненные и сильно потрепанные части атамана Дутова, с трудом отрываясь от преследования, уходили на Орск.

Дутовцы бежали повсеместно, их преследовали конные, их добивали в коротких стычках пешие боевики уральских отрядов. Преследование не обходилось без жертв. Враг, как загнанный зверь, продолжал зло огрызаться, вырывая бойцов из рабочих отрядов.

Дуня ехала в своей кошевке с парнями: Дмитрием и Мишкой. Дмитрий неумело и застенчиво советовал Дуне успокоиться, забыть трагедию, Мишка молча поправлял на ее плечах шубейку. Дуня печально улыбалась.

Отряд снова догнал скопление дутовцев и завязал с ними перестрелку. Конники с ходу взяли дутовцев в шашки. Дутовцы бежали. Мишка пустил коней крупной рысью. Дмитрий стрелял из винтовки по убегающим казакам. Дуня встрепенулась, вслихнула и рванула с плеча Мишки винтовку. Долго целилась в рослого казачину, который бежал, оглядываясь и отстреливаясь.

Грохнул выстрел. Казак упал.

— Вот тебе! — зло сказала Дуня. Ее бил мелкий озноб. И тут из куста, почти что рядом, ударил страшной очередью дутовский пулемет.

Пристяжная, заржав, упала и запуталась в постромках. Коренник рванулся было вперед, но упал на колени, уткнувшись мордой в мокрый снег.

Страшно закричал Мишка. Дуня встала в рост и упала, нелепо взмахнув руками. Смертельно раненный Дмитрий успел сделать два выстрела по пулемету, но пулемет продолжал стучать. Пули рвали уже мертвые тела.

Подоспела пешая группа богоявленцев и закидала пулемет гранатами. Все умолкло, лишь ржал и бился в предсмертных конвульсиях коренник.

17 августа в деревне Кулуканово погибла Настя Кулагина. Срубили ее шашкой. Больше никто в этом бою не пострадал.

В 1957 году останки Петра Калмыкова перенесли в сад школы его имени, что стоит на улице Калмыкова, — той школы, где когда-то учился Петр. Здесь был открыт памятник. На обелиске — мраморная доска со словами: «Молодому борцу за Советскую власть, героически погибшему от рук белогвардейцев, Калмыкову Петру Ивановичу. 1901—1918 гг.».

Он никогда не был грозой улицы.
— Пап, ты в детстве дрался? — спрашивает его сын Женька.

— Нет, — смущенно разводит руками отец. — Не умел. Жалко было человека ударить...

А его обижали:

— Клепа в крапиве бандуру объезжает! — И хохотали.

С семи лет он пристрастился, благодаря деду, к гитаре, потом — к мандолине. Заберется между бревен за бараками, где жили в пятидесятых годах заводчане, и обо всем, кроме музыки, забывает. Вроде только начал играть, а мать уж с работы вернулась да выкликает:

— Юрка, Юрка! Вылазь, где ты есть! Опять уроки, поганец, не учил!

Не учил. Неинтересно. Постоянно на «качатке» сидел... Мать рукой махнула: с хулиганами не водится, и ладно!

Не война, а семью порушило. Мать одна поднимала, брала две-три работы, не сразу и узнала, что в десять лет Юрка ее пристроился к оркестру народных инструментов в уралмашевском Доме культуры, которым руководил Александр Иванович Навроцкий.

В школе вспомнили о музыканте Юре Клепалове лишь в восьмом классе, когда надо было срочно готовить концерт-мероприятие. Лихорадочно стали выискивать, кто что может. Мог один Клепа, серьезно предложив целое отделение. Он исполнил на том концерте музыку к кинофильму «Человек-амфибия» в своем переложении на гитаре.

— Вот видишь, — сказала невразумительно классная, — можешь...

А он ничего не увидел, потому что это было так, сущий пустяк; он уже думал о Бахе, его волновала одна струна, на которой виртуозно играл Паганини.

Со школой он расстался без сожаления, поступив в музыкальное училище, в класс щипковых инструментов, который вел известный на весь Урал яростный пропагандист народной музыки Владимир Васильевич Знаменский. Юру он знал по оркестру, к себе в класс принял с радостью. И Юре, хотя Знаменский требовал такой игры, чтобы на струне слеза выступала, а инструмент пел как целый оркестр, было легко. О полифонии одного инструмента он прозвал рано: так играл Знаменский, и это открывало бездну возможностей, рождало предощущение того, что можно воссоединиться с инструментом и породить стихию общения сердца с сердцем, через инструмент передать боль или радость, сокрушить эмоциональную глухоту. Он понял и принял главную установку учителя: востребовать иг-

Три волшебные струны

Любовь
ЗАВОРОТЧЕВА

Рисунки
Е. Крутских

рой все лучшее, что заложила природа в душу человека, тронуть пласты глубинной памяти, распознать в мощном аккорде звук летящей стрелы, выпущенной тугой тетивой лука, в переборе струн — стон волынки и восхититься предками, предугадавшими всю эволюцию щипкового инструмента, его марафон через века, к раскрепощению его вместе с духом человеческим...

Когда зашла речь о том, куда Юрию Клепалову дорога после музыкального училища, Знаменский, хитро щурясь, сказал:

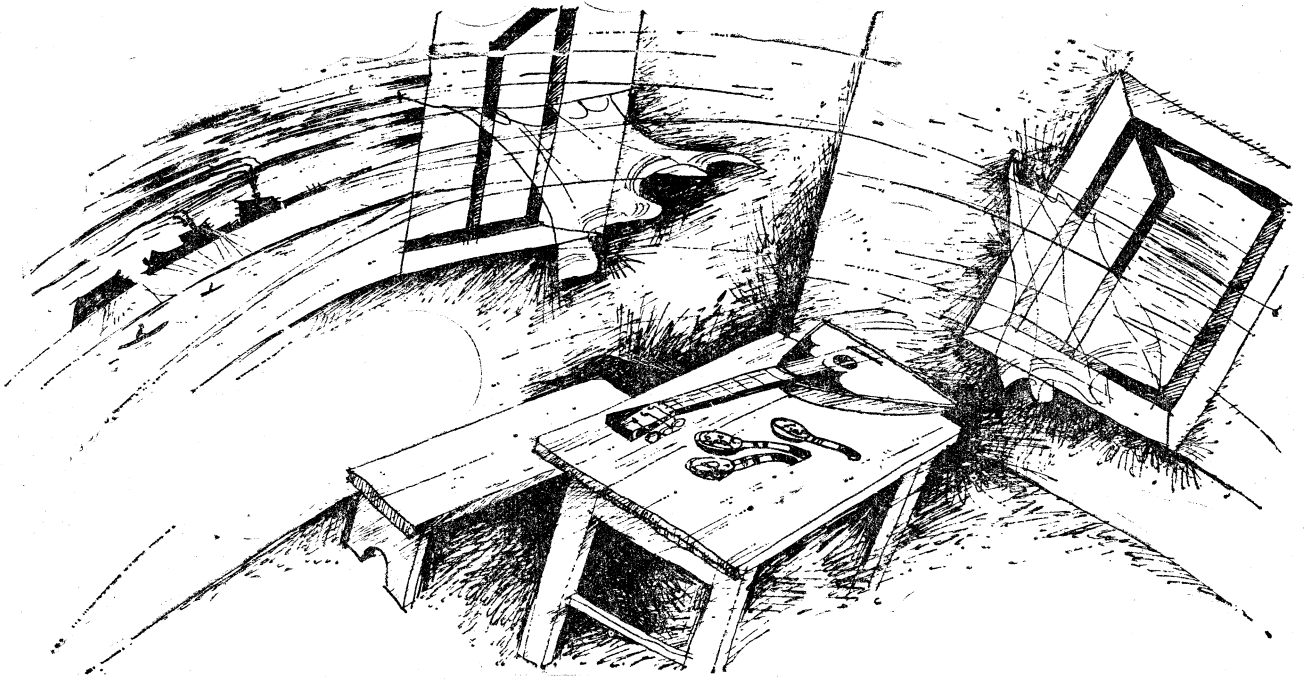
— Вот вижу тебя с балалайкой — и все тут! До того ты русский человек, до того добряк и улыбка, что, ей-богу, не пожалеешь, парень! Иди к балалайке!

Идти к ней пришлось недалеко — к тому же Владимиру Васильевичу, который организовал в Уральской консерватории отделение народных инструментов с классом балалайки.

Дружба с учителем продолжалась до его ухода на пенсию. Сменил Знаменского знаток и талант по части балалайки Евгений Григорьевич Блинов, впоследствии ставший ректором консерватории. На прощание Знаменский воскликнул:

— Быть тебе, Юра, артистом! Еще вспомнят Вовку Знаменского за твою-то балалайку! — Старик в минуты восторга до семидесяти лет называл себя Вовкой.

Много инструментов перебывало в руках Клепалова-студента, но той заветной — певичей, звонкой — балалайки все не мог найти. И — о, ра-

дость! Свели его с мастером. Ладил он балалайки, в которых звук жил и после тихого аккорда, как звук души самой. Он был из тех мастеров, что уходят незаметно; а после их смерти обнаруживается, что умерла и душа, остался ширпотреб, который разве что годен на сувениры.

Юрий, чаще других бывавший на концертах в деревнях, однажды увидел вместо дуги над лошадиной гордой шеей две скрепленные гвоздем дощечки. Это так царапнуло по сердцу, что он упомянул перед своим выступлением не только о том, как делают балалайку, но и о том, какие расписные дуги с колокольцами были на Руси.

Потом как-то его свели с мастером, который ладил дуги, телеги, розвальни. Тот, дымя самосадом, подвел балалаечника к куче навоза, из которой во все стороны топорщились круглые палки из березы толщиной со здоровый мужицкий кулак, и пояснил:

— Вишь, навоз горит, хоть яйца в нем пеки, весна же! Ну, само то для распарки заготовок! — Старик ловко выхватил одну палку. — Мы ее сгнать зачнем, потом засушим сыромятиной, вот и дуга.

Старики деревенские были с ним предельно откровенны, балалайка настраивала их на доверительный тон, открывала двери в любое время суток. Бывало, старушки танцевали перед ним кадрили со всеми ее тридцатью фигурами и дробили каблуками старинных ботинок на шнуровке. Он запоминал ритм и наиболее характерные их дробы. Он пока и сам не знал, для чего это ему,

но было мало того, что давало академическое знание о балалайке, что предписывала консерваторская программа. Вспоминались слова Знаменского: «Балалайка, как природа: чем больше ты с ней, тем больше душа очищается».

Клепалов не пропускал концертов известных балалаечников. Его восхищала техника их исполнения, хотя чего-то не хватало ему в исполнении многих. Он жадно поглощал все, что видел, искал свой путь к балалайке.

...Менялась мода на брюки, галстуки, рубашки, только лаженная из карельской березы балалайка, знакомая до крапинок, год от года становилась все нужней, модней, и уж цену за нее предлагали всякую, однако он свою «мамочку» даже в мыслях не предал, да и она год от года становилась красивей, матерей, дарила его таким чистым и невучим звуком, что он и сам стал ждать от нее, как от одаренного ребенка, новых чудес.

С ней он приехал преподавать в Тюменское училище искусств. С ней, по рассеянности, отстал однажды от своего оркестра и пошел не в ту сторону, угодив на какой-то хутор поздно ночью.

Хозяин встретил хмуро и недоверчиво. Небрежно оборонил:

— Да откуль теперь балалаешник возьмется? Не буровь кого не надо. У меня вот балалайка — да! А вот ты, раз балалаешником себя называешь, кажи, че умеешь, — подал свою старенькую и простенькую балалайку.

Но Клепалов достал свою да еще подумал, что этот хмурый чалдон не поверит, если не сыграет, и еще выгонит.

Чалдон уселся рядом, хмыкая: «Ну-ну...» Гость начал играть не то веселое, что может балалайка, он играл то, что соответствовало голодному стону желудка.

— Эх, парень, едри твою в балалайку!.. — И чалдон снарядил звуков в соседние дома.

И скоро набилась полна изба народу. Клепалов велел тащить стиральную доску, пилу, ложки, ведро... И самодеятельный звонкоголосый оркестр сотряс давно забывший веселые звуки бревенчатый пятистенок. Всю ночь ликовала балалайка в сонном царстве таежного хутора. В пояс кланялись балабачнику старухи; он, усталый, счастливей, записывал под утро частушки, петые ночью старухами. Долго жал руку хозяин, благодарил за то, что и его, старого, снова вернул к балалайке, которую он так легко променял на телевизор...

С благодарным волнением все вспоминал Юрий ту ночь, ту отзывчивость людей на балалайку. Нет, живет в потаенной памяти народа балалайка, живет! Только надо будить ту память.

И не мог он примириться с тем, что балалайку вдруг превратили в игрушку, в атрибут акробатов, в деревяшку без струн. словно душу вынули, словно язык вырвали. Через все годы пронес он убеждение, что человек, играющий на балалайке, никогда не останется незамеченным народом, возле него всегда были и будут люди. В силу балалайки он верил как в силу живого существа: пока она с ним, ничто ему не страшно.

Он с ней и не расстается. Зайди разговор, заспорь кто на улице, что балалайка устарела, — сядет где-нибудь и тут же сыграет.

Он играл в Японии и Болгарии, в Москве и глухой сибирской деревушке... Везде — одинаково страстно, вслушиваясь и сам в красоту звука, познавая и открывая в балалайке возможность такой игры, когда не нужен ни аккомпаниатор, ни оркестр, когда все три струны сами звучат оркестром...

Мы зачастую умалчиваем о таланте, подменяя это слово другими, менее точными, расхожими, словно боимся чего, словно исчезли таланты, и все живут в мире одинаково понимаемых и принимаемых ценностей, словно все с одинаковой силой отдают себя любимому делу. Небрежно, будто боясь обидеть всех, не замечаем того, единственного, кто воистину талантлив, а не только, как мы любим говорить, раскрыл свои возможности (одно из словечек-подмен!). Талант — ярчайшее проявление того, что создала глубинная память предков, что копилось веками. И не сам по себе он таков, нет. Он живет по законам сотворения красоты, как память сама, как тихая наша принадлежность друг другу, неразрывная и единая связь с будущим, связь, без которой исчезнет

и сама возможность самовыражения, вера в единственно важное и главное дело.

...Где он, преподаватель Клепалов, выискивает таких же, как он сам, одержимых учеников?..

А что, разве прошло время тех «странных» людей, которые зная, чего хотят, к чему стремятся и в достижении цели ломаются через преграды, отменяя робость? Нет, не прошло. И никогда не пройдет.

Олег Кругляков приехал в училище из Ишима. Балалайка в каком-то самодельном матерчатом чехле висела за спиной на веревочке, словно ружье. На второй год обучения Олег уже занимался по программе консерватории. Он молчалив и никогда не вступает в пререкания с преподавателем, но своеобразно истолковывает те замечания, которые слышит. Иногда они кажутся ему мелкими. Он может одну и ту же пьесу исполнить с такой иронией, что Клепалов только улыбнется. Они разговаривают на языке, который непонятен окружающим; и жадность, с какой Олег учится, радует Юрия Михайловича: не растворится такой человек в массе, подрастает индивидуальность, которую высоко оценил на смотре в Свердловске ректор Уральской консерватории Блинов.

...Да, над ними порой потешаются в «нормальных» школах. Потешаются над этими странными людьми, которые все что-то выискивают для себя в переложении музыки Баха и Паганини на балалайку. Они, уподобясь следопытам, выискивают и извлекают на свет божий все новые и новые звуки, стремятся достичь певучести, без которой не ощутишь души балалайки.

Им советуют переключиться на гитару: мол, на нее везде спрос.

Молча, преданно несут ученики Клепалова любовь к старущему инструменту, храня и оберегая традиции.

Клепалова внимательно слушают на северных буровых и в деревнях. Не торопятся уходить после его игры. Разве этого мало? В последние год-два он стал исполнять свои пьесы. С чего началось сочинительство? Был в Болгарии. Все прекрасно. Принимали радушно, говорили, что балалайка — душа славян. А он, сидя в отеле, вспоминал деревушку, где живет теща, леса могучие и речушки тихие, где клев отменный. Душа рвалась домой, к жене и детям. Он всегда поражал умению жены своей Галины Евдокимовны, выросшей в деревне, угадать состояние его тихой внутренней сосредоточенности. Так родилась вдали от дома пьеса «Размышление». А потом было предложение режиссера театра драмы написать музыку к спектаклю «Степан Разин». Эта сладкая мука продолжалась дни и ночи...

Маленькая, тесная квартира Клепаловых. Он поднимается нередко среди ночи, берет балалайку и уходит в ванную, тихонько поверяя верному своему другу беспокойное раздумье о степи, Вол-

ге, о взволновавшей его картине тюменского художника Володи Волкова «Думы об отце». Утром играет первому и постоянному своему слушателю — жене — пьесу «Думы об отце» или музыку к рассказу «Шутиха-Мапшутиха».

В нем много от того сказочного Ивана, который во всем мастак; он и внешне добряк и улыбка, годы не стерли с его лица того, что пришло в мир его взрослой реальности из детства. И дети его любят за безудержную фантазию, за сказки, которые он иллюстрирует музыкой. Женька, старший, сам большой импровизатор, а уж что до восьмилетней Натки, то тут весь вечер может пройти под знаком ее экзотических танцев. Дети пластичны и музыкальны, не подвержены капризам и лишь выговаривают родителям за их «возлюбленность» — иногда папа с мамой так могут в разговорах увлечься, что ни сорокаградусный мороз, ни дождь не загонят их в дом и до полуночи.

Они все зовут себя Клепами. Иронично, с предложением пошутить над ними, в готовности дружить и прибежать на выручку по первому зову. Они и путешествовать любят все вместе, потому что мама — географ и еще такая частушечница, что слушать ее не переслушать под папину балалайку.

...А Знаменский оказался прав: стал Юрий Клепалов артистом с лета 1983 года. Серьезно и настойчиво позвала его сцена. Появился в Тюменской филармонии первый артист, против фамилии которого в афише стоит: «Соло — балалайка». Это значит, что исполнитель берет на себя ответ-

ственность за все, на что рассчитывает слушатель: почувствовать нечто, исходящее всего из трех струн.

А мир полон звуков, и он, Юрий Клепалов, тоже несет в себе мир, где причудливо переплелись речка Тавда и отроги Уральских гор, деревня Васьково и тихий клев на острове посреди озера. В его музыке все узнаваемо, близко и дорого. И понять это может каждый, для кого сотворение Родины начинается с березового колка и земляничной поляны в солнечном лесу, дождя, пляшущего на грядке, и улыбки старого человека в окне с геранями...

● Дорогие экспонаты

● Третий всесоюзный слет юных бабушкинцев состоялся ныне на родине революционера — в селе Бабушкино Вологодской области. Слет подвел итоги очередного этапа многолетней исследовательской работы, все полнее раскрывающей деятельность соратника Ленина И. В. Бабушкина.

● Следопыты свердловской школы № 33 решили составить географию конспиративных квартир Я. М. Свердлова. Есть у революционера в периоде подпольной работы «белые пятна». Раскрывать их помогают школьникам сотрудники свердловского Дома-музея Я. М. Свердлова.

● На месте уже давно не существующего улуса Кондой в Бурятии долго стоял большой черный камень, потом — скромный памятник с оградкой. Учащимся Нельхайской школы после многолетнего поиска удалось установить, что в этой братской могиле похоронены девять первых коммунистов Кондоя, погибших в 1921 году в битве с бандой Чернова. В память о героях гражданской войны по инициативе школы установлен обелиск.

● Фотоснимку этому, на котором изображен подросток в кавалерийской форме, более шестидесяти лет. Он открывает экспозицию о первых комсомольцах казахского Приуралья, которую представили в Урдикский историко-революционный музей следопыты местной школы. Ребятам удалось узнать имя кавалериста: им был Гусман Азербаетов, ставший комсомольцем в 1918 году и в неполные шестнадцать лет вступивший добровольцем в конармейский полк.

Подлинные документы, фотографии, письма — неотъемлемые атрибуты следопытского музея. А если это музей Ленинский — разве можно, спустя столько лет, при громадном государственном и народном интересе к личности Ильича, раздобыть что-то новое?

Но ведь как смотреть, что искать и к чему относиться как к подлинному...

Вот экспонаты Ленинского музея в Новоспасском сельском профтехучилище № 6 в Ульяновской области. Просто портрет старого человека, но у этого человека есть имя и есть жизнь за спиной, а в ней такой факт: в 1917 году этот самый Иван Дмитриевич Чугурин, будучи секретарем Выборгского райкома партии, вручил Владимиру Ильичу партийный билет за № 600... Просто книга — но в ней дарственная надпись участника Октябрьской революции В. П. Виноградова, который встречал Ленина на Финляндском вокзале перед вооруженным восстанием в Петрограде...

Первыми корреспондентами следопытов музея были Л. А. Фотиева, С. М. Буденный, Я. П. Калнинь. Это все соратники Ленина, и в их письмах ребята ищут не только воспоминания, но и советы, как жить, во имя чего жить.

Вот, например, какое наставление было в письме Г. Я. Лозгачева-Елизарова: «Не деньгами я богат, а сознанием принесенной людям пользы. Неужели может быть счастлив человек, живущий для своего блага и любующийся собой? Жить для себя — это самое скучное на свете. Постарайтесь понять меня, если любите и уважаете Ленина в себе, стремитесь свою жизнь построить по нему...»

● Цветы — буденовцам

По следам Первой Конной шел сначала небольшой отряд красных следопытов. Они выявили имена земляков-станичников, сражавшихся под знаменами Буденного. Но, как бывает, поиск принял такие масштабы, что отряду стало уже не под силу вести его, и тогда включилась вся 4-я школьная станица Атаманской Краснодарского края.

Со многими буденовцами свел ребят поиск: с маршалом Советского Союза К. С. Москаленко, генералом армии Д. Д. Лелюшенко, бывшим комбригом Д. И. Рябышевым, писателем А. П. Листовским, другими командирами и конармейцами Первой Конной. Все пионеры дружины зачислены в списки ее отрядов. С их помощью в школе создан музей.

Каждый год, 19 ноября, в день формирования армии Буденного, в школе проходит традиционный военно-спортивный праздник «И Первую Конную славят опять ее трубачи молодые». Ежегодно делегации школы возлагают цветы на могилу С. М. Буденного у Кремлевской стены, у памятника Первой Конной под Ростовом.

МОБИЛИЗОВАННЫЕ И ПРИЗВАННЫЕ

● С Горьким в Сорренто

Снимок был сделан в 1931 году Максимом Пешковым, сыном великого пролетарского писателя: рядом с Горьким Дмитрий Филаретович Коновалов, член КПСС с 1917 года.

Д. Ф. Коновалов родился на Урале, в Михайловске, работал на местном заводе. В 1911 году он был призван на военную службу — на флот, во Владивосток.

В 1918 году Д. Ф. Коновалов был избран членом Центрального комитета Красной Сибирской флотилии. После контрреволюционного переворота во Владивостоке 29 июня 1918 года ушел в подполье и работал по заданиям подпольного Дальневосточного комитета партии. В 1920—1921 годах был комиссаром, а после Меркуловского мятежа снова ушел в подполье.

После освобождения Владивостока Д. Ф. Коновалова назначили комиссаром эскадренного миноносца «Потапенко», с 1924 года моряк «сошел на берег» — занимал ответственные профсоюзные и хозяйственные должности.

В 1931—1933 годах в составе советских представительств Д. Ф. Коновалов побывал в Италии и Финляндии.

Узнав о приезде товарища из СССР, Алексей Максимович, находившийся в то время в Сорренто, пригласил уральца к себе в гости. Так началась их дружба. Позднее, когда М. Горький жил уже в Москве, Коновалов не раз заходил к нему.

Снимок хранится в Михайловском музее.

● Эпизоды яркой жизни

Обложка из плотного красного картона гласит: «Социал-демократы. Номер 34-й. Наблюдение за «Хитрой». Эта папка, пролежавшая в архивах более семидесяти лет, стала отправной точкой поиска ленинградских студентов — членов межвузовского штаба следопытов. На кого же завел департамент полиции секретное дело за номером 34?

Поиск студентов словно помог перелистать страницы жизни революционерки-большевички Нины Фердинандовны Агаджановой — опытной подпольщицы и умелого конспиратора.

Агаджанова начала работать в РСДРП еще курсисткой. В двадцать лет была выслана. К тому времени, когда было заведено полицейское секретное дело, — а это был 1915 год, — на квартиру Агаджановой в Петербурге с ее ведома и разрешения шла тайная почта думской фракции большевиков. Февральская революция призвала ее на баррикады. В дни Октябрьского восстания она обеспечивала связь Выборгского района со Смольным. В 1918 году работала в денкинском тылу...

Даже такой факт стал известен следопытам-студентам. Зимой 1925 года Н. Ф. Агаджанова вместе с Сергеем Эйзенштейном готовила сценарий о революции 1905 года. Долго трудились сценарист с режиссером, пока не поняли: всего намеченного в один фильм не вместить... И тогда было решено снять фильм только о восстании на броненосце «Потемкин».

● О следопытском клубе московских ребят «Красная гвоздика» рассказывает кинолента с одноименным названием, снятая Центральной студией научно-популярных фильмов. Фильм повествует о поиске, связанном со страницами революционной славы, и ставит, в частности, задачу — с помощью широкого зрителя помочь следопытам узнать о погибшей девушке-революционерке из Петербурга, имевшей подпольную кличку «Красная гвоздика», имя которой не установлено до сих пор.

● 15 000 посетителей побывали в мемориально-биографическом музее автора знаменитых «Красных дьяволят» П. А. Бляхина в челябинской школе-интернате № 2. Все здесь рассказывает о жизни писателя, его участии с юношеских лет в революционном движении, гражданской войне и борьбе с бандитами (кстати, у «Красных дьяволят» был подзаголовок — «Махновщина»).

● В селе Хотынец Орловской области установлен бюст Алексея Егоровича Бадаева. Молодым человеком уехал Бадаев из родных мест в Петербург, работал слесарем на заводе, включился в революционную борьбу, был избран депутатом в IV Государственную Думу от рабочих Петербурга и Петербургской губернии. Впоследствии стал видным советским работником. Школа в Хотынцах носит его имя.

ВЫСТОЯЛИ!

Оборона Москвы на Волоколамском направлении осенью 1941 года — легендарная страница в боевой летописи Панфиловской дивизии. Именно на панфиловцев обрушился главный удар группы «Центр», чтобы обойти столицу с севера. Четыре дивизии: две пехотные, одна моторизованная, одна танковая до 200 машин — двинулись на наши позиции. Это был таран, устремленный на Волоколамск, которому казалось невозможно было противостоять. Но панфиловцы выстояли.

В течение двенадцати часов у совхоза Большеево бушевал огненный смерч. Шестьдесят вражеских танков и две роты автоматчиков пытались прорваться к совхозу, который защищали всего два взвода да приданные пушки. Они выдержали этот полусуточный шквал и еще в течение трех суток не покидали позиций. Автоматчиками командовал старший сержант С. Т. Семиряков из Кировграда, стрелками — младший лейтенант Н. Я. Бердинский из поселка Горный Щит, что под Свердловском.

Это лишь один из множества эпизодов, которые навсегда остались в нашей памяти, памяти ветеранов. Я в это время был старшим политруком, секретарем партийной организации артиллерийского полка. В редкие часы передышки обходил передовые позиции. На разьезде Дубосеко-

во мне нужно было уточнить координаты артиллерийской поддержки в случае наступления танков. Закончив работу, разговорился с политруком В. Клочковым. Собственно, было не до бесед. Все мы понимали, что впереди жестокий бой, и для многих из нас последний. Клочков в полушубке, с биноклем в руках был задумчив, отвечал рассеянно. Видимо, он уже «проигрывал» в уме картину предстоящего сражения.

— Огня! Как покажутся танки — дайте максимум огня, — дважды повторил он.

Больше мы с ним не виделись. Клочков и его боевые товарищи навсегда ушли в Историю. Двадцать восемь героев погибли, но не пропустили вражеские танки к столице.

Немало уральцев сражались в прославленной дивизии. О некоторых я уже упоминал. Дважды были ранены и контужены командир пулеметной роты Н. Н. Мулаков, политрук автотранспортной роты Н. Г. Исаков — оба тюменцы. Они вместе с товарищами остановили гитлеровцев уже непосредственно в самом Волоколамске. Они сражались до тех пор, пока обоих в бессознательном состоянии не доставили в медсанбат.

Хваленая немецкая броня оказалась бессильной против советских солдат. Если в начале октября противник преодо-

левал в сутки примерно 25 километров, то в районе Волоколамска — не более 2,5 километра. Каждый метр доставался врагу с боя, ценой больших жертв, а потом, как известно, наступление и вовсе захлебнулось — немцы покатались от Москвы и — до самого Берлина. За героическую оборону столицы дивизия одной из первых удостоена звания гвардейской, 15 тысяч ее бойцов награждены орденами и медалями.

...Через сорок лет, в декабре 1981 года, уральская группа ветеранов-панфиловцев выехала на встречу с однополчанами. Мы побывали на огневых рубежах обороны дивизии — в Осташево, Крюково, Дубосеково, Волоколамске, Зеленограде. В Крюково с нами была Валентина Ивановна Панфилова. Дочь комдива оказалась достойной своего легендарного отца. Вместе с ним она ушла на фронт, после его гибели осталась в дивизии. Отважная медсестра была несколько раз ранена на поле боя.

Не узнать места былых сражений. Кварталы светлых домов, цветущие поля, детский смех — этот сегодняшний мирный день завоеван кровью отцов в те, уже далекие, сороковые годы.

А. СМЕРНОВ,
председатель совета ветеранов
уральской зоны Панфиловской дивизии, член КПСС с 1932 года

Доктор Граль

Георгий
ВОРОНОВ

Имя Федора Христофоровича Граля не встретишь в энциклопедиях и справочниках, кроме разве специальных пермских изданий. Причина проста. Он не оставил после себя значительных научных трудов, не сделал важных открытий. Это был простой врач, однако добрую память о себе оставил он на долгие годы. Когда-то о нем ходили легенды, его называли святым доктором.

Пермь первой трети прошлого столетия была городом небольшим, неблагоустроенным. С ним и связал свою жизнь врач Ф. Х. Граль.

На протяжении почти сорока лет, изо дня в день, можно было встретить живо шагавшего по немощным улицам невысокого мужчину в темно-зеленом мундире с длинными фалдами, со шлягой и в треугольной шляпе.

В «Сборнике научно-практических работ по организации здравоохранения и истории медицины», выпущенном в 1961 году в Перми, есть статья В. Т. Селезневой «Федор Христофорович Граль». В ней она отмечает, что его рабочий день начинался с 5 часов утра. Он принимал больных у себя дома, а в восемь уезжал из дому и возвращался только поздно вечером. После же утомительного дня снова работа — уже ночью. Надо обязательно заполнить врачебный журнал, прочитать новые медицинские книги, сделать отметки в журнале метеорологических наблюдений.

И такой распорядок на каждый день. Приходилось выполнять обязанности уездного врача, организовывать борьбу с эпидемиями, проводить военно-медицинские экспертизы, посещать больных на дому, лазарет в селе Верхние Муллы, где лечились мастеровые и крестьяне князя Голицына, обслуживать учебные заведения, учреждения Приказа общественного призрения — больницу, богадельню, воспитательный и рабочий дом, тюрьму. Кроме того, он установил специальные приемы для крестьян, которые приезжали в Пермь в базарные дни, выполнял обязанности инспектора врачебной управы.

Когда в 1798 году в Перми была оборудована больница на 25 коек, Ф. Х. Граль два года работал в ней бесплатно и за свой счет содержал больных. Только в 1800 году Приказ установил ему жалованье — 100 рублей в год.

«Маленькие великие люди» — называл заводских врачей дореволюционной России А. М. Горький. Да, они были такими. Для официальных властей труд народных врачей не заслуживал особого внимания, а для крестьян и заводских людей эти исцелители недугов были великими. И они безмерно любили их.

Когда по губернии стали распространяться слухи, что умирает доктор Граль, в Пермь устремились крестьяне многих окрестных сел и деревень, стоящих от города за 100 и 200 верст. В день похорон (18 июня 1835 года) в Перми не работали духовная семинария, гимназия, школы, присутствия... Все ушли в тот день на Сенной рынок, к дому умершего, чтобы проводить его в последний путь.

Граль исповедовал лютеранскую веру, поэтому по церковным канонам его нельзя было хоронить на христианском кладбище. Собравшиеся на Сенной распорядились по-своему. Они отнесли гроб в кафедральный собор и похоронили лютеранина во дворе со всеми почестями. Памятником ему стала высокая чугунная плита с лаконичной надписью «Доктор Граль».

Ей ответил Пушкин...

Павел
ВИТАЛЬЕВ

Составитель недавно изданной антологии «Русские поэгессы XIX века», говоря о костромичке Анне Готовцевой, не смог даже назвать ее года рождения — настолько скудны биографические сведения о ней. Обнаруженные в Костроме архивные материалы позволяют значительно расширить круг наших познаний об этой незаурядной поэтессе, которой великий Пушкин посвятил одно из своих стихотворений — «Ответ А. И. Готовцевой».

История его написания весьма любопытна. Поэт П. А. Вяземский познакомился с Анной Готовцевой в Костроме и переслал Пушкину ее стихотворное послание. Александр Сергеевич, проницательно относившийся к дамской поэзии столичных салонов, на этот раз был приятно удивлен безукоризненностью формы и значимостью содержания. Пушкин не остался в долгу и написал «Ответ А. И. Готовцевой». Оба эти произведения появились в альманахе «Северные цветы» за 1829 год.

А. И. Готовцева — ровесница Пушкина — всю жизнь прожила в Костромской губернии* (умерла она в 1874 году). Дочь богатого помещика, она получила превосходное домашнее образование, много читала и сама сочиняла стихи, печатавшиеся в московских журналах. В. Г. Белинский отмечал ее поэтические способности. Однако сама Готовцева, будучи весьма скромным человеком, не считала себя достойной звания поэта. А вот в своей племяннице Юлии Жадовской, которую взяла на воспитание, сумела открыть и развить подлинный талант. Именно Готовцевой обязана наша российская изящная словесность широкой популярностью таких ставших хрестоматийными стихов Жадовской, как «Нива» (Нива, моя нива, нива золотая...), «Грустная картина».

Грачи

Владислав
НИКОЛАЕВ

Рисунок
А. Банных

Утром я получил ключи от новой, с иголочки, квартиры, а в полдень из недалекого города прилетела Оля. Прилетела она покамест не совсем — только оглядеться, примериться да, быть может, еще раз что-то решить про себя.

Оля прохаживалась по сквозным свежим комнатам, как прохаживаются по музейным залам — сдержанно, сосредоточенно и вдоль середины, я же из кожи лез, чтобы если не собой, то хотя бы казенной квартирой окончательно заполнить гостью: щелкал выключателями, открывал и закрывал водопроводные краны, распалил на кухне газовую плиту и духовку, и все горелки одновременно, хотя варить было нечего и не в чем. Все твое! Владей! И меня заведи впридачу.

В кухне Оля остановилась у окна и засмотрелась на свет божий... Оттого, что окно было на пятом этаже, а за ним глубоко внизу горбились сугробами заснеженные крыши бревенчатых изб, свету и простору открывалось очень даже много, вплоть до темных лесов за городом и дальше — вплоть до бирюзового мартовского горизонта.

На противоположной стороне улицы, наискосок, стоял объемистый двухэтажный дом с голыми, без наличников, окошками: построенный во времена оны каким-нибудь бородатым да брюхатым купчиной, теперь он, судя по всему, был коммунальным ульем: к дверям лепились разноцветными почтовыми марками ящики для писем и газет, калитка во двор не закрывалась... Только в доме, где много хозяев, калитка всегда вот так — настежь.

Четырехскатную шатровую крышу, увешанную из-под низу иглистыми сосульками, широко осеняли раскидистыми ветвями два старых тополя.

Вдруг, откуда ни возьмись, на тополь пала черная грачиная стая. Птицы галдели, хлопали по воздуху крыльями, перепрыгивали с сучка на сучок, наконец удобно расселись и притихли, некоторые вроде бы даже задремали, свалив набок головы, — устали, зная, с дороги...

Через две недели Оля приехала совсем.

К этому времени снега с крыш сошли, сосульки обвалились либо истаяли, а в тополиных ветвях появилась краснинка — наливались животворным материнским молоком почки. И грачи были тут: тополя оказались конечным пунктом на их долгом пути. День и ночь птицы оглашали нашу тихую улицу ржавым карканьем — будто взад-вперед водили сразу множество дверей, с невычки мешали даже работать.

Я не вникал в грачиное существование. Оля же, едва успев приехать, сразу разобралась — ведут птицы жизнь не праздную и бесполовую, как заключал я по их базарным крикам, а вполне осмысленную, трудовую: строили в тополях гнезда. Это полностью примирило меня с беспокойными соседями.

Мы с Олей тоже принялись облаживать свое гнездовье: на другой день вместе привезли из мебельного магазина шикарный письменный стол — в подарок мне, потом она одна притащила откуда-то электрический уют, а я — сапожную щетку.

Однако у грачей дело шло гораздо быстрее. Тут и там в многопалых развилках на разных уровнях вырастали огромные плетеные корзины. К ним бы еще ручки дужками и летом — хоть по грибы. В некоторые уже уселись нести яйца грачихи — только вороненные головки с длинным клювом торчали над бортами ковчешков. Самцы во всю прыть носились окрест и между ветвей. В клювах они принесли карандашных размеров черенки для еще нестроенных гнезд. Ленивые добывали стройматериал прямо на месте: ходит-ходит такой по суку, высмотрит сухую веточку, прищипит ее костяным клювом, будто ножницами, и в один миг перестрижет. А если не перестрижет, то почнет нагибать из стороны в сторону, покамест не сломит. Порою веточки были живые, с оранжевыми скорлупками вокруг почек, ну, да не жаль, в дело идут, и у старого тополя их много.

Словом, в оконной раме все представлялось, как на знаменитой саврасовской картине: и деревья с краснинкою на тонких ветвях, только не березы, а тополя, и лохматые корзины, установленные в развилках, и крыши, и дали, и ставшие зеленой водою белые снега, и хлопотливые черно-серые птицы, птицы...

А у нас еще книжки лежали на подоконниках, и не было обеденного стола, и гостей мы угощали вином и чаем на разостланной по полу медвежьей шкуре, на которую они усаживались, подвернув по-восточному ноги калачиком.

Строительные работы на тополях, по-моему, еще не были завершены, когда однажды под вечер я заметил под деревьями двух подозрительных типов: ражего мужика в не по сезону собачьей полудохе рыжим мехом наружу, размахивавшего над головою метлой на длинном черенке, и долговязого подростка в синей бо-

лоньевой куртке и красном берете на длинных, чуть не до плеч, желтых патлах, то и дело целящегося из рогатки куда-то вверх... Да не куда-то, черт побери, а в грачиные гнезда. И мужик в рыжей собачине разгонял метлой тоже не воздух, а птиц. Слава богу, они были высоко — метла не доставала, а пущенные из рогатки камешки ли, пульки ли пролетали мимо.

Убедившись в тщете своих усилий, разбойники через распахнутую настежь калитку скрылись в коммунальном дворе. Но что-то еще удерживало меня у окна. И не зря. Спустя несколько минут красный берет появился на крыше двухэтажного дома, возле пегой от облезшей извести трубы. Теперь гнезда были над самой его головой и рядом. Птицы взвились в воздух и загалдели-застонали: ой-ой-ой! что-то будет!

А красный берет, опершись спиной о трубу, прищурился, прицелился, раздвинул широко руки с резиной и пустил первый снаряд. Вздрогнула ближайшая корзина, вывалилось из нее несколько черенков, а со второго прицельного попадания она разом рассыпалась вдребезги.

А птицы вились над деревьями и горестно причитали-стонали: ой-ой-ой!

«Так он уничтожит все гнезда!» — переполошился я и, в чем был, бросился из квартиры.

Подъезд наш выходил во двор, а дом был длинный-предлинный, на целый квартал, пока я обходил его да подбегал по улице к топлям, там все уже было кончено: никаких корзин на суках и никаких птиц в небе. Точно ураган пронесся и утащил их с собой.

На сыром тротуаре широко валялись сухие черенки да там-сям кляксами желтели битые грачиные яйца. Мужик в собачьей полудохе деловито махал по тротуару метлой и говорил хоть и про себя, но так громко, словно ораторствовал на собрании:

— Ишь, развели базар-демократию. Наверно, думали, и силы против них не найдется. Нашлась! Теперь порядок. Хоть круглые сутки дрыхни — никто не обеспокоит...

Грачи на наши тополя следующей весной не опустились... Изредка я вспоминаю тех, из побитых гнездовий, и мне всякий раз бывает не по себе: ужели я пугаюсь за что-то свое?

Огрех

Сельская девушка, переправив меня на лодке через реку, сказала:

— Отсюда до Московского тракта рукой подать — километра два, не больше. Держитесь вон на ту березу.

Сразу за рекой начинались поля. Цвела рожь, зеленела пшеница. Но особенно хороша была кукуруза. Ее ровные зеленые рядки, вероятно, совсем недавно обработали культиватором, потому что срезанный сорняк еще не успел завянуть.

В самом центре плантации я увидел клочок невспаханной земли. Ни кустов, ни пней на нем не было. Подумал: «Какой-то бракодел умудрился на ровном месте огрех оставить». Подошел поближе. Почва, что асфальт, без единой вмятины, только густо усыпана соломой.

Мне показалось, что солома в одном месте шевелится. Присмотрелся. Действительно, шевелится. Не крот ли? И вдруг из-под самого носа с хриплым криком вылетает утка. От неожиданного ее появления вздрагиваю и отступаю назад. А утка, словно подбитая, трепещет в кукурузных рядках. Затем снова взлетает. Перьев на животе нет, хвост тоже порядочно вылинял.

Наклонившись, разгребаю солому. В пуховом гнезде — девять зеленоватых яиц. Яички теплые, наверное, давно насиживаает. Так вот почему механизаторы оставили здесь огрех!

Осот

Летчик опылил поле гербицидами и улетел на аэродром. А через неделю вернулся взглянуть на результаты своей работы. Посадив самолет на поляне у бригадного стана, он быстро зашагал к полю, помахивая красивым из желтой кожи планшетом.

Следом семенила тетя Агаша, маленькая и худенькая женщина, занимающая в бригаде сразу две должности — повара и учетчика.

Они вместе вошли в густую и зеленую пшеницу, и летчик с удовлетворением отметил, что гербициды хорошо подействовали на сорняки. Осот уже свернулся и поник к земле.

— Когда вы пудрили это поле, я не верила, что будет толк, — смущенно призналась тетя Агаша, скрестив на груди свои совсем не женские руки. Были они крупные и загрубевшие, с каким-то зеленовато-синим оттенком, точно подкрашенные медным купоросом.

Летчик смотрел на эти руки и ему, видимо, было не по себе.

— Где вы так натрудили их?

— Кого? — не поняла тетя Агаша.

— Руки.

— А-а, — она отвернулась и замолчала. Потом тихо заговорила:

— В последний военный год дюже много осота вылезло на этом поле. Мы, бабы, всем селом дергать его ходили. Некоторые в рукавицах работали. А мне не из чего было шить рукавицы: каждый лоскут холста на ребячью наготу пускала. Сенька-то мой, солдатик убитый, их восьмерых мне оставил...

Летчик закурил и нахмурился. А тетя Агаша добавила:

— А вы вот один порушили весь осот и даже мозолей не натрудили...

Теренгуль — белое озеро

Поднявшись на высокий таежный пригорок, я вынул из рюкзака старенький бинокль и пристально посмотрел вокруг. Где-то в этих местах находилось озеро Теренгуль, на котором однажды весной мне довелось провести несколько дней.

Помнится, когда впервые я увидел его, то не сразу понял, что это: озеро или сад с оросительной системой. Ни обширных плесов, ни илистых пропарин на нем не было. Были длинные и чистые ленты воды, а между ними — цветущие полосы калины и черемухи. Будто кто-то нарочно нарезал в этих крупных, как тальниковый часток, камышах канавы, заполнил их водой, а валы засадил дикими плодовыми деревьями.

— Теренгуль, однако,— чудо! — говорил мне тогда тамошний промысловик Рашид Абдрахманов.— Рыбешка тут шибко сладкий, а красота, сам видишь, ой-ой какой!

Да, я был поражен прелестью озера. Здесь совсем не чувствовалось запаха тины, не веяло по ночам прелой и холодной сыростью, какую обычно чувствуешь на глухих водоемах. Круглые сутки на Теренгуле стоял приятный воздух, щедро насыщенный ароматом черемухи и молодого разнотравья.

На этом озере рыбачили в свое время и дед, и отец Абдрахманова. А сам Рашид впервые поставил тут самодельную «мордушку» в тот голодный военный год, когда умерла его сестренка. На руках матери оставалось еще трое детей. Он, двенадцатилетний Рашид, был самый старший, а потому и стал заботиться о семье. Не всегда, правда, везло ему на улов. Но если удавалось добыть хоть парочку карасей, в их хате был настоящий праздник. Мать обычно усаживала его на то место за столом, где всегда сидел погибший на фронте отец, и налибала ему самую большую миску ухи. «Много ешь, сынок,— говорила она.— Тебе надо быть крепким — ты наш кормилец».

С тех пор Абдрахманов на всю жизнь привязался к Теренгулю. Долгое время промышлял на нем в составе рыболовецкой бригады госпромхоза. Но потом рыбы в озере заметно поубавилось. Бригаде предложили перебраться на другой водоем. Но он, Рашид, куда отсюда не поехал. Госпромхозовскому начальству свое решение объяснил так: шибко, мол, люблю Теренгуль, буду рыбачить на нем один.

Ему дали соответствующее задание по добыче рыбы, с которым он едва-едва справлялся. Заработок был никудышный, но и эти небольшие деньги Рашид не всегда приносил домой: покупал на них в рыболовецких хозяйствах мальков и запускал в Теренгуль. Кое-кто откровенно посмеивался над ним: дескать, чудак мужик, в залатанных штанах ходит, а об озере печется.

Но он знал, что делает. Через два-три года уловы у него стали небывальными. Ежемесячно он отправлял в торговую сеть по несколько автомашин карпа, сазана и другой ценной рыбы. О нем узнали в Москве, наградили орденом.

От радости Абдрахманов был «на седьмом небе». Только недолгой была она, радость. Зачастили на Теренгуль браконьеры. Сетями и неводами бессовестно грабили разведенную им рыбу. Рашид денно и ночью пропадал на озере. В него два раза стреляли. Но каким-то чудом он остался жив, и, выйдя из больницы, снова возвращался на свой родной Теренгуль.

— У меня хороший помощник: милиция приезжает сюда, егеря тут ночуют, однако шалит пока браконьер,— рассказывал мне Абдрахманов.

И вот сейчас, осматривая в бинокль местность, я снова хотел увидеть Теренгуль. И увидел. Справа от меня из

желтого камышового займища, казалось, поднимается в небо огромное белое облако. Это цвела на островах озера черемуха. И даже здесь, на далеком расстоянии, чувствовался ее медовый запах.

И вдруг на меня повеяло гарью. Я еще раз взглянул на озеро и не поверил своим глазам: в том самом месте, где должна была стоять избушка Абдрахманова, бушевал огонь. Светлое пятно сливалось с белыми черемуховыми кустами, и поначалу я его просто-напросто не заметил. Но сейчас мне хорошо было видно все, даже коренастая фигура Рашида, метавшегося у пожарища. Рашид тушил не избушку, а камыши. Сбивал огонь чем-то тяжелым и темным. И с каждым его взмахом ввысь взлетали столбы ослепительных искр и черного пепла.

Я кубарем скатился с пригорка и бросился на помощь Абдрахманову. До озера было недалеко — километра два, а то и больше. К тому же мне мешали бежать по займищу тяжелые кирзовые сапоги. Выбившись из сил, хотел было снять их, но не смог: в голенцах набилась вязкой болотной грязи, и ноги в ней, что называется, наглухо засало.

Из камышей пожар не был виден. И только пепельные взрывы, летевшие в небо, говорили о том, что Рашид продолжает борьбу с огнем. Я хорошо знал характер этого человека: сгорит, но не отступит. Ведь это он однажды не побоялся преградить путь к озеру шести вооруженным браконьерам. Потом, в больнице, его спрашивали: страшно было? «Какой там страх? — удивился он. — Я свой кровный дело берег».

...Когда я наконец добрался до Теренгуля, пожар был уже потушен. От избушки остались лишь горячие головешки. А выгоревший у пристани берег едва струился слабым дымком.

В истлевшей одежде Абдрахманов сидел на черной кочке и держал в руках маленькую уточку. Вместо перьев на хвосте и крыльях торчали у нее обгоревшие шильца. Но она была живая, то и дело втягивала в себя серую головку и дрожала вся, как осиновый листок на ветру.

— Как же огонь-то возник?

— Ай, не спрашивай! — вздохнул Рашид.— Видать, шибко плохой человек был рядом. Когда я пошел в лес тычка рубить, он и поджег...

Абдрахманов опять отвернулся и задумчиво стал смотреть на озеро. Теренгуль был прежним. И только черный от пожара берег как-то строго и грустно выделялся на белом фоне цветущих черемух.

Хозяин

Лес еще не распустился, хотя солнце грело жарко, по-весеннему. Где-то высоко в небе радостно заливался жаворонок. В осиновом колке кудахтали тетерка. На болоте, у старого рьяма, скрипел коростель.

Я стоял, прислонившись к могучей березе, и слушал птиц. Совсем рядом раздался непонятный грохот. Что это? Сквозь ветви деревьев увидел деда Захара из соседнего села. Он сидел на пне у только что разваленной поленницы дров и, размахивая руками, громко ругался.

— Добрый день, дедушка! На кого так раскипятился?

— Да вот работу бесшабашных хозяев узрел. Понимаешь, пошкандыбал утречком в лес черенки для вил заготовить. Иду себе березняком и вижу эти поленницы. А в них — колотые дрова вниз берестой сложены. Головоутипство, ей-богу! Уже сейчас вода под кору попала. А пойдет большой дождь — капут, гнить будут. Две поленницы уже перекрыл. Теперь вот третью повалил. Коль не устал, добрый человек, помоги закончить дело.

— А чьи это дрова?

Старик с сожалением посмотрел на меня:

— Тут, батенька мой, фамилия на полешке не написана. Откудова мне знать, чьи они?..

Загадка Исчезнувшей почты

**Дмитрий
АЛЕКСЕЕВ,
Павел
НОВОКШОНОВ**

Августовским днем 1912 года из Петербурга в Арктику на шхуне «Св. Анна» отправилась экспедиция лейтенанта Георгия Брусилова. Хотел он пройти, впервые под русским флагом, вдоль Северного морского пути из Атлантики в Тихий океан. В октябре шхуна попала в ледовый плен возле западного побережья Ямала, а вскоре двинулась вместе со льдами на север.

Полтора года продолжался этот дрейф. Весной 1914 года судно оказалось уже в центральной части Арктики и продолжало двигаться на запад, повторяя маршрут нансеновского «Фрама». Экипажу предстояло пережить уже третью зиму в ледяной пустыне...

Не все было благополучно на борту «Св. Анны»: давно не стало единства среди членов экспедиции, начались ссоры между Брусиловым и его заместителем штурманом Альбановым, и 23 апреля 1914 года 11 человек во главе с Альбановым покинули судно. Они отправились пешком по дрейфующим льдам на юг, к Земле Франца-Иосифа. А «Св. Анна» бесследно затерялась в белом безмолвии Арктики... В полярное плавание на шхуне отправились 24 человека, а два года спустя, осенью 1914 года, вернулись на Большую землю только двое: штурман Валериан Альбанов и матрос Александр Конрад.

В трагическом дрейфе брусиловской экспедиции известно ничтожно мало. Многие пробы в ее истории могли бы восполнить письма экипажа. Известно, что Альбанов вез с собой почту. Были в ней и письма тех тринадцати человек, которые остались на шхуне и до конца разделили ее судьбу. Среди них находилась и одна женщина — Ерминия Жданко.

Об альбановской почте мы вспомнили, когда проводили изыскания в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота. Брусиловская экспедиция сна-

ряжалась на частные средства и оставила в архиве незначительный след. Но среди документов Главного Гидрографического управления, которое занималось исследованием Арктики, сохранились многочисленные запросы и прошения родственников участников брусиловской экспедиции. Так, родители повара Ивана Калмыкова и мать машиниста Якова Фрейберга беспокоились о судьбе своих сыновей. Жена гарпунера Михаила Денисова хотела получить причитавшееся ему жалование. Отец Ерминии Жданко просил уведомить его, «...считается ли как судно «Св. Анна», так и личный состав экспедиции погибшими». Жена гарпунера Вячеслава Шленского хотела знать дату, с которой ее муж считается пропавшим без вести.

Гидрографическое управление, естественно, ничем помочь не могло и рекомендовало обращаться за разъяснениями к штурману Альбанову в Ревель. Значит, письма, которые он вез, до своих адресатов почему-то не дошли...

Некоторое время спустя к нам в руки попал фотоснимок неизвестной ранее записки Альбанова. Его прислал читатель К. Полосов, который совершенно случайно обнаружил негатив между страницами первого издания дневника Альбанова, опубликованного в 1917 году. Записка датирована тем же годом и отправлена из Ревеля. Вот ее текст:

«Г-н Брейтфус! Сообщаю Вам, что Георгий Львович вручил мне на шхуне жестяную банку с почтой. В Архангельске я вскрыл банку и пакет отправил М. Е. Жданко. С уважением. В. Альбанов».

Находка счастливая и, по-видимому, очень важная. Но действительно ли записка написана Альбановым? Мы обратились за помощью к криминалистам ВНИИ МВД СССР. Эксперты провели кропотливое графическое исследование и сделали вывод: да, это почерк Альбанова.

А кто такой Брейтфус? Л. Брейтфус занимал ответственный пост в Гидрографическом управлении. Принимал участие в организации поисков полярных экспедиций Владимира Русанова и Георгия Брусилова. Написал предисловие к первому изданию дневника Альбанова. Почему Брейтфус интересовался содержанием жестяной банки? Что находилось в пакете, который Альбанов отправил Михаилу Ефимовичу Жданко, дяде Ерминии Жданко, начальнику Гидрографического управления?

Мы решили найти ответы на все эти вопросы, проследить путь таинственной жестяной банки и попытаться выяснить судьбу писем экипажа, которые исчезли при загадочных обстоятельствах...

Эта запаянная жестяная банка была едва ли не самым ценным грузом. Она хранила рапорт Брусилова Гидрографическому управлению, выписку из судового журнала «Св. Анны» о многомесячном дрейфе, личные документы тех, кто покинул 23 апреля 1914 года шхуну и по льду отправился к мысу Флора на Земле Франца-Иосифа. И письма к родным и близким от оставшихся на судне.

Для штурмана Альбанова жестянка имела особое значение. Ведь судно покидал он из-за конфликта с капитаном. Брусилов ознакомил штурмана со всеми документами, которые предстояло нести к земле, разумеется, за исключением писем.

В своем дневнике Альбанов кратко касается причин трагических событий дрейфа. Ничего не говорит о них и Брусилов в лаконичном рапорте. Молчит и выписка из судового журнала, составленная Ерминией Жданко, — документ официальный, строгий, не допускающий никаких эмоций. Все, кто писал об экспедиции, ограничивались этими скупыми объяснениями. И вполне понятно: потому что нет фактов, — тех самых, что были в

письмах. А письма до адресатов не дошли...

Вчитываемся внимательно в альбановский дневник. Первая его часть, до половины мая 1914 года, и записки, относящиеся к началу плавания «Св. Анны» и тягостному дрейфу, утонули при сомнительных обстоятельствах во время пешего похода по льдам к Земле Франца-Иосифа. Они восстановлены Альбановым по памяти, конфиденциально, при подготовке дневника к публикации, по крайней мере, два года спустя после возвращения в Россию. И невольно бросается в глаза, что теме почты в записках отводится значительное место.

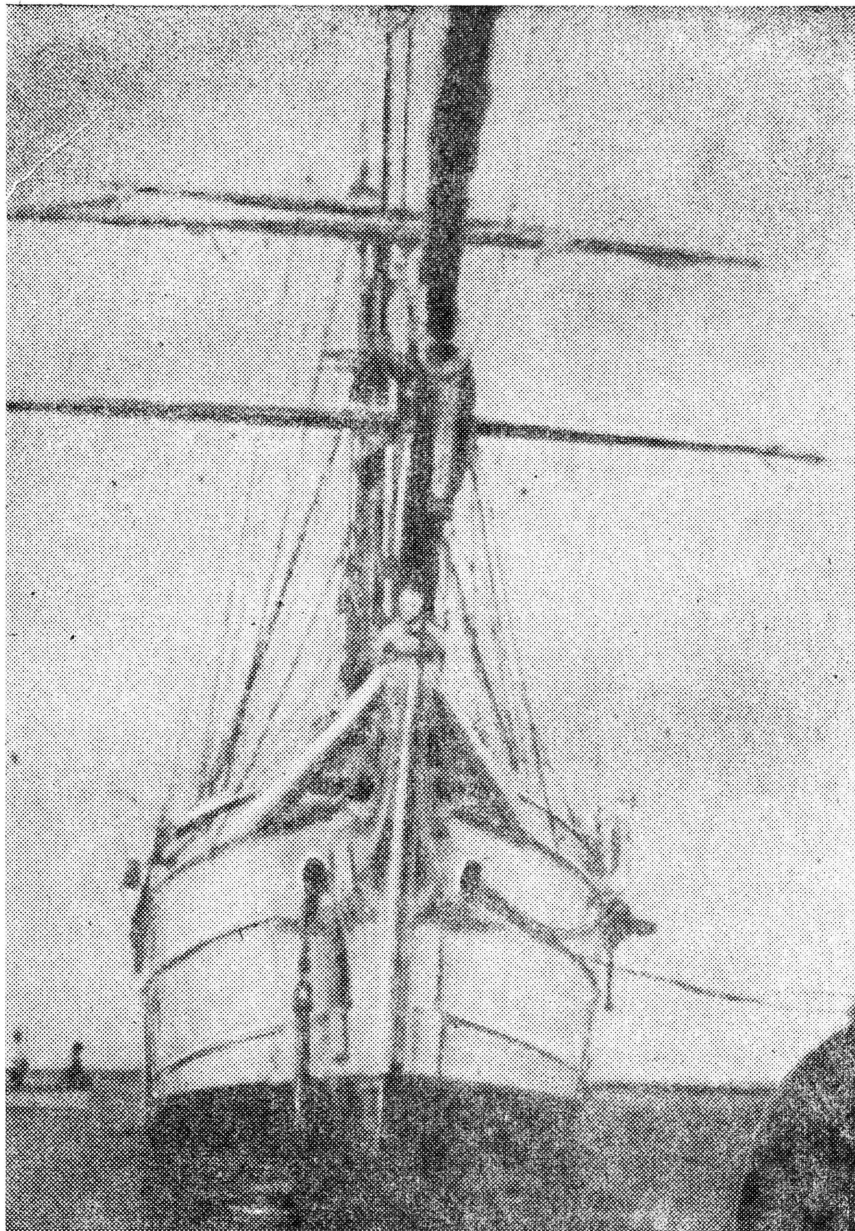
«Георгий Львович, Ерминия Александровна, Шленский заняты делом: они пишут. Боже мой! Что они пишут с утра и до вечера вот уже целую неделю? — с нескрываемым раздражением отмечает Альбанов. — Мне иногда становится страшно, каких размеров, какого веса дадут они нам почту в тот далекий день, где люди живут и настоящим, а не только прошедшим и будущим, как у нас на «Св. Анне». Но, к моему удивлению, почта оказалась невелика, не более 5 фунтов».

А невелика ли?

Жестянка весит граммов 200—300. Рапорт и выписка с личными документами столько же. И около килограмма писем. Много ли это? Школьная тетрадь весит 35 граммов. Почти 30 тетрадей! А писали убористо — бумагу экономили. Да и раньше принято было использовать лист с двух сторон. Таким образом, текста в переводе на машинно-писный стандарт приблизительно 15 тысяч строк!

Содержания писем Альбанов не знает. Но уверен — там написано все о дрейфе, взаимоотношениях в команде, а самое главное — как характеризуют Альбанова те, с кем он поспорил? Не раскроют ли письма того, почему Брусилев отстранил штурмана от должности, что всего одной строчкой зафиксировано в выписке из судового журнала? Не расскажут ли они и о других неизвестных и поныне событиях этого загадочного дрейфа, не отраженных ни в выписке, ни в рапорте Брусилова? И выбросить бы эту жестянку! Беспольный, лишний в походе груз. Но в жестянке рапорт и выписка. Документы эти оправдывают уход штурмана, а вместе с ним и половины экипажа, чтобы оставшиеся могли продолжить дрейф до благополучного окончания.

И Альбанов бережет жестянку пуце глаза. И все идущие с ним десять человек знают о ней, тоже ее берегут. Хотя им, нижним чинам, о которых штурман отзывается жестко и осуждающе, ничего не

Шхуна «Св. Анна» в Александровске на Мурмане.

грозит. Они не бунтовали, не захватывали корабль, не меняли курса по своему усмотрению. И нельзя вскрыть жестянку и снова ее запаять. Идут, ночуют все вместе. Круглые сутки друг у друга на глазах. А если вскрыть и прочесть письма несмотря ни на что, под угрозой окажутся и выписка, и рапорт: их погубит сырость. А эти бумаги Альбанову нужны!..

И вот в ледовой партии чрезвычайное происшествие: двое бегут, выкрав пищу, патроны и бинокль с компасом. И жестянку прихватывают, потому что понимают ее ценность: с ней они вроде бы являются законными посланниками капитана. И если доберутся до Большой земли, жестянка их оправдает.

Оставшиеся, естественно, озлоблены: им предательски нанесен удар. Сбежавшие взяли самое необходимое, жизненно важное. Если постигнут беглецов — устроят самосуд. И самая строгая мораль это оправдает.

8 июля, после двух с половиной месяцев блужданий по дрейфующим льдам, группа Альбанова наконец добирается до Земли Александры — одного из многочисленных островов архипелага Франца-Иосифа. И сразу же натывается на беглецов, застав их врасплох. Те молят о пощаде, но последнее слово за Альбановым. Он медлит, взвешивает все «за» и «против». Он лидер, в него верят: только он может привести группу к намеченной цели. И жестянка цела... «Простить, — говорит штурман. — Ради прихода на землю».

Простить! И один из беглецов — это был матрос Конрад, что легко понять из сопоставления альбановского дневника и записей самого Конрада) теперь неоплатный должник штурмана: тот спас ему жизнь. Конрад становится тенью Альбанова и везде при нем неотлучно.

А до мыса Флора на острове Нордбрук, конечной цели похода, еще сто с лишним километров. А поход чудовищно труден, — это поистине марш смерти. Люди гибнут один за другим. Одни — от болезни, другие исчезают без вести в ледяных торосях. И штурман (чем и ценен его дневник) описывает все правдиво, без прикрас.

Судьба расставляет фигуры на своей шахматной доске причудливо и необъяснимо. Наконец на мысе Флора, в хижине зимовавшей здесь когда-то английской экспедиции Джексона, где есть запас продовольствия, оказываются двое: Альбанов и Конрад. С ними жестянка. И сколько угодно времени для рас-

мышлений. И уже надежда, что их найдут, подберут, доставят на Большую землю. Теперь они могут ждать и год, и два. После такого похода им ничего не страшно. И волно или невольно возникает в сознании будущая жизнь. Та, пока еще далекая, на материке, в цивилизованном обществе...

А письма? Пятнадцать тысяч строк информации? Не взорвет ли эта информация его, Альбанова, будущее благополучие? Завоеванное нечеловеческими усилиями, игрою случая, подарившего спасительный шанс... может быть, один из ста.

Пройдемся еще раз по дневнику Альбанова.

«На судне, перед уходом партии, гарпунер Денисов спросил, где я буду вскрывать почту: в России или в Норвегии. Это было для меня последней каплей, и я уже не выдержал: наговорил ему кучу дерзостей и посулил за первыми ропсками поборотся в полях и почту, и сумки... так как далеко не уверен, доберусь ли я до почтового поезда...» Но чуть далее Альбанов пишет, что извинился перед Денисовым и «...обещал ему, что во всяком случае, куда бы я ни попал, постараюсь, чтобы почта вся дошла до своего назначения».

До отхода со «Св. Анны» остается совсем немного времени. «...Стюард накрывает столы и расставляет приборы, стараясь, чтобы обед был попараднее. А наверху все пишут, пишут и пишут...»

30 июня для пешей партии очень тяжелый день: побег. И дневниковая запись вновь упоминает о почте. Забрали беглецы «...и запаянную жестяную банку с почтой и документами всех нас». На следующий день все идут молча, находясь под впечатлением предательского побега. Мысли постоянно возвращаются к похищенной жестянке. «Зачем беглецы предпочли унести наши частные вещи и забрать все документы, паспорта и почту?»

А когда 11 дней спустя сбежавших настигают, почти все похищенное найдено в сохранности. «Даже большая жестяная банка с документами и почтой оказалась нераспечатанной, хотя беглецы и очень нуждались в посуде для варки пищи».

Но вот страшный поход позади. Из 11 человек, которые покинули шхуну, девятых огня Арктика. Альбанов и Конрад в теплой хижине. Вместе с остатками снаряжения, «...которого, правда, осталось немного: компас, бинокль, секстант, две книжки да две или три банки, из которых одна была с

почтой». И в мыслях Альбанов уже видит себя на Большой земле. Он заслужил это. Так неужели какие-то прошлые неблаговидные события властно заявят о себе именно в этих частных письмах? И снова в дневнике возникает тема почты:

«Должен упомянуть об одном странном обстоятельстве, рисующем наше душевное состояние по прибытии на мыс Флора. В тот момент, как увидел я надписи Седова и две банки с почтой (это были записки заместителя начальника седовской экспедиции Кушакова о местонахождении и положении экспедиции. — Прим. авт.), у меня мелькнула мысль, что в этом году должно прийти судно. Уверенность моя в этом была так велика, что я до прихода судна не вскрыл банок с почтой, которые были привязаны проволокой над большим домом (выделено Альбановым). Из писем, помещенных в них, я много узнал бы интересного для меня, и я уверен, что всякий на моем месте первым делом открыл бы эти банки. Мне странно и самому теперь, почему я не открыл эти банки с почтой, которые для того и повешены, чтобы их открыли и прочли письма?.. И очень, может быть, хорошо сделал, что не прочел содержимого банок. Многие узнали бы я из этих писем неожиданного для себя...»

Память — инструмент коварный. Быстро выветривается из нее все, что может представить наши деяния в невыгодном свете или хотя бы бросить тень. Но одного не может скрыть, пожалуй, самый искусный составитель дневника — основной мысли, которую он хотел бы спрятать, вытравить: она помимо его воли выпирает. У Альбанова — это история с письмами.

Есть упоминание о почте и в частном письме Альбанова матери Брусилова, отправленном 4 сентября 1914 года из Архангельска. Но называет в нем Альбанов только пакет с выпиской из судового журнала на имя начальника Гидрографического управления. И ни слова о письмах! Как будто их и не существовало.

Матрос Александр Конрад был (а может быть, стал) человеком страшно молчаливым. Уклонялся от всех расспросов о дрейфе «Св. Анны» и пешем походе к Земле Франца-Иосифа. В Петербурге родственники Ерминия Жданко и Георгия Брусилова безуспешно пытались увидеться с ним, порасспросить о своих близких. Не единожды договаривались о встрече по телефону. Но в условленные места Конрад не являлся... С родственниками Жданко и Брусилова охотно и подолгу беседовал только Альбанов.

О судьбе писем никто официально не допытывался. Мало кто вообще догадывался об их существовании. В выписке из судового журнала о письмах упоминалось неопределенно, всего одной фразой: «Остающиеся на судне деятельно готовят почту».

Дневник В. И. Альбанова увидел свет в бурное для России время, когда революционные события отодвинули брусилловскую экспедицию на задний план. А спустя два года в Сибири, на пути из Омска в Красноярск, Альбанов погибает при обстоятельствах довольно неясных. Конрад пережил своего начальника и спасителя на двадцать с лишним лет. И все годы по-прежнему молчал.

Версия Альбанова о событиях дрейфа стала основополагающей для всего, что было написано об экспедиции, и принималась без оговорок и возражений. Но почему-то на факт исчезновения писем никто не обратил внимания. Только Брейтфус поинтересовался содержанием жестяной банки. И Альбанов ответил осторожно и неопределенно: мол, нашел в жестянке пакет и отправил его. О письмах — ни звука.

Где же была жестянка вскрыта? По логике — в Архангельске, откуда быстрее всего почта, официальная и частная, доберется до адресатов. Это вроде бы подтверждает и найденная записка Альбанова. Но соображения этические должны были подсказать ему, что вскрыть жестянку лучше при свидетелях. Ведь в ней не только выписка из судового журнала, но и письма, а также документы всех пропавших без вести и погибших спутников Альбанова. Однако в дневнике Альбанова не упомянуто, где, когда, при каких обстоятельствах он вскрыл жестянку. Владимир Визе и Николай Пинегин (одни из тех, кто встретил Альбанова на «Св. Фоке», подобравшем их с Конрадом на мысе Флора) упоминают: пакет с выпиской из судового журнала (пакет, а не жестянка!) был у Альбанова на груди. Этот пакет и был отправлен в Петербург.

В письме к матери Брусилова из Архангельска Альбанов пишет: «Сегодня я отправлю пакет начальнику Гидрографического управления, и я предполагаю, что Вы узнаете от него все подробности».

Что же было в этом пакете? Вот текст сопроводительной записки Альбанова начальнику Гидрографического управления: «Покидая шхуну «Св. Анна», я получил от командира, лейтенанта Брусилова,

Штурман В. Альбанов и матрос А. Конрад на каяке. Снимок сделан Н. Пинегиным на мысе Флора в 1914 году. Публикуется впервые.

прилагаемый при сем пакет. Что заключается в этом пакете, я наверно не знаю, но думаю, что донесение об плавании и дрейфе шхуны».

Четыре дня спустя, 8 сентября 1914 года, пакет очутился на столе генерал-лейтенанта М. Е. Жданко, который немедленно доложил о его содержимом начальнику Главного Морского штаба вице-адмиралу Стеценко: «Сего числа я получил из Архангельска рапорт лейтенанта Брусилова от 10 апреля сего года с приложением выписки из вахтенного журнала. Писем в пакете не было».

В семейном архиве Брусилых нашлось письмо М. Е. Жданко к матери Георгия Брусилова: «Милостивая государыня Екатерина Константиновна! Штурман Альбанов доставил мне выписку из дневника, который Ваш сын вел во время плавания на шхуне. Сняв с этой части дневника копии, подлинник имею честь препроводить при сем в Ваше распоряжение». Долгие годы Екатерина Константиновна как реликвию хранила эту выписку, а затем передала ее в музей Арктики и Антарктики. Писем от сына она не получила. Они исчезли вместе с жестяной банкой. По-видимому, навсегда...

Нам представляется, что жестянка была вскрыта не в Архангельске, а на мысе Флора, незадолго до прихода «Св. Фоки». Конрад в то время надолго отлучался, об-

следуя остров, и Альбанов оставался один. Искушение было велико. Вполне возможно, что письма были прочитаны, а Конрад об этом знал. И может быть, именно поэтому избегал потом расспросов и встреч.

Выписка из судового журнала «Св. Анны», которую доставил Альбанов, сыграла важную роль в изучении гидрографии Карского моря. Профессор Визе по дрейфу шхуны точно вычислил (по сути дела, открыл сидя в кабине!) новый остров. Случай в гидрографии уникальный. Поразительно отважное и невероятно трудное путешествие льдам полярные авторитеты поставили в ряд с походами Нансена, Пири и Шеклтона. Но тайну исчезнувшей почты он скрыл навсегда...

РАССКАЗ СТАРОГО СОЛДАТА

Записано

со слов

Анны Курамшиной

Публикация
Евгения ЗЕМЛЯНСКОГО

Рисунки
Э. Баженовой

ОТ ПРИСЛАВШЕГО РУКОПИСЬ

Старинному русскому городу Сызрани исполняется нынче триста лет. Что представляла из себя Сызрань век назад? Город банков, страховых и пароходных обществ, мельниц, сукновален и ярмарок, землевладельцев, мастеров и торговых людей... В ресторанах и питейных заведениях собирались остроловы. Молодые люди писали стихи и рассказы в альбомы своим избранницам. За немением газеты изустно передавались городские новости.

Выделялась в этой среде наиболее проспешенная группа из «Общества приказчиков». Они влияли на культурную жизнь города, устраивали общедоступные беседы и лекции, учредили обменный библиотечный фонд.

С этой средой и связано появление рукописи «Рассказ старого солдата».

Наш родственник, Гаврила Землянский, до призыва служил у купца посудно-хозяйственного магазина, состоял в обществе. В армию пошел на главный черноморский корабль «Броненосец Потемкин». Однажды, как рассказывали в семье, двое из «Общества приказчиков» принесли неожиданные вести о бунте матросов и уходе корабля в Румынию. Прощаясь, они посоветовали никому ничего не говорить об этом: «Знать, мол, ничего не знаем, и писем не получали». И уже на выходе попросили мать сохранить до их прихода небольшой железный ящик, подобный тем, в которых берут в обозную дорогу продукты или что надо для защиты от непогоды.

В последующие дни за ящиком никто не пришел. А вскоре на Сызрань обрушились пожары... Сгорел дотла и наш дом. На возведение нового ушли годы. И вот однажды при расчистке сгоревшего погреба железный ящик снова появился на свет. В проржавленном и покоробленном ящике лежала рукопись.

Кому она принадлежала? Кто записывал? Чье право авторства первое? Что за женщина — Анна Курамшина?.. Здесь тот случай, когда вынь да положь ответ, а он не вынимается и не кладется... Рассказ ведется от первого лица, герой его — участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Ни раньше войны, естественно, ни во время ее рукопись быть написана не могла, она могла появиться только в конце войны или во временном отдалении от нее.

...Постоянно бесценны сокровища бабушкиных сундуков!

Евгений ЗЕМЛЯНСКИЙ.

Однажды, в предпраздничный день, уже к вечеру, когда мать с сестренкой ушли в церковь ко всенощной, я забралась на полати, а отец, примостившись у окна с шильцем и дратвой, стал перебирать и приводить в порядок конскую упряжь. Погода была еще теплая, но к вечеру приходила августовская прохлада, поэтому двери и в сенцы, и в избу были притворены.

Вдруг слышим: кто-то, открыв сенную дверь, шарит рукой по стене, ищет, видно, дверную ручку. Отец встал, отворил дверь и пропустил в комнату человека. Я сразу узнала гостя по деревяшке вместо правой ноги и по суковатой палке в руке. Это был известный отцу солдат-инвалид, старый человек по имени Филимон, по прозвищу Турок.

Был он для города человек пришлый, но жил здесь уже давненько. Помнят его, что был он черноволок и горбонос, но на дыгана не походил: волосы не курчавые, а прямые и выговор русский. То ли по общичью дали ему прозвище Турок, то ли потому, что сам он прибавлял в кураже, будто воевал с турками и совсем было всмятку расколотил турецкого пашу, да того свита сберегла от его, Филимоновой, ярости. Долго злобствовали турки на драчливого русского солдата и все же подкараулили его и отстрелили начисто ступню на правой ноге по самую щиколотку. Приделали ему доктора деревяшку и выпустили в мир новоиспеченного инвалида: топай деревянной ногой где и как сможешь.

Вот этот самый brave солдат и стоял перед моим отцом. А я, лежа на полатах, во все глаза смотрела на гостя, вытянув шею не хуже, чем гусиха с гнезда. Да сообразила: если отец увидит меня, то, пожалуй, и выставит из избы за дверь. А потому скорехонку втянула голову в плечи и вся превратилась в слух.

Снял Филимон с головы картузик, чинно поздоровался и сказал:

— Слыхал я, Матвей, что ты можешь малый вес определять в тонких вещах... Помогли-ка мне в моей докуче, — и вынул из-за пазухи узелок, развернул тряпицу и подает отцу на ладони белый, с зубчиками по краям, кружок. — Воинская турецкая медаль это... И хочу я знать, не серебряная ли она, и сколько в ней весу, и какая была бы цена ей по ее весу.

Поглядел отец на медаль, подкинул на ладони:

— Вес-то узнать, конечно, можно. Вполне похожа она по цвету и по тяжести на серебряную... Только как это, Филимон, ты нагрудную-то медаль вдруг запродать хочешь? И почему тебя, русского солдата, турки наградили?

— Не, не, Матвей, не туда клонишь. Туркам я не служил, и солдат я чистый русский. Более двадца-

ти годков отдал нашему воинскому братству... В двух войнах с турками участвовал, две медали свои русские имел в награду. Только мои медали были желтые. Две нашивки на галун мне нашили и пушки под мою опеку и обиход ставили. Пушкарь я. А этой медалью наградили не турки, а сам наш белый генерал... Присказывал он, что вроде бы эту медаль турки нашему аванпосту перебрали и мне велели передать. Так, мол, их паша распорядился. Да кто его знает, веселый был у нас генерал-то, любил подшутить... Грит: «Носить эту медаль ни-ни, не моги! И болтай языком об ней помене».

— Ну, распустил ты туману, Филимон... Как же теперь обойдешься без полного рассказа? День-то ноне субботний, можно и повечерять без дела — садись-ка к столу, гостем будешь... Отца Варфоломея, пономаря, помянем... Любил он всякие всячины из жизни слушать, только чтоб с правдой был рассказ, а не пустая байка. К тому же мне надо своих «ванек» проверить — не разучились ли службу нести?..

С этими словами подал отец на стол бутылку-флягу и пару стаканчиков затейливой формы. Стаканчики хотя и были положены каждый на свой бочок, но как только рука отца отпустила их, сейчас же вскочили на свои круглые дощечки и стали с презвонно покачиваться.

— Ишь, — сказал отец, — службу знают мои «ваньки-встаньки». Пока пустые, могут качаться с боку на бок, а как только их наполнишь чем следует, так они становятся во фронт, по-солдатски — к штурму готовы!..

«Ваньки» дружно сходили в первую боевую атаку и, вернувшись на исходные позиции, весело запереваливались. Филимон только хмыкал в седую бороду. Пришлось «ванькам» еще раз сходить в атаку, пока Филимон собрался с мыслями и заговорил.

— Знал я хорошо отца Варфоломея. Правдолюб был. А рыкал.. Вставило же господь бог в него, сухопарого, этакую трубу нерихонскую! Значит, ты меня, Матвей, этим пономарем остерег: ежели в моем сказе об турчанской медали будет одна лжа, значит, надлежит мне свой картуз надеть да торопенько уходить. А то придет тебе в голову меня по шею стегануть... От твоей могуты, Матвей, мекл и в «нахаловку» доставлять не надо, а прямо в кладбищенскую ямку на покой. А все же, Матвей, не взыскивай строго. Ссколько лет уж минуло... И хотя генерал и дал наказ не болтать лишнего, да как это можно исполнить?

Прибыл я сюда, в Сызрань, из лазарету. Был еще не старый, только пятый десяток стал разменивать. Была на мне амуниция с медными пуговицами, нашивками и медалями. Костыль еще держал под правой

мышкой. И в народе не угас пока интерес к войне — меня и прибало-вали. Звали купцы да чиновники к столу в питейной, подносили один-два лафитничка и просили рассказов о войне, о том, что я сам испытывал и что повидал. Чем забористее и смешнее получалось у меня байка, тем и подношение было лучше. Ну, потом, конечно, все это нашло конец. Амуниция моя сносилась, пуговицы порастерялись... Одну медаль я сам потерял, другую вместе с костылем стащили из озорства, пока я жмурился от подношений... Теперь одни только мальчишки теребят: «Дядя Фила, рассказай, как ты ихнего главного пашу до смерти напужал!»

— Мне те байки, коиими ты, Филимон, купцов веселил, и не требуются. Не ради будущих баек тебя наградили, а видать, за что-то серьезное. Вот о деле и говори. — Не любил отец, когда тянули кота за хвост.

— Получай по твоему требованию одну чистую правду. А там уж рассуди сам...

Получил я свою турчанскую медаль в конце второго похода на турок. А до этого наши войска долго стояли в Белой Руси, в укрепленном лагере, и даже облик-то воинский стали терять: пахали да сеяли и хлеб себе собирали, как заправские пахарь. Только скотину, кроме как лошадей и волов, не разрешали держать.

А тут вдруг зашевелилось высокое начальство. Одеи нас в новое обмундирование, смотр устроили. Да прямо со смотря и переместили нас на юг, к молдаванской границе. Сказывали: в главный штаб корпуса прискакивали скорые гонцы с известием, что турецкий султан Абдулхам опять нарушил договор на замирение и послал к нашим границам Осму-пашу с огромным войском, а сам занял почти всю Булгарию. Вот и выпала нам доля идти Осме наперехват. Немного отвели нам времени на отдых, а там и дали жару. Марш за маршем! Этак верст по пятьдесят в день отмеривали. Конный обоз и тот отстал...

Не успели траншеек нарыть да редут соорудить, а паша уж тут как тут. И очень осерчал на то, что опоздал. А привел он с собою, как говорили, тысяч сто, не менее, против наших тридцати. Три дня наваливался, паша на наши укрепления и откатывался назад. Не терпели турки штыкового удара. А главное, пушки нас выручали. Их у нас, почитай, вдвое было больше, и сделаны куда лучше — против картечи турок куда поперет? Роптали солдатики на марше, когда приходилось кроме амуниции нести еще и пушкарский припас: порох, ядра, картузы с картечью, вместе с лошадьми впрягаться на вывоз пушек да лафетов с-под них... А опосля штурма, отбоя зато уж обнимали и целовали свои пушечки, и нам, пушкарям, перепала ласка сол-

датская. Не одну тысячу потерял Осма-паша в этих штурмах только убитыми, а втрое больше — ранеными и откатился за речку, что отгораживала турецкий лагерь от нашего.

Были потери и у нас немалые: и в людях, и особенно в припасах, порохе, картечи. Так что наши генералы ждали подхода обозов. Война пошла пушечной перепалкой с утра до жары, да вечером перед отбоем...

А Осма-паша высылал в поле на штурм наших редутов своих «бешеных», так звали их наши солдатики. Это у турок вроде как гвардейцы — проломная сила, кулак, значит. Главным им оружием служила огромная кривая сабля-меч с утолщением на конце клинка для силы удара. Такой саблей «бешеные» работали двумя руками, как дровосек топором, могли разваливать человека аккуратно пополам, хоть вдоль, хоть поперек.

Сначала наши солдатики побаивались их; загорюндившись штыками, отходили к своим редутам. А потом пообвыкли и по русской сметке быстро раскусили, откуда их такая отчаянность в бою. Дело было куда как интересное!..

Каждый из этих удалцов должен был выпить вперед боя особого напитка, как им муллы говорили, из Магометова источника. Потом каждому затыкали левую ноздрю зубчиком облупленного чеснока и дымком ароматным окуривали. И вот с этой затравки всякий, кто ее воспринял, вскорости становился похожим на бешеного быка и пер на рожон, не сознавая опасности. Пленные турки говорили, что, приняв в себя этот алахов напиток, они приобретали такую силу, что могли сокрушить все, что вставало на их пути; остановить «бешеных» не могли даже их собственные командиры... Потом, когда проходил первый приступ ярости, они начинали понимать некоторые звуки — в первую очередь звуки зурны и мелкую дробь барабана. Этими сигналами их и выводили из боя.

Но наши командиры тоже не зря носили на плечах эполеты. Дали нашему брату-солдату по несколько легких пушек картечного боя на колесном ходу, и пехота уже не пятилась от «бешеных», а, наоборот, спешила навстречу туркам, пока те еще не рассыпались по полю, а, как обычно, шли густой толпой. Сойдутся солдатики с этим стадом и расходятся вдруг этак вилкой — и вправо, и влево... Турки и понять еще не успевали, куда это от них русские солдаты поворачивают, а пушкари уже два-три залпа сделали... Потом солдатики наши смыкались и принимали на штыки уцелевших «бешеных»...

Так вот и отучали турок, и пришлось Осме-паше вновь поджать хвост. Перестал он выходить из-за реки.

Протянулось этак-то около месяца. Солдатики прямо-таки облепились. В полуденную жару лежат себе пузом вверх да байки рассказывают. А иные, хозяйственные, всю округу обшарили: кто что умеет, искали и ягоды, и лук дикий, и корешки, и грибочки... Все в котелок шло. Не очень густо тогда у нас было с пропитанием. Но солдат причину невзгоды понимал и не роптал: оторвались от баз снабжения, вот и приходилось поясок подтягивать, благо, в нем дырок много...

На заходе солнца трещат у турок барабаны, поют трубочки такие певучие. Это к вечерней молитве, значит. Наш брат скидывай амуницию да ужин заваривай — турок стрелять больше не будет.

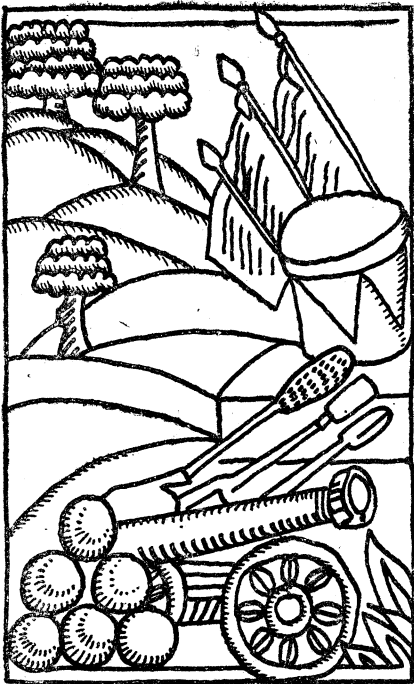
Вскорости эта легкая жизнь кончилась. В одно утро, еще затемно, вдруг в нашем лагере услышали сзади большой гул и треск. В батальонах даже тревогу сыграли. Турки тоже услышали нашу возню, зашевелились. А гул все нарастал. Быстро все и объяснилось: прискакали связанные и объявили, что пришел главный обоз со всеми припасами и тысяча десять стрелков при нем. А позади, на неделю хода, идет сам знаменитый Измаильский корпус с полным снаряжением и почти весь из старослужащих обстрелянных солдат.

А турок, видать, встревожился. Пальбу открыл еще потемному, да сразу три группы солдат в поле выпустил, но не «бешеных». Прощупать нас захотел и узнать новости через огневой и рукопашный бой. А больше надеялся захватить кое-кого и в плен. Наши командиры велели пушкарем отвечать на турецкую пальбу редко, вроде бы ничего не произошло, и батальона два, что вышли в поле навстречу туркам, боя не приняли. Наши солдатики, постреляв с колена и стоя из ружей, отошли не спеша под прикрытие.

А пушечная стрельба велась целый день, к вечеру еще усилилась, и уж многие солдатики стали сами собой готовиться к бою, не дожидаясь команды. И вдруг как кто за нитку дернул: враз прекратилась пальба. Наши пушкарские офицеры, те, что были в палатках, понеслись вприпрыжку к редутам. Ну, сам должен понять, что тут произошло. Взаблгачился весь лагерь — все считали: атака началась.

Ан и обманулись!.. В турецком лагере спокойненько трубочки запели, заворковали барабаны, донеслось протяжное: «Ла иллаха иль алаа...» Ну, наши — кто как! Кто за живот держится, хохочет без удержу, кто плевать начал, кто и крепкими словечками кидался.

А наш пушкарский капитан, тоненький такой, прискочил в редут и запыхавшимся голосом жаловаться стал, а сам ладонью кровь с правого уха вытирает:

— Вот, братцы, это меня тишина заранила... Забежал я в палатку, думаю, надо перед штурмом подкрепиться. Проглотил кусочка два хлебоного с картофилиной, поймал на вилку соленый рыжик, а чтобы грибок не сползал с вилки, закрепил его пуповинкой от огурчика. Отпил хороший глоток... Тут и наступила эта проклятая тишина. (А у нас, у пушкарей, своя болезнь — неожиданная глухота. Сразу! Раз! — и перестает слышать человек.) Хотел по древней привычке пальцем в ухо пошевеливать. В левой руке у меня манерка с водочкой, а что в правой вилка с рыжиком — из головы вон... Так вот и закатил вилку в ухо вместо пальца. Спасибо огурчику, пупком своим оборонил меня... Как бы вашему командиру — проткнул бы себя насквозь, от уха до уха!

Я в этот вечер должен был заступить на дежурство в дальнем редуте. А был он устроен на краю левого фланга укрепления для пресечения обхода нас слева. Были в нем кроме легких колесных полевых пушек тяжелая брустверная пушка для мортирка для бросания разрывных бомб через головы своих войск и еще пристрелочный единорог, стреляющий трехфунтовыми ядрами.

Принял дежурство, а вижу — непорядок. Большая картечная пушка стоит недочищенная, и даже банник торчит из жерла. Бомбовая мортирка и вовсе носом в землю глядит — так ее ставят, когда запальные отверстия чистят. И только единорог, готовый к бою, стоял с дымящимся фитильком.

Поставил я двоих наблюдателей, сам с двумя другими солдатами стал приводить в порядок пушкарское хозяйство. А остальных отпустил в подгород за редут, чтобы ужин сообразили.

И вдруг слышу: наблюдатель мой, что слева, как-то хрипло и в полуголос зовет:

— Филимон! Филимон!..

Я, конечно, удивился, чего это он не в полный голос говорит, поглядел туда, куда он показывает, да и обомлел: на небольшой холмик, что левее нас сажан на сто, выехала конная группа турок, человек шесть. А один, на белом коне с зеленой попоной и в большой чалме под бунчуком, особо выделялся.

Бог мой... У меня даже в животе захолодало. Да ведь это сам Осма-паша пожаловал!.. Выбрал же место и время, ну, хитер! Сбочку рещил осмотреть нас самолично...

Прямо завертелся я на месте. А что сделаешь? Пушки-то не в ходу... На глазах у Осмы-паши банник этот проклятый из ствола не вытащишь да заряд не вложишь: что он, ждать, что ли, будет, когда ты обуешься да шляпу перед ним сымешь, дескать, извиняюсь вам за задержку...

И тут взгляд мой упал на единорог. Стоит пушечка, к бою готова, и фитилек у затравки курится, приложи только — и бабахнет. Да вот беда, шарик в ней трехфунтовый заложен, для твердого удара, а тут самое лучшее — картечь требуется, достала бы даже на излете...

Осма-паша уже коня стал поворачивать, собрался съезжать с холмика. А конь его как-то несуразно, не по-лошадиному задрал хвост вверх да и нахально им так помахивает, вроде дразнится: «Наше вам с кисточкой, с тем и до свиданья!»

Злость-то меня прямо распирала. Эх, была не была! Подскочил я к своей пушечке, два пальца левой руки вилочкой к ее казеннику приложил, навел стволину прямо в середину коня Осмы-паши да и ткнул фитилек в затравку. Все это за один чих, как у нас говорились. Ну, единорог рывкнул, как ему положено. У меня перед глазами все дымом занесло, ничего не вижу. А наблюдатель слева как заорет во все горло: «Попал! Ей-богу, попал!.. Чалма с паши слетела!..»

Вся группа мигом исчезла с холмика...

Выстрел из пушки после отбоя не мог, конечно, остаться без внимания. Мои пушкари, бросив ужин, сбежались в редут, а скорости пришел и нарочный от капитана рассказать о ненужности выстрела или о его причине.

Пришлось мне тащиться добрую версту в палатку к капитану. Капитан не преминул осведомиться, почему я, опытный, старослуживый пушкарь, стрелял ядерным зарядом, а не бил картечью, — промашка большая. Пришлось доложить, в каком виде был принят редут от моего сменщика. Пообещал капитан за такую халатность в службе спороть с него нашивки. А потом сказал:

— Хорошо бы, в упавшей чалме Осмы-паши была и его голова. Тогда бы тебе большая честь и слава, и награда хорошая вышла. Только навряд ли это, — мусульмане уже траурную музыку запустили бы... Ладно, посмотрим, что дале будет, а пока об этом конфузном деле лучше помолчать.

Но замолчать мой выстрел не удалось. Нашлись очевидцы, которые лучше моего наблюдателя смотрели. Ими оказались три егеря-пластуна, которые были в тайном секрете у самого холмика. Видели они чернородого кряжистого турка, его нарядную одежду, огромную белую чалму с большой звездой впереди и конем его любовались. Конь бел как снег, огромен и высоконог, покрыт светло-зеленой попоной с золотистыми блесками, имел нагрудные ремни с большой звездой в центре груди и на лбу, поменьше. А хвост вставлен в белую трубу, поэтому и торчал вверх и развела свой конец подоб-

но султану на гвардейском кивере. Ему, видать, полагалось носить хвост вверх, а не вниз, как всем прочим коням...

Пластуны тоже хотели дать залп из своих ружей. Они божились и клялись, что наверняка сбили бы пащу с коня, но страх за провал секрета остановил их. Тут и ударила пушечка с левого редута... У пластунов даже дух перехватило: конский хвост, маячивший у них в глазах, отлетел вместе с трубой в сторону, будто отшибленный носик у фарфорового чайника, а лошадь так ударила задом, что седок только благодаря высокой луке седла чудом остался в нем. Но, уцепившись обеими руками за луку, паша не сумел удержать чалмы, и она слетела с головы на землю и укатилась за холм.

Еле дождавшись замены, в глухую полночь пластуны добрались до своей роты и тут же доложили командиру о происшествии. Ротный, не дождавшись утра, дошел с докладом до батальонного; последний под самое утро — к полковнику, а тот уже по светлому месту доложил в главштаб.

Вот так и получилось, что не успел наш капитан пушкарей очухаться от сна, как к нему явился адъютант в аксельбантах с уведомлением, что к полудню, прихватив с собою вчерашнего стрелка-пушкаря, он должен явиться к белому генералу с докладом.

Генерал был у нас человек веселый, а тут сидит сумрачный и, не глядя на нас, доклада требует. А потом кивнул подбородком в мою сторону, спросил:

— Каков он?

Капитан ответил:

— Из старослужащих, ваша светлость, отменный пушкарь!

— Ну, ладно, — сказал генерал, — я все знаю от пластунов, а вот только хотел взглянуть на пушкаря, спросить его: почему он сам стрелял после отбоя, а не побегал к начальнику за разрешением на выстрел? Да и было бы лучше, пушкарь, если бы ты не конскую репицу отстрелил, а самому паше поглядел ядром по... Стало быть, плохо выбирал цель, пушкарь? А?

А я уж вижу: брови у генерала хмуры, а лезут вверх и глаза сощурились в щелки. Видать, доволен.

— Стрелял я, ваша светлость, — отвечаю, — строго по пушкарскому артикулу, коим результат по третьему выстрелу засчитывается... А Осма-паша и с первого сбежал. В том не моя вина.

— Славно, солдат, славно, — сказал генерал. — Хвалю за усердие, а все же наградить тебя воинской медалью не могу. Ведь на нее надо писать реляцию, а что я напишу: награждается такой-то пушкарь за то, что начисто отстрелил из единорога хвост у самой знатной кобылы

из турецкого лагеря? Не примет фельд-маршал такой реляции... Отметим сию баталию своими возможностями, эй, кто там?.. Налей-ка нам «малый орленый». Да, да, из белого бочонка!

Сейчас же внесли и кубок. Мать родная, вот это «малый»!.. В нем не меньше двух полных маркитанских кружек вместилось, руку вниз оттягивает. А кто же «большой-то орленый» осилит — разве лошадь?!

— Пей, солдат, до дна, — сказал генерал, — и только за свое здоровье. Все мы на войне находимся. Скоро будут большие баталии, так что пользуйся случаем. И отстраняю тебя от службы до утренней побудки. А от меня лично — вот, получай полтину серебром за инициативу в бою. Эй, Селифан, проводи солдата!

Потом этот Селифан мне сказывал:

— Видать, Филимон, ты в упрямой семье народился. Вышли мы с тобой из генеральской палатки после приема, а ты — ходу от меня... Чего, мол, это меня, braveго пушкаря, да за ручку домой вести?! Вскорости ты покачиваться стал и в бок забирать от дороги. Пришлось тебя за ремень придерживать, а потом и под ручку взять, как полковых дам наши офицеры водят... А ты хоть и спотыкачкой, а все сам норовишь. Уж на четвереньки стал, а все вперед... Потом на пузе попробовал, по-пластунски, да как к земле-то приник, сон на тебя и навалился. Пришлось класть тебя на сугорбок и волочь. А ты от встряски, видать, вообразил, что сам идешь, и ну меня взад коленками подталкивать. До синяков намолотил... Спасибо, солдатики с твоего редута подкатились, мигом за руки, за ноги подхватили... Чуть успел им генеральский приказ передать, чтоб не тревожили тебя до утренней побудки.

— Эй, эй, Филимон, — забеспокоился отец, — уговор-то помнишь? Никаких баек?.. А вот уж и на карачках ходил, и на пузе ползал, а все до своей турчанской медали не доберешься...

— Очухался я за час до побудки, — продолжал Филимон. — Почистил это я себя с внутренности и снаружи и пошел на редут — чего солдату делать в палатке? Денек выдался и по солнцу жаркий, и по перестрелке. Турок, видать, хотел с боем прорваться к холмам, за которыми наш обоз, да разве можно его туда пущать? Тяжелый был денек, и все вздохнули, услыша и наш, и турецкий отбой. Запылали костры, и запахло солдатским варевом.

Не успел я сунуть ложку в котелок, как появился передо мной штабной Селифан с приказом снова отвести меня в штаб к генералу. Спасибо Селифану: попросил я его поискать Филимона на редуте, а то уйди — и останешься без ужина... С сдой-то у нас не очень дело по-

правилось и с приходом обоза: было в нем больше пушкарского да ружейного припасу, чем муки да пшена. Жидковат был приварок.

Ну, солдатики, конечным делом, посмеялись, что отошел Селифан от Филимонова костра, а того же Филимона ищет по редуту... В общем, дал он мне подкрепиться и повел в штаб к генералу.

Не успели мы дойти до штаба и доложиться, как вахт-дежурный с аксельбантами, много не говоря, дал затычку Селифану за опоздание и послал его ставить сразу три самовара. А мне сказал, чтобы я сидел в приемной, и ехидненько добавил:

— Для тебя генерал на закуске перед ужином, а теперь жди конца ужина... Да помни: за ужином жуют больше, чем при закуске! Сердит none генерал!

Делать было нечего. Пошел я искать Селифана. Гляжу, а он на поляне мечется среди трех огромных самоваров. Один разожжет, бросится к другому, а там надо бы и к третьему, а первый затух... Как мышь мокрый Селифан — не от самоваров пар идет, а от него самого.

— Стой-ка паниковать, Селифан! Становись под мое начало! — гаркнул я. — Эти машины я лучше тебя знаю. Давай начнем с этого пузана... Держи трубу, а я над ним по-своему наколдую. А как подам команду, ты сразу и надвигай трубку на самовар, да смотри, чтоб не свалилась.

А сам незаметно для Селифана горстку пушкарского зелья в самоварную топку засыпал. Нам, пушкарям, вменялось в обязанность иметь при себе порох разных видов для затравок, даже лишние карманы нашивали для этой цели.

У пушкарского зелья характер особенный... Насыпни его даже двойную горстку на бумажный лист да подожги — он и будет гореть, как этот лист, без всякого шума. Так поведет оно себя, это зелье, и в самоварной трубе или даже в самой пушке, если жерло у ней открыто. Ну а как прикроешь выход-то для газа хотя бы паклей, тут зелье уж свой характер начинает показывать: вдарит по-настоящему, с гулом и раскатом, словно Илья-пророк по небу в грозу шумит. А вот ежели картузик с картечью заложить в жерло пушки да прибить его пыжом с помощью банника к стенкам ствола, то уж будет затычка не из пакли... Тут уж зелье полную силу развивает. Пушка ни гула, ни раската не дает, а получается рык, короткий, злобный, с металлом в голосе. И слышим мы, опытные пушкари, этот звон металла не только ушами, а и животом. Тебе, чай, смешно это слушать, а мы, пушкари, по отзвуку в животе можем твердо сказать: переложил пушкарь пороху в казенник или недоложил. А от этого в стрельбе бывает изъян — либо перелет,

либо недолет. При бомбовом бое только врага радовать...

Ну, да ладно. Это я не в науку тебе, а к слову, чтобы ты понял, что дальше произошло.

Насыпал я горстку порошка в трубу самоварную и поглядываю туда: загорелось ли. А зелье-то мне попало под руку для пушек тяжелого боя — крупнозернистое, что твой горох. Силы в каждой горошине много, огонь хороший пошел в самоварной топке.

Набрал я горсть сучков да щепы, которые Селифан заранее припас, да малость, видать, перестарался. Большой такой кучкой сунул в самоварную топку...

— Наставляй трубу, — говорю Селифану, — да чтоб не свалилась!

А получилось на деле, что и должно быть: щепы сузила дымоход, как затычка, и в самоваре нашем так фукнуло, что он, хотя и трехведерный был пузан, а на одну ногу скособочился... Не удержу я — свалился бы на пузо... А самоварная труба, кою держал Селифан, с шипеньем и дьявольским взвизгом сиганула через его голову в кусты...

Кругом дым, сажа, искры летают, головешки падают, как с неба. При таком афронте я и про Селифана забыл. А где он? Заглянул за самовар и вижу: сидит мой Селифан на карачках там, где стоял, и пробует руку поднять, чтоб лоб перекрестить, а она у него не поднимается. Слышу, шепчет так с хрипью:

— Спаси, господи, и помилуй! Не дай погибнуть душе ангельской...

А меня и смех, и злость разбивает. Вот тебе солдатик! Вот тебе солдат называется!..

Тут из штабной палатки высунулась голова вахт-дежурного и приказала мне зайти в приемную.

Генерал был хмур и встретил меня неожиданным вопросом: знаю ли я новую систему дальнобойных пушек тяжелого боя с новым прицелом и малой откаткой, и назвал мне ее воинский шифр.

— Так точно, ваша светлость, знаю!

Генерал при моем ответе еще больше нахмурился и опять спрашивает:

— А может, пушкарь, ты и стрелял из такой пушки? Ну?

— Так точно, ваша светлость. Три уставных выстрела произвел. — А сам прямо диву даюсь, что при моих вроде бы верных ответах генерал все больше хмурится, даже ладонью по столу ударил. И зло так глядит на меня.

— Ты, пушкарь, может, еще не заспал одного и назовешь мне это место, где ты пушкарский устав выполнял с этими пушками, ну, говори!

— Так точно, ваша светлость, могу назвать. Было то на реке Березине в укрепленном лагере.

Ну, понятно, называю номер этого лагеря по шифру. А сам смотрю на руки генерала и думаю, чем он меня сейчас приголубит... Если после первого моего «так точно» он нахмурился, после второго «так точно» с досады даже ладонью хлопнул по столу, то уж сейчас вряд ли шишкой на голове отделаешься... А на столе есть чем сказать свое мнение солдату: тут и глиняный кувшин с пузом в мою голову, и графинны с бутылками... Да что там, одной оловянной тарелкой можно отпустить душу человека на тот свет без покаяния — как уловчиться ударить...

Насилу осмелел я поднять глаза на генерала. Господи суси, царяца небесная!.. Сидит передо мной совсем другой генерал: вместо глаз щелки, уголки губ аж к ушам подходят, а сам весь от доброты так и светится!..

— Ну, славно, солдат, славно! Спасибо на добрых словах. Услужил и утешил. Очень даже утешил. Думаешь, я тебе первому задаю эти три вопроса? Нет, уж больше десятка перебрал я вас, старых пушкарей. Которые мне на первый вопрос ответили: «Никак нет», отпустил с миром, чего их еще тревожить. Были такие, как ты, не моргнув глазом, шпарили: «Так точно». Это, видать, всезнайки. Тех всезнаек ставил с полной выкладкой под ружье — не обманывай своего генерала, ври, да знай меру. Конечно, угадать место пристрела они никак не могли, потому как Березинский полигон был единственным местом для пробы сих новинок. Так-то. Про Измайльский корпус, чай, слышал, солдат? Так вот, он уже на подходе и ведет несколько таких дальнобоев. По реляции они куда мощнее и лучше, чем те, которые ты видел в Березинском лагере. Подарочек нам от уральских умельцев, пушечных дел мастеров. Не из простой бронзы они отлиты, а из колокольной, — значит, с примесью серебра в ней. А это прочно и дает металлу — стало быть, и силу огневого боя можно увеличить. Ну, об этом речь еще впереди, солдатик; соберем ассамблею, как придут пушки, тогда и тебе особая работа найдется. А теперь другое дело, по коему я тебя вызвал.

Встал он, отворил дверцу небольшого шкапчика, достал из него коробочку:

— Вот, солдат... Твой крестник, Осма-паша, видать, только недавно от страха очухался. Но все ж шлет тебе наградную медаль за внимание к его особе. Прошлой ночью пластуны мне ее доставили. От Осмы-паши, говорят, нашему пушкарю, кой в его стрелял... Такова, мол, его воля. Стрелой из лука ее к нашим постам метнуди... На вот, получай. Даже враг понял, что ты достоин награды! А все ж перед строем ею наградить тебя не могу: медаль вражеская и

врагом дарена. Спрячь ее, солдат, себе на память, ежели жив останешься, да помалкивай о ней. А то ведь какой воинский начальник у тебя под боком будет... Может дойти и до батога, если не обережешься.

Потом подвел меня генерал к столу и говорит:

— А теперь бери графинчик. Не, не! Вон тот, со слезой. Бери стакан и наливай его полон до краев. Это бы я сам должен сделать как хозяин, да ты мне не гость. Вон груздь и пареная луковица — знатные закуски под слезу. Ну, с богом! Эй, кто там!.. Выдайте солдату полковриги ржаного да пачку табаку!..

Так оказал мне внимание и остерег меня наш генерал...

Вот, Матвей, и дождался ты конца сказу. Суди уж теперь сам, как хочешь или сможешь, — сказал Филимон, кладя кiset и бумагу на стол и свертывая козью ножку. — Долго ли я еще воевал? Нет, не долго. Месяца три-четыре, не боле. Как подошел к нам Измайльский корпус, живо сбили мы турка с его позиции и гнали его аж до середины Бугарии. Наши егеря с авангарда со смехом говорили, что Осма-паша не успевал с лошади слезть, как опять надо было скакать дальше...

Встал старый солдат из-за стола, сгреб ладонью свои вещички, надвинул картузок до бровей и виноватым голосом сказал:

— Не осуди, Матвей, прощевай пока! Дело тут у меня одно есть, а я и запомнил. Спасибо за приют и ласку. — И ушел.

...И тут я, лежа на полатах, забыв о всякой конспирации, закричала:

— Тятяня, тятяня! А чего же ты деду Филе медаль-то не взвесил? Вернуть его, што ль? Я мигом...

Отец даже вздрогнул от неожиданности:

— Штоб тебя! Ты что там как мышь затаилась! А я думал, ты в палисаде!..

Отец не любил всякого рода подслушивания, и я ждала хорошего нагоняя. Чтобы отвести от себя беду, торопливо выболтнула:

— Спала я, тятяня... Ей-богу, спала!

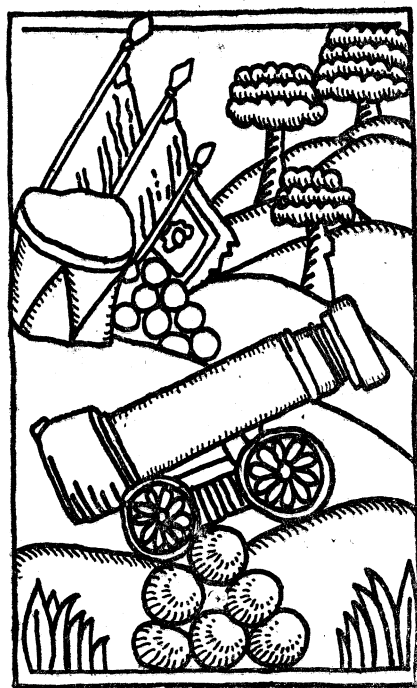
— Как же не так... Успнешь ты, а еще божишься! Тебя хлебом не корми, дай байки послушать, ухи-то, чай, как лопухи распустила... Ну-ка, слазь да ставь самовар. Скоро наши богомолки придут, вон уж благовестят... А я пойду Серого напоить да убрать на ночь.

Отец остановился в дверях и, полуобернувшись, еще сказал:

— Вот, дочка, тебе и Филимон... Не гляди, во что человек одет, не суди об нем по одежке. Иной в шелк и бархат разодет, а все чужое. А Филимон прожил жизнь трудную, солдатскую, а держит себя с достоинством, хотя и беден, как церковная мышь. Замечал я: стоит себе в при-

творе церкви в праздничное богослужение... Кругом нищие тянут руки к прихожанам, а Филимон никогда этого не делает — берет подношение, конечно, но когда сами дают... По его заслугам ему бы в шелку и бархате быть, а он среди нищих обретаётся... И пришел он к нам, как я думаю, не с докукой о медали. Он ведь грамотный! Сам я видел и слышал, как он нашему кабатчику газетку читал, не по слогам читал, а по-книжному... Он лучше меня разбирается и в весовой, и в другой грамоте. Нельзя быть пушкарем, да еще наводчиком, не зная грамоты. Просто гонит его тоска, вот он и прислоняется к людям. С тем, видно, и к нам пришел. Много, дочка, таится хороших людей и в простой и даже бедной одежде... Вот и сумей-ка разглядеть их...

Этот завет отца я никогда не забывала в своей жизни.

О чем стучат колеса?

Леонид ГАРЯЕВ

ПО ТЕЛЕВИДИЕНИЮ ПЕРЕДАВАЛИ КИНОЖУРНАЛ. ИЗ ГЛУБИНЫ ЭКРАНА НА ЗРИТЕЛЕЙ НАДВИГАЛСЯ ТЕПЛОВОЗ, ВОЛОЧИВШИЙ ЗА СОБОЙ ВЕРЕНИЦУ ВАГОНОВ. КОГДА ТЕЛЕВИЗОР ВЫКЛЮЧИЛИ, СИДЕВШИЙ РЯДОМ СО СЕД-ДЕСЯТИКЛАССНИК ЗАДУМЧИВО СКАЗАЛ:

— ПОМНИТЕ, Я ВАМ РАССКАЗЫВАЛ ОБ ЭКСКУРСИИ В МОСКВУ? УБЕГАЛИСЬ МЫ ТОГДА ЗА НЕДЕЛКУ ТАК, ЧТО НОГИ ОТ УСТАЛОСТИ ПОДЛАМЫВАЛИСЬ. В ВАГОНЕ, КОНЕЧНО, СРАЗУ ЖЕ ЗАВАЛИЛИСЬ СПАТЬ. ПРОСНУЛСЯ Я СРЕДИ НОЧИ. СТАНЦИЯ. И МИМО — ПОЕЗДА. ПАССАЖИРСКИЕ, ВЕСЕЛО ТАК, БОДРО ПОГРОМЫХИВАЮТ. А ТОВАРНЫЕ МЕДЛЕННО ТЯНУТСЯ, С НАТУГОЙ. И ТУТ, МОЖЕТ, ПОТОМУ, ЧТО НОГИ ВСЕ ЕЩЕ НА СЕБЕ АСФАЛТ МОСКОВСКИЙ ЧУВСТВОВАЛИ, Я ПОДУМАЛ: А ВЕДЬ И КОЛЕСА ВАГОНОВ УСТАЮТ, ХОТЬ И СТАЛЬНЫЕ!

Правильно рассудил паренек. Устают! Если вы останавливались около железнодорожного полотна, по которому на полном ходу проносятся поезда, то, возможно, обращали внимание: рельсы прогибаются под монотонными грузами, ходуном ходят, будто дышат. И в перестуке колес, кажется, можно слышать: «У-ста-ли... У-ста-ли...»

Особенно если представить себе великие пространства, пройденные этими тяжеловесными составами. Тут любые колеса будут чувствовать себя не лучше, чем мальчишечьи ноги после недельной беготни по Москве.

А ведь железные дороги наши раскинулись почти на двести тысяч километров. И по многим чуть ли не каждые три минуты проходят тяжело нагруженные поезда. Хоть и прочна

сталь, из которой сделаны рельсы и колеса, все же и они довольно быстро изнашиваются, требуют замены. А замена — это опоздания поездов, перебои в работе предприятий,строек, которые дорога связывает между собой.

Выход, конечно же, в том, чтобы прочнее, надежнее делать колесную сталь. Сталь лишь на вид кажется одинаковой. На самом деле насчитываются тысячи различных марок ее, из которых каждая годится только для производства строго определенных изделий — разного рода машин, строительных конструкций, жести для консервных банок, рельсов, колес и многого другого. Но все марки стали выплавляются из чугуна и металлолома, требуют, кроме того, различных добавок. В любой из этих составных частей со-

держатся не только необходимые для металла вещества, но и вредные, инородные включения, прежде всего — кислород. Осложняется дело тем, что включений этих, как правило, мельчайших, множество. А уловить и удалить их можно лишь в ковше, наполненном расплавленным металлом.

Избавиться от вредных примесей можно, вышибая клин клином, напуская на них другие вещества, которые помогли бы чужакам убраться во свояси. Но какие же? Прежде всего, раскислители, те, что хорошо соединяются с кислородом и «выводят» его из металла. Скажем, силикокальций. Составная часть его — легкоплавкий кальций — при высокой температуре сразу же превращается в газ, который, окисляясь, жадно поглощает кислород, а с ним и другие газы.

Хорошо работает кальций! Вся поверхность стали, заполнившей ковш, словно вскипает от пузырьков. Да только свое действие кальций прекращает слишком быстро и в дальнейшем не препятствует росту зерен металла, а значит, не может обеспечить необходимое его качество, которое тем выше, чем мельче зерно.

Работники Нижнетагильского металлургического комбината — он один из главных в нашей стране поставщиков колесной стали — оказались в серьезном затруднении. Сами чувствовали, да и железнодорожники напоминали: надо искать способы улучшения металла. Но поиск требует времени, а план есть план — ежедневно выдавать тысячи тонн стали. Работа эта хоть и привлекательна, но трудна. Попробуй минутку постоять у мартеновской печи, в которой сталь, доведенная до полутора тысяч градусов, бурлит, как кипяток в чайнике. А тут не просто наблюдают — работают. Да так, что спереди спецовка — мокрая от пота, а на спине — белая от выступившей соли, зимой

же на ней иней. И еще тяжелым инструментом надо орудовать, за множеством чутких приборов следить: иногда и несколько упущенных секунд могут ухудшить качество металла.

Сил одного кальция для того, чтобы удалять чужеродные «занозы» из металла, недостаточно. С чем соединить его? Лучше всего — с титаном, решили ученые Уральского научно-исследовательского института черных металлов во главе с А. А. Дерябиным. И доказали на опытах: титан не только помогает удалять кислород из стали, но и способствует измельчению зерна.

Однако иметь дело с двумя добавками хлопотно. Представьте: на каждой из мартеновских печей — а их в одном только цехе больше десяти — в сутки выдается три-четыре плавки. Всякие добавки надо взвешивать (а счет идет на сотни килограммов), доставлять на место с помощью тепловоза и крана (а цех и без того загроможден оборудованием) и вовремя задавать их в ковш. Предвидя трудности такого рода, металлурги задумались: нельзя ли объединить силикокальций и титан в один, комплексный раскислитель? По инициативе начальника лаборатории транспортного металла Николая Ивановича Исаева сплав был заказан на Челябинском электрометаллургическом комбинате. Но более легкий титан может всплыть, не раствориться в силикокальции, да и возможны выбросы металла. И тогда давний единомышленник Дерябина руководитель группы лаборатории новых сплавов Бронислав Иванович Байрамов предложил неожиданное решение — завалить отслужившие свое титановые детали в ковш и залить их расплавом. Не подвело Байрамова чутье опытного металлурга. Сплав получился таким, какой требовался. Да к тому же в него добавили алюминий,

Ферросиликокальций и тантал алюминий — вот каким длинным, посложнее, чем имя какого-нибудь испанского аристократа, оказалось название нового помощника металлургов. Каждая из составных частей его выполняет свою определенную задачу и вместе с тем в чем-то помогает другим. Все равно как группа солдат: один — снайпер, другой — гранату дальше всех забросит, третий — пулеметчик, по части хладнокровия и выдержки равных себе не имеющий, остальные — просто умелые стрелки, хорошо к тому же владеющие приемами ближнего боя. А дополняя друг друга, действуя сообща, все они составляют подразделение, которое может выполнять сложные боевые задачи.

Уже теперь этот сплав, по виду напоминающий ничем не примечательные камни с мельчайшим зерном в изломе, на одном только НТМК позволяет экономить более двухсот тысяч рублей в год, производить вагонные колеса со знаком качества. Создание нового сплава признано изобретением.

Новый сплав повысил качество рельсовой стали. Используя его, НТМК начал выпускать рельсы, которые почти на треть надежнее обычных и потому их ставят на самые ответственные участки железнодорожного пути, на крутые повороты и подъемы, на особенно оживленные магистрали.

Вот о чем может рассказать мерный перестук вагонных колес, если к нему внимательно прислушаться...

ТРУБАЧ

Валерий
ПРОСКУРИН

Рифкат Багаутдинов — монументалист, скульптор, живописец, график... Но прежде всего — монументалист. «Это у него в крови», — говорят друзья-художники.

Выпускник Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени В. И. Мухоминой, он сразу заявил о себе. Его дипломная работа — панно «Революция» — украсила площадь Стачек в городе на Неве. Молодой художник выбрал редкий в то время декоративный материал — цветные цементы, использовал весьма сложную технику — сграффито.

Панно выдержало испытание временем. Оно органично вошло в архитектуру площади, придало ей особый колорит, эстетически «спорит» со стоящей рядом помпезной Триумфальной аркой...

Эта новаторская работа во многом определила дальнейшую творческую судьбу Рифката, его неустанные поиски предельно емкой выразительной формы.

В шестидесятых годах Р. Багаутдинов написал несколько живописных полотен, воссоздающих героическую биографию страны: «Москва. 1941», «Железная дивизия», «Восставшие». Строга, даже сурова цветовая гамма, чеканна композиция этих картин.

Родившийся в триптихе «Железная дивизия» образ трубача пройдет через все творчество художника. Это призыв слушать зов Революции.

Пожалуй, самой значительной в живописи художника является картина «Николай Островский». В юности он страстно увлекался романом «Как закалялась сталь», иллюстрировал его — для себя. Пластическое решение картины отчасти было подсказано, по признанию автора, поэтической строкой Константина Симонова: «На узкой кровати, железной и вечной, лежит человек, слепой и больной». Фигура писателя как бы отлита из металла и излучает такую силу, которую не

способна сломить даже смерть. Поразительная отточенность всех компонентов картины, ее высокий нравственный настрой были замечены. Вместе с другими картинами художника она экспонировалась и на многих зарубежных выставках.

Р. Багаутдинов успешно освоил и книжный «микромир», оформив несколько десятков книг для Пермского издательства. Наибольший успех сопутствует ему тогда, когда есть возможность создать законченный облик книги. В сборнике «В. И. Ленин и Пермский край» художник оригинально переосмыслил конструктивистский стиль некоторых советских художников-книжников 20-х годов. Здесь же выявилась и излюбленная, опробованная в живописи, «триада» художника: красный, белый и черный цвета. Такое колористическое ограничение позволило подчеркнуть выразительность ленинских документов. Эта работа была отмечена наградой на Всесоюзном конкурсе «Искусство книги».

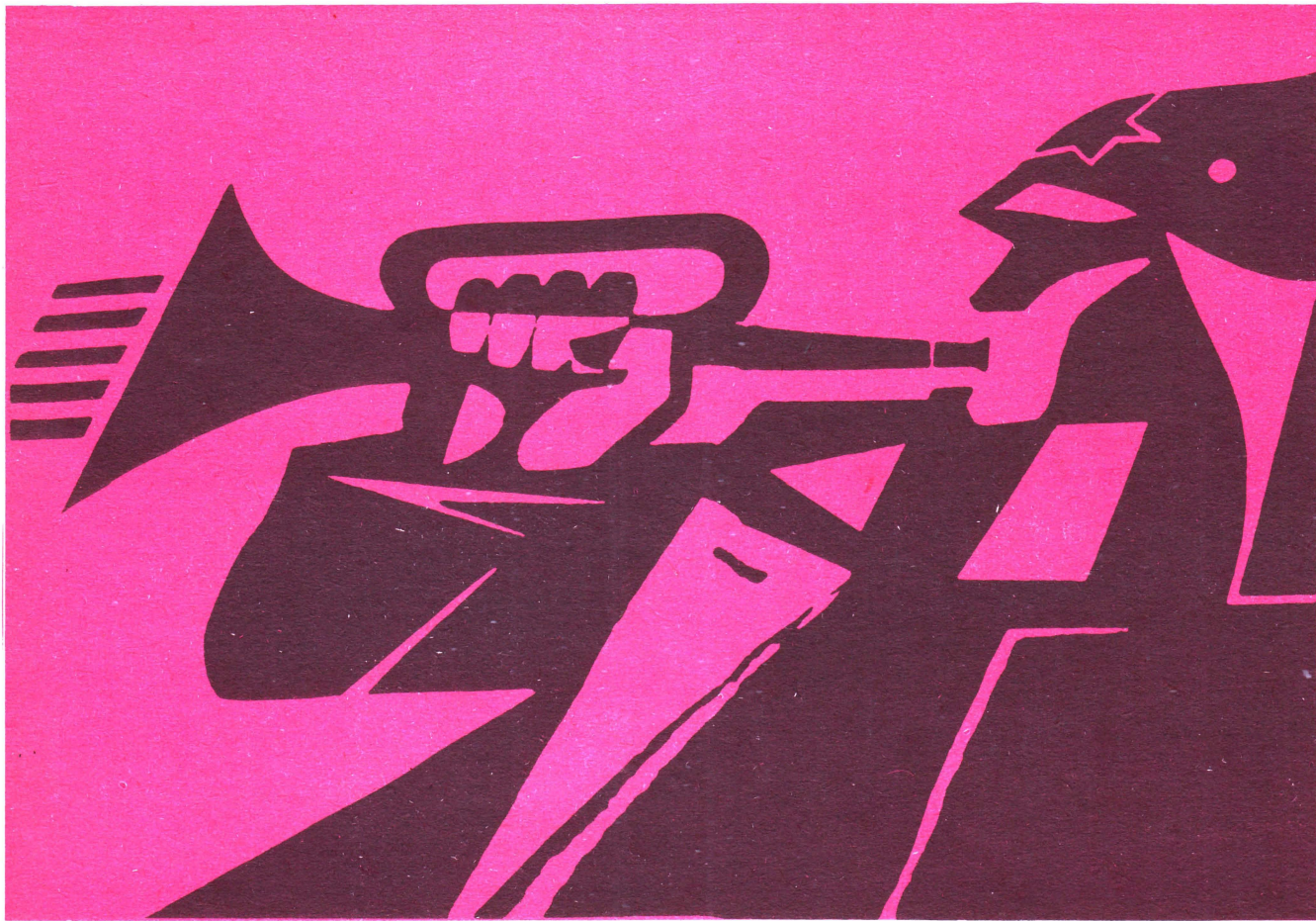
В оформлении миниатюрной книги-сувенира «Товарищ Песня», ставшей «мандатом» посланцев комсомола на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Гаване, отразились основные темы творчества Р. Багаутдинова: революция, гражданская война, Великая Отечественная, созидательный труд советского народа.

Писатель Л. И. Давыдычев, несколько книг которого иллюстрировал художник, так оценил работу над «Песней»: «Багаутдинов оформил книгу целиком, как произведение искусства». А ЦК ВЛКСМ удостоил ее диплома.

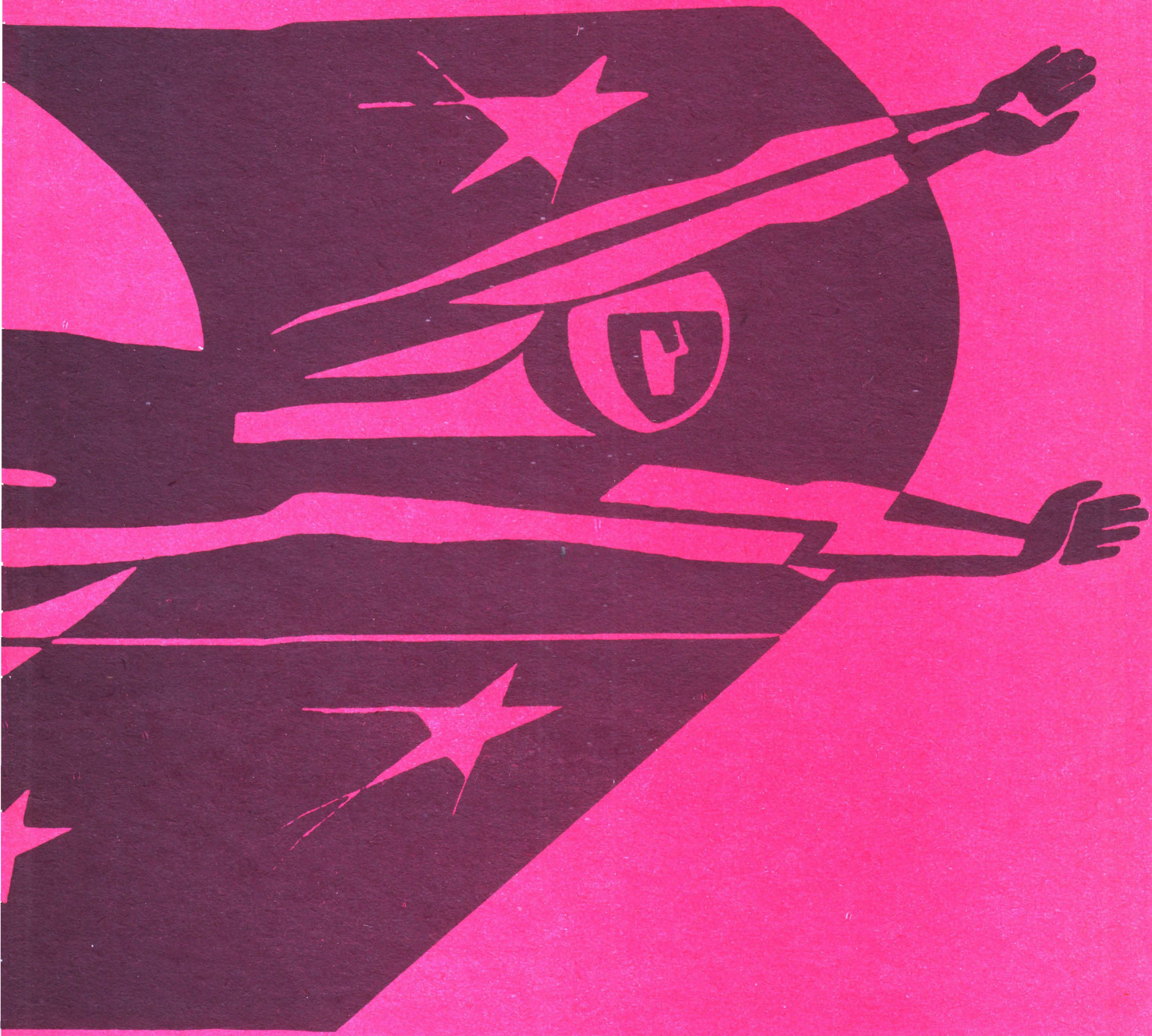
Важнейшая работа мастера — горельеф «Космос» и скульптура «Современный Икар» на здании Дворца культуры имени Юрия Гагарина в Перми. Автор и его помощники со сноровкой ювелиров «сшивали» электросваркой скроенные из нержавеющей стали плоскости и объемы.

Мне посчастливилось видеть, как рос «Икар», словно магический кристалл, какие усилия понесли, чтобы он «преодолеет» земное притяжение. Трудная, захватывающая была работа! В ней соединились инженерный расчет и поэтическое вдохновение, алгебра и гармония...

На 1—3-й стр. вкладки
репродукции работ Р. Багаутдинова

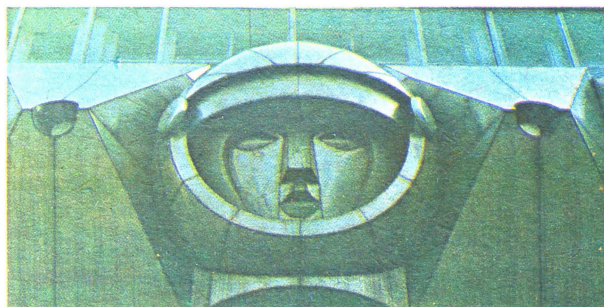
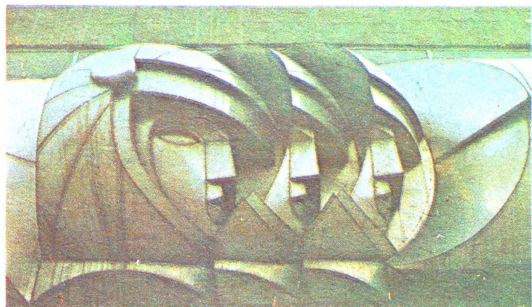
Товарищ Песня. Фрагмент.

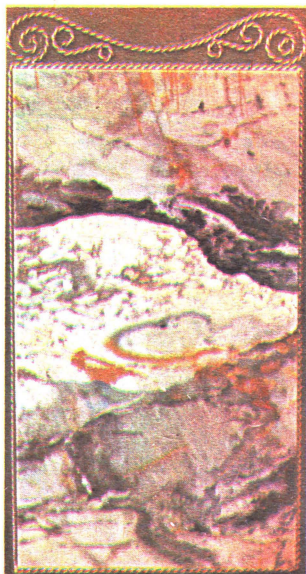

Современный Икар

Космос. Фрагменты

Мастер и юные камнерезы — «в поле» (читайте «Дело рук и души» на стр. 38)

Ваза. Родонит, яшма, металл.

Автор — А. И. Доронин, исполнители — камнерез А. В. Владимиров, ювелир С. А. Пинчук («Уралкварцсамоцветы»)

Фото О. Капорейко

Сверкающие грани

КАЛЕНДАРЬ
СЛЕДОПЫТА

Знаменитый искатель минеральных богатств Отечества... Неустанный следопыт... Блестящий популяризатор геологии... Неутомимый организатор науки... Все это — Ферсман, столетие со дня рождения которого мы теперь отмечаем. Три десятка лет просверкал он гранями своего таланта в отечественной науке, увлекая примером страстного следопытства и вдохновенными новеллами о самоцветах тысячи молодых людей. Он сам говорил о своей жизни как о истории любви к камню.

Уже в детстве неведомая сила, а также и вполне очевидная поддержка матери сделали его собирателем пестрых галек мрамора, агата, отшлифованных черноморскими волнами. Любительская коллекция на глазах у изумленных родственников юного Ферсмана превращалась в недурное собрание минералов и горных пород. В мальчишке угадывался ученый муж. В любителе камней рождался пылкий минералог. Гимназист Ферсман проводил занятия по геологии, и ему, представьте, удавалось овладеть вниманием слушателей. Наверное, потому, что он предлагал не нудноватое описание минералов, а свое восхищение зрелищем земной красоты. Камни жили в его рассказах, набирали в ходе миллионолетья свое эстетическое и химическое своеобразие...

Оттого-то, став студентом физико-математического факультета Новороссийского университета, Ферсман испытал душевный кризис. Его горячее чувство к камням угнеталось скучными лекциями профессора Пренделя, который монотонно наговаривал формулы минералов, перечислял их физические свойства. Профессор уподобил земные недра обыкновенной кладовой...

Александр переходит в Московский университет. Здесь он увидел совсем иную науку о земле. Ее творил крупнейший исследователь и оригинальный мыслитель В. И. Вернадский, у которого геохимия была впечатляюще динамичной. И Ферсману земной шар представлялся не мертвым ядром, летящим в космосе, а живым плодом Вселенной, в коем неостановимы жизненные процессы. У Вернадского и его учеников росли идеи генетической минералогии. Понятно, что такая наука звала вперед. «Мы работаем,— вспоминал позднее он,— не менее 12 часов в лаборатории, нередко оставаясь на ночь, так что анализы шли целые сутки; два раза в неделю мы читали доклады в кружке у В. И. Вернадского, разбирали с ним коллекции, слушали его удивительные лекции. Университетская жизнь с блестящими выступлениями Ключевского, годы молодой борьбы за высшую школу, огромный научный и общественный авторитет Вернадского — все накладывало и на нас свой отблеск...»

Когда Александр Евгеньевич станет видным минералогом, то его ученики будут чувствовать на себе отблеск высокого ферсмановского горения. Его труд «Пегматиты» станет настольной книгой минералогов и геохимиков. Ферсман показывал то, как образуются минералы. А такой взгляд на природу облегчал поиск месторождений полезных ископаемых. В годы первых пятилеток идеи Ферсмана приобрели государственное значение: они помогали дать насущное сырье для молодой промышленности Страны Советов.

О Ферсмане можно сказать: это был ученый с поистине активной жизненной позицией! И это его качество было оценено. В первые годы Октября 36-летнего Ферсмана избрали академиком. Один из его соратников вспоминал: «Александр Евгеньевич ведет... кипучую работу полевого исследователя, успевая в течение года бывать и в заснеженных вершинах Хибинских тундр на Кольском полуострове, и в знойных песках Кара-Кумов, и в глухой тайге Забайкалья, и в заболоченных лесах восточного склона Урала. 10 тысяч квадратных километров в год — таков масштаб подвижности Александра Евгеньевича за эти годы».

Кажется, неисчерпаема была энергия этого человека. Кроме полевой работы (порой рискованной, однажды он едва не погиб в экспедиции), кроме популяризаторской деятельности (его книга «Самоцветы России» стала звездой первой величины в жанре научно-популярной литературы), Ферсман явил себя и как смелый организатор науки. Он был, например, первым председателем президиума Уральского филиала Академии наук, инициатором создания еще доброго десятка научных учреждений страны. И всюду он освежал, озонировал деловую атмосферу. И еще он был корреспондентом огромного числа геологов, учителей, инженеров, школьников, захваченных его «Занимательной геологией».

Ферсман не умер — отпылал, отгорел... Он смолоду не изменил себе (и в этом тоже урок для молодых людей!), не стал как ученый лишь пассивно описывать частности природы, а имел отвагу постигать тайны ее вечного движения. И самое главное: он делал так, чтобы наше общество с успехом и своевременно использовало силы и богатства природы для своего развития...

История одного автографа

**Юрий
КУРОЧКИН**

Книги детства с годами нам становятся все дороже и памятнее. И чем дальше, тем больше. Только вот сохраняются они дома в обратной пропорции — чем дальше, тем их меньше. И тем бережнее хранишь те, что остались, — эти памятные вехи твоего жизненного пути. Откроешь такую, и потечет ручеек воспоминаний...

В 1920-е годы новый читатель советской страны еще только нарождался — в наследство от царской России нам досталась жестокая неграмотность, сегодня с трудом верится, что более 60 процентов населения не умело читать. Книги расходились туго, скопившуюся на складах литературу продавали «дешевле дешевого», как уверял покупателей свердловский букинист Шарнин, помогавший тогда Госиздату в реализации книжных запасов.

У него-то я и купил на сэкономленные от школьных завтраков деньги книгу, которая стала памятным маячком в моем духовном развитии — «Самоцветы России» А. Е. Ферсмана.

Книга убогим видом своим совсем не соответствовала теме, предполагающей красочность и даже волшебность. Грубая серая бумага, блеклая печать, грязновато-розовая обложка из не то оберточной, не то упаковочной бумаги и никаких иллюстраций. Впрочем, это было понятно — в год издания (1921-й) старые запасы бумаги в стране уже иссякли, а новых создать еще не удалось, промышленность пребывала в разрухе.

Но внешний вид книги в те годы для меня имел почти никакого значения. Главное — о чем она расскажет тебе. Поэтому растрепанный и замызганный том нередко притягивал к себе больше, чем скучный своей нетронутостью фолиант. Подержанность — мерило успеха у читателей, это давно известно.

А тут — первая в моей жизни книга о самоцветах, так что серость ее внешности ничуть не смутила меня. Что самоцветы — слава и гордость нашего края я, конечно, знал, но, честно говоря, представление о них имел больше по прочитанным к тому времени при-

ключенческим романам, где самоцветы назывались драгоценностями и служили символом сокровищ, богатства. А в 20-е годы драгоценности были не в моде во всех смыслах, в моде были диспуты на тему «Можно ли комсомольцу носить галстук?», а о золотых кольцах уже не дискутировали, с ними было все ясно — нельзя их носить.

Смутило, пожалуй, другое — строка на титульном листе под заголовком: «Цикл лекций, читанных в Комиссии производительных сил России Российской академии наук в 1919 г.». И я чуть было не отложил книгу в сторону, решив, что она сугубо научная. Но, перелистнув страницу, замер, взволнованный вдохновенными строками начала.

Это были стихи! Это была музыка! А совсем не та научная жвачка, которая успела опостылеть уже по учебникам, где хрустально чистые, звонкие стихи Пушкина перелагались на язык мутного словоблудия вульгарного социологизма. А здесь... Я и сейчас, почти шесть десятилетий спустя, помню запевные строки первой страницы той книги:

«...Подобно красоте благоуханных цветов, красоте линий и форм, созданных творческим гением человека, я видел в камне заложенные в нем элементы красоты и гармонии, и мне хотелось извлечь сырой неприглядный материал из недр земных и на солнечном свете сделать его доступным человеческому созерцанию. Мне не хватало ни слов, ни образов, чтобы выявить эту глубокую красоту природы, не хватало слов, чтобы выразить гармонию, которая создавалась прикосновением великих художников к художественному материалу земли, — но мне помогли сами камни и сами изделия из них, и прекрасный кусок горящего синим огнем лазурита мне заменял много-много слов об этом камне культурного прошлого».

Так вот что такое самоцветы!

Но, может, это только начало такое? Но нет, и на последней странице слышится тот же взволнованный голос:

«...Его (камня) роль в истории материальной культуры человечества не измеряется той денежной ценностью, которую представляет камень, а тем обаянием красоты, блеска и яркости, тем художественным сочетанием природных свойств и творческого замысла, которое заставило еще на заре человеческой культуры смотреть на драгоценный камень как на воплощение богатств и красот природы».

Конечно, я вцепился в книгу, не сообразив, что она может стоить дорого, больше моих скромных возможностей. Но оказалось, что сэкономленных за неделю пятаков мне вполне хватило, чтобы завладеть этим сокровищем, которое я не променял бы на все мороженое в мире.

С тех пор и по сегодня у меня к самоцветам особое отношение — как к чему-то близкому душевно. Иногда мне казалось, что у каждого камня свой характер: этот вот всегда веселый и даже озорной, тот — мрачный, унылый, третий — спокойный, важный, величавый. Бирюза казалась жеманной скромницей, александрит — изменчивым обманщиком, изум-

руд — загадочно задумчивым, рубин — эффектным красавчиком, а тяжеловес, любимец заводских модниц — веселым протестом. Ну, разве не так?..

Мир самоцветного камня оказался многогранным и многоцветным во всех своих ипостасях. Он манил романтикой поиска «цветов земли» по признакам и припасам, вынужденным в итоге многовекового опыта поколений безвестных горщиков, умевших видеть и «сквозь землю». Увлекал легендами и преданиями об уникальных находках диковин минерального царства, волшебными сказками и потаенными сказами, отражавшими поэтические воззрения людей на природу. Он поражал разгаданными наукой сокровенными тайнами рождения самоцветов и их жизни (да, да, они тоже по-своему живут!) и ставил ученых перед новыми, еще более глубинными загадками. Он восхищал высочайшим и вдохновенным мастерством самоучек-гранильщиков, умевших выявить «душу камня» и создавать неповторимые образцы рукотворной красоты...

Мир этот увлек меня. Но не всякое увлечение становится профессией, судьбой. И я не стал геологом, хотя и учился в горном институте, определилось иное призвание. Но журналистские тропы, на которые я вступил, то и дело приводили меня к камню. Довелось побывать на многих знаменитых некогда копиях Мурзинки, Алабашки, Положихи — на легендарных «Тысячницах», «Стаканницах», «Ватихах» и «Мокрушах». Не раз забирался в минералогический рай Ильменских гор. Счастлив, что судьба сводила меня с асами минералогического поиска, старыми горщиками, последними из могикан, чьи имена ныне легенда: с неповторимым по обаянию и колоритности Даниилом Кондратьевичем Зверевым, чьи скупые на слово, но богатые по содержанию рассказы часто слушал в его полуподвальчике на Коробковской, 10; со степенным и вроде бы суровым, а на самом деле добрейшим Григорием Георгиевичем Китаевым, первооткрывателем многих ценнейших месторождений, исходившим в своих поисках весь Урал и вдоль, и поперек; с Василием Владимировичем Шахминым, поистине профессором гранильного искусства, золотым рукам которого было доступно то, что непосильным оказывалось для высокоточных станков...

И все же имя Ферсмана среди них стояло на особом счету.

Конечно, я не ограничился «Самоцветами России», а вылавливал все, что публиковалось им в периодике или появлялось в продаже. Особенно много попадалось в журнале «Природа», где он был постоянным автором. А затем в 1928 году в ленинградском издательстве «Время» вышла его «Занимательная минералогия», которая принесла ему мировую известность. За ней последовали «Занимательная геохимия», «Воспоминания о камне», «Рассказы о камне» и другие книги, ставшие теперь классикой не только научно-популярной, но и научно-художественной литературы.

Но примечательно, что и многие его чисто научные работы читались так же легко и увлекательно.

Написанные им страницы в монографии «Алмазный фонд СССР» на фоне остальных статей выглядели как стихи среди таблицы логарифмов.

Известно, что А. М. Горький внимательно следил за публикациями Ферсмана и высоко ценил их — в его личной библиотеке хранится пять книг Александра Евгеньевича, в том числе и «Самоцветы России». Узнав, что Ферсман согласился стать одним из редакторов научного отдела журнала «Наши достижения», Горький в 1929 году писал ему:

«Искренне уважаемый Александр Евгеньевич! Очень обрадован фактом Вашего участия в журнале «Наши достижения» и сердечно благодарю Вас за помощь журналу. Прочитал Вашу статью и статьи сотрудников Ваших, материал интереснейший, жалею, что мало его... Недавно прочитал Вашу «Занимательную геологию»* — прекрасный Вы популяризатор и подлинный «художник», артист-своего дела. Это не комплимент...»

Мне посчастливилось встретиться с автором любимых «Самоцветы России». Было это так.

Летом 1934 года я задумал побывать в Мурзинском самоцветном районе. Узнав об этом, ко мне в спутники напросился сын моего хорошего знакомого, потом сын другого знакомого, затем их приятели и приятели их приятелей. Словом, образовалась группа школьников-старшеклассников, которую уже можно было назвать отрядом. Поэтому журнал «Техника смене», в котором я тогда работал, решил взять наш поход под свою опеку, раздобыл для этого даже какие-то средства, небольшие, правда, но нам и малые были впору. Ребята неплохо подготовились — послушали лекции ученых-геологов, взяли в геологоразведочных организациях задания, побеседовали со старыми горщиками, запасли кое-какое снаряжение.

Назвали мы наш поход громко — экспедицией. Известно уральского краеведа Владимира Павловича Бирюкова пригласили быть научным руководителем, а меня наименовали начальником. Ожидаемая встреча с самоцветными краями, с камнем в природе вызывала чувство радости, но и ответственности — как-никак, а у нас были серьезные задания нескольких организаций. (Забегая вперед, скажу, что поход удался, и хотя больших открытий мы не свершили, но и то, что удалось, оказалось полезным. А главное, ребята заболели геологией.)

За несколько дней до выхода Бирюков принес нам приятное известие: в Свердловск приехал по делам организованного им Уральского филиала Академии наук академик Ферсман, он заинтересовался нашим походом и желал бы встретиться и побеседовать. Нечего говорить, что мы были рады.

Собираясь на встречу, я взял с собой, вместе с материалами по походу, и «Самоцветы России», с которыми не расставался все эти годы. Нет, не для того, чтобы взять автограф — мне всегда казалось униженным и недостойным распространенное и ныне выпрашивание (вымогательство) надписей авто-

* Это была «Занимательная минералогия».

ра на его книге, будто бы подаренной тебе. Взял я для того, чтобы книга, познакомившая меня с ее автором заочно, присутствовала бы и на очной встрече.

И вот мы с Бирюковым в одной из квартир Дома специалистов по Щипановскому переулку. Навстречу нам из-за стола поднялся высокий и тучный, но удивительно легкий в движениях человек с красиво вылепленной бритой головой и по-детски ясными и добрыми глазами, с неподдельно доброжелательной улыбкой.

То, что Владимира Павловича он встретил как близкого знакомого, было понятно — они часто встречались на разного рода краеведческих совещаниях еще с начала 20-х годов. Но то, что он и меня, совсем неведомого ему юношу, изо всех сил старавшегося казаться солидным («начальник экспедиции!»), принял так же радушно, будто только вчера мы встречались и давно знакомы — это как-то сразу согнало мою напускную «сурьезность», и я почувствовал себя просто и естественно.

И когда я начал было, по заранее намеченному плану, говорить об ожидаемых нами важных открытиях и находках, Александр Евгеньевич очень тактично приземлил разговор, так что я не ощутил никакого урона нашим с ребятами честолюбивым замыслам, лишь тут уяснив настоящую цель похода, какой она должна быть.

— Конечно, открытия! — воодушевленно говорил Ферсман, сияя лучистыми глазами. — Вас ждут открытия, друзья. Вы откроете счастье пройти своими ногами по тем тропам и ложкам, где прошли до вас поколения старых горщиков, а в рассказах последних из них (их уж остались единицы!) откроете не только историю замечательных находок, но и мир народной мудрости. Да вот хоть бы Данила Зверев, а он живет тут, в двух шагах от меня, на Коробковской, 10, к нему ведь профессора и академики ходят, чтоб послушать его, я сам еще студентом в 1912 году учился у него. Обязательно побывайте, навестите старика, будет рад, они, старики, любят уважение, и они заслужили его...

И он потянулся к моему блокноту, чтобы записать адрес, но тут выглядел в стопке моих тетрадей и папок с материалами похода свою книгу «Самоцветы России»...

— Дайте-ка, дайте, — всколыхнулся он и, взяв в руки старый томик, как-то нежно погладил его с воспоминательно заблестевшими глазами.

Значит, и ему она была дорога по-особому!

Он выбрал из ручек, лежавших на приборе, самую простую, видимо, привычную вставочку и, открыв титульный лист, собрался что-то написать на нем, но, продолжая оживленный разговор, никак не мог приступить. Затем его отозвали в другую комнату к телефону, а мы с Бирюковым, взглянув на часы, поняли, что давно уже просрочили условленное время визита, и засобирались. Подавив вздох сожаления, я приобщил книгу с открытым титульным листом к стопке тетрадей и папок.

Вернувшийся к нам академик увидел нас уже го-

товыми к уходу и извиняющимся жестом развел руки. Однако, увидев на столе ручку с уже засохшими чернилами на ней, выхватил из какой-то книги закладку и стоя быстро набросал на листочке несколько строк. Подойдя ко мне, он полюбил меня одной рукой, а другой вложил листочек — не куда-нибудь, а именно в ту, «нашу» с ним книгу.

— До свиданья, дорогие. Успехов вам!

Выйдя на улицу, мы с Владимиром Павловичем, конечно, не утерпели, достали из книги листок и прочли:

«Считаю такие экспедиции в природу, в поисках камня, полезных ископаемых лучшим отдыхом, лучшей работой и лучшей подготовкой к упорному труду по овладению нашими природными богатствами! Больше энергии и ближе к Природе!

Ак. Ал. Ферсман».

Слова эти послужили заветом не только для участников нашего похода. Опубликованные в журнале «Техника смене», они стали известны всем ребятам-уральцам, а позднее, перепечатанные в «Календарях школьника» и в книжках для юных геологов, и всем молодым искателям страны.

Было это почти полвека назад, а нынче Ферсману исполнилось бы сто лет — он родился 8 ноября 1883 года. В этот день я снова возьму в руки книгу, в которой с тех пор лежит тот листочек, и снова прочту вдохновенные строки поэта камня:

«Я видел в камне заложенные в нем элементы красоты и гармонии...»

Он видел и учил видеть других.

Любовь к самоцветам

**Геннадий
КОМАРОВ**

ОКОЛО 300 ЧЕЛОВЕК ЗАНИМАЕТСЯ В СВЕРДЛОВСКОМ ОБЛАСТНОМ КЛУБЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ КАМНЯ. УЖЕ БОЛЕЕ ДЕСЯТКА ЛЕТ В ПРОСТОЙ И НЕПРИНУЖДЕННОЙ ФОРМЕ ПРОХОДЯТ КЛУБНЫЕ ЧЕТВЕРГИ, КОТОРЫЕ ВЕДЕТ ОРГАНИЗАТОР И БЕССМЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ КЛУБА АЗАРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КИРСАНОВ.

ЛЮБОВЬ К САМОЦВЕТНЫМ КАМНЯМ ОБЪЕДИНИЛА ЛЮДЕЙ РАЗЛИЧНОГО ВОЗРАСТА, НЕСХОЖИХ ПРОФЕССИЙ. В СВОБОДНОЕ ОТ РАБОТЫ ВРЕМЯ ДОЛБЯТ ОНИ КРЕПКИЕ ПОРОДЫ ИЛИ РОЮТСЯ В ГЛИНИСТЫХ ОТВАЛАХ, ЧТОБЫ СВЕРКНУЛ В РУКЕ НЕВИДАННЫЙ МИНЕРАЛ.

СОВЕРШИМ ВМЕСТЕ С ЛЮБИТЕЛЯМИ КАМНЯ ПРОГУЛКУ НА ОДНУ ИЗ СТАРЫХ УРАЛЬСКИХ КОПЕЙ.

Просека привела нас к болотистому ручейку, через который кто-то наскоро бросил тонкие жерди. За ручьем — горка, поросшая соснами. Это и есть цель нашего похода. Небольшой подъем, и вот уже слышны голоса членов нашего клуба и постукивание молотков о камни. Приветствия — короткие. Мы все давно знакомы.

Все внимание первым находкам: темно-зеленые, полупрозрачные кристаллы пушкинитов и небольшие «волосатики» — прозрачные, как весенняя вода, хрусталики с причудливым переплетением игл внутри них. Камни переходят из рук в руки. Почти такие же украшают музей Лейпцига, Ленинграда, хранятся в частных коллекциях. Вдохновленные их видом, вновь продолжаем раскопки.

Сегодня на этой копи, расположенной недалеко от Свердловска, собралось много членов клуба, по-разному увлеченных уральскими самоцветами.

Вот Иван и Валерий — типичные «охотники». Они пришли первыми и уже основательно углубились в рыхлые отвалы. Поиск — их главная страсть. Они редко копают бдну точку дважды и даже подали несколько заявок на открытие месторождений, но пока — неудачно. Иван — крупный, смуглый, с карими глазами и веселым характером. Раньше он был заядлым рыбаком и охотником, но после одного удачного похода за камнями сменил ружье на кайло и лопату. Работает Иван увлеченно, но непоследовательно. Кошнув в одном месте, он бросает его, ищет новые места. За выходные дни он проходит большие расстояния и заметно худеет. Большую часть добытых камней Иван раздаст или обменяет, оставляя только «заветные», впрочем, далеко не самые красивые.

Валерий — небольшого роста, хороший спортсмен, упорен и энергичен в поиске. В отличие от Ивана, очень последователен, не любит мотаться от шурфа к шурфу. Объединяет их, как и большинство любителей этого направления, одно: они восхищаются камнем, его красотой в естественном виде. Ни обработанный камень, ни изделия из него их не привлекают. Это легко понять. Образцы минералов и без какой-либо обработки — настоящая красота. Творения природы настолько чисты по исполнению, что гармония красок и форм сохраняется при самом близком и тщательном рассмотрении. А под микроскопом в минерале открывается новый мир красоты.

Для любознательных секрет привлекательности камня заключен еще и в том, что каждый образец несет в себе частицу еще неразгаданной информации о той среде, в которой он образовался. Так смотря на камень «исследователи». Один из них — Костя. Сейчас он усердно роет шурф. По долгу службы он занимается исследованиями различных материалов с помощью мощных лабораторных установок. Идей у Кости хоть отбавляй. Его рассуждения о происхождении минералов интересны, но не всегда понятны. Однако в спорах о том, куда пошла жилка, Костя не раз выходил победителем.

Вот он что-то слишком внимательно начал изучать стенки шурфа, который идет пока в многократно перелопаченных отвалах. Я догадываюсь, что его пора сменить, и прыгаю в шурф. Наверху нам помогает Вася. Это — «художник по камню». Мелкие изделия, безукоризненные по технике исполнения, Вася делает походя, для обмена. Главное его увлечение — композиции из камня. Они отличаются большой выразительностью. Сочетания из нескольких камней навевают сказочные образы, фантастические мотивы. Даже полированный срез камня Вася делает так, что он становится картиной. Изумительны также его каменные мозаики. Работать с Васей хорошо. Он внимателен и расторопен, а шутки свои прикладывает так же к месту, как и камни в композиции.

Прохладное утро превратилось между тем в жаркий день. Солнце вышло из-за высоких сосен. Травяные запахи дурмавят, тянет в сон. Наши «туристы» начали раздвигаться. В плавках или в шортах они копаются в стенках карьера в поисках мелких, поделочных щеток пушкинитов или кристалликов кварца. Соорудили носилки из штурмовки и двух палок и носят породу к ручью для промывки. Шансов найти что-нибудь интересное мало, но им ведь, как они говорят, «не рыба нужна, а процесс ловли важен». Костер — у края поляны. Огонь поддерживает Николай. Он турист, но теперь уже бывший. «Бег по пересеченной местности» (это его слова) с некоторых пор перестал его привлекать. Теперь он предпочитает дальние поездки на старые копи и рудники. В любых условиях он устраивается быстро и с комфортом. Николай берет все красивые камни.

Когда солнце заглянуло даже в ямины, пришло время обеда. Иван вылез из шурфа, как из парилки. Жадно дышит. На дне шурфа свеча уже горит плохо. Работаем с фонариками. Вдруг — находка: плотная щетка тончайших кристаллов биссолита светло-серого цвета. Женщины в восторге. Гладят ее, прикладывают к щеке. Щетка, как бархат, переливается на свету.

День пролетел быстро. Шурф Валерия вошел в коренные породы, и появились первые находки пушкинитов. Это придает нам сил. Мы тоже приближаемся к нетронутым породам. В светло-зеленых породах появились первые щетки пушкинитов. Они вселили надежду на завтрашний день. Темнеет, все прекращают работу. Даже азартные новички усаживаются на поляне. Вдруг раздается сильный треск и затем хлопанье по воде. Появляется огромная фигура — это Василий. С суковатой палкой и туго набитым рюкзаком он грузно приземляется у костра и с таким шумом выдыхает воздух, что пламя и дым метнулись в противоположную сторону. Василий — коллекционер. Собирает камни без какого-либо ограниче-

Дело рук и души

ния, потому что горячо любит минералы. Однажды на одной из копей, где и брать-то, в сущности, было нечего, он так нагурузил свой рюкзак, что мы втроем с трудом взвалили его на хозяина. И он шел с этой ношей десять километров, не отставая от нас, хоть мы и спешили на электричку. А ведь ему за 50! В сборе камней Василий безогляден. Где только может, ищет и копает, но чаще — меняет. Ездит так же по рудникам, отдавая этому все свободное время и сбережения.

Кружка чая сняла усталость, оживила разговор у костра. Василий, задетый за живое вопросом Кости о смысле его бессистемного сбора минералов, говорил об экономическом значении драгоценных камней. Цветы земных недр (отдельные кристаллы, друзы и щетки минералов) высоко ценились людьми во все времена. Сбор драгоценностей всегда способствовал увеличению экономического потенциала общества. Бесценные сокровища Эрмитажа и минералогических музеев страны собраны в значительной степени с помощью коллекционеров. Да и сами частные коллекции, по существу, являются достоянием общества, а их переход от одного владельца к другому — не более чем смена их хранителя. Они со временем стекаются в крупные музеи и государственные хранилища.

Далее разговор пошел о пегматитовых жилах. Теперь они в большинстве уже отработаны, да и перспективы их дальнейшего роста, в основном, исчерпаны. А ведь многие из минералов, взятые в пегматитовых жилах, ценятся дороже золота. Производство же искусственных аналогов самых дорогих минералов (рубины, алмазы, цирконы, хризобериллы, изумруды) совершенно не повлияло на цены натуральных самоцветов. Стоимость некоторых из них на международном рынке в сотни и даже тысячи раз превосходит стоимость золота. Василий с горечью рассказывал о сибирских рудниках, где сотни килограммов драгоценных и поделочных камней ежегодно безвозвратно уничтожаются и рассеиваются...

— Зачем в Сибирь ездить, — запальчиво кричит Василий. — На Урале своих примеров хватает! На асбестовском карьере мы однажды упростили бригадира, чтобы не отправлял многотонную глыбу в дробилку. Она вся состояла из ювелирных щеток гранатов и везувианов. Там были гранаты всех цветов — от снежно-белого до ярко-красного. Теперь ищи их на дорогах в щебенке!

Действительно, щетки гранатов из этого карьера могли бы украсить любой музей. Они не хуже широко известных образцов, например, со знаменитой Ахматовской копи.

Много примеров безвозвратно уничтоженных ценных минералов вспоминали у костра «охотники за камнями». Об этом говорить не легче, чем об исчезающих видах растений и животных. Ведь каждое месторождение — это маленькая точка в недрах земли, где поработали редкие и, как правило, уже неповторимые силы природы. А оценивают эти замечательные точки земли лишь по «ведущему» компоненту месторождений... «Побочные» элементы, как правило, не учитываются. Отвалы обычно не складировуются, а рассеиваются. Так используется лишь незначительная часть богатств того или иного месторождения.

Вспышки костра выхватывали из темноты возбужденные лица. В разговоре не было равнодушных. Начинающие любители, которые на поиск одного кристалла кварца тратят месяцы, не могли поверить, что на каком-либо огромном карьере месторождение поделочных камней уничтожается за недели...

Подступала ночь. Спор, как и затухающий костер, распался на отдельные очаги, которые то вспыхивали, то совсем угасали.

Завтра любители камня перекопают несколько трудных кубов земли. Кому-то, возможно, повезет, и они добудут две-три хороших друзы или щетки энидотов. И находки будут долгие годы украшать их квартиры, напоминая о былой силе и удачливости.

Виктор Васильевич Саргин — и внешне и фактически еще молодой человек, а его стаж камнереза уже перевалил за тридцать лет. После училища только на заводе «Уральские самоцветы» он «вожгался» с камнем четверть века! Сейчас Саргин, один из известных мастеров прикладного искусства, преподает в свердловской школе-интернате № 139. Он создал здесь специальный класс, в котором к камнерезному делу приобщились уже многие десятки подростков.

...Задолго до того часа, когда в классе-мастерской начинаются занятия, его закрытые двери сотрясаются от стука. Мальчишки (да и девчонки!) рвутся сюда, едва выполнив домашние задания. Ну и после занятий их отсюда не выпроводишь сразу. Приходят воспитатели, разыскивая своих подопечных, вытягивают ребят чуть не за руки. Саргин вынужден решительно «вырывать силу» — отключать общим рубильником моторы алмазных пил, планшайб, «ильичевки», других станков. Все это понятно: камнерезное дело — интереснейшее! Достаточно лишь раз посмотреть на то, как из грязного, бесформенного куска какой-нибудь горной породы вдруг получается чуть ли не драгоценная, играющая фантастическими красками и полировкой вещь.

Воспитанники Виктора Васильевича со своими работами-произведениями всегда лидеры на различных выставках детского технического творчества. Да и мамам своим, и папам каждый из них готовит к праздникам такие чудесные подарки!..

Занятия В. В. Саргин проводит не только в классе-мастерской. Случись в Свердловске какая-нибудь выставка камнерезного искусства — и он с ребятами там. А когда на дворе тепло, юных камнерезов можно часто встретить в «поле» — в карьерах, на старых отвалах, у выходов разнообразных горных пород, жил... Ребята учатся видеть красоту природы в самых малых ее проявлениях, учатся любить нашу прекрасную уральскую землю, как любит ее их учитель.

В. ДАНИЛИН

На слайдах (см. 4-ю стр. вкладки): новейшие изделия юных камнерезов, для которых использовали халцедон, лиственин, обсидиан, агат-переливт.

Снимки А. Лангева

Н. К. Минко

○ «На Урале в глухих уголках есть любопытные памятники старины. Поинтересуйся этим вопросом всесторонне развитый человек, может быть, была бы польза для науки», — писали в начале этого века «Известия Императорской Архивной комиссии».

И такой человек появился в захолустной тогда Челябине. Это был Николай Кириллович Минко. Закончив юридический факультет Петербургского университета и одновременно археологический институт, он был направлен в Челябинск чиновником особых поручений Переселенческого управления.

Мало кто из сослуживцев знал, что родился Минко в болгарском городке Филиппополе. Отец его, офицер русской службы, был болгарин. Мать — родом из Новгородской губернии. Она страдала туберкулезом и рано умерла.

Из детских лет остались в памяти Николая Минко Феодосия, где они жили с отцом, и отчисление из гимназии: уж слишком часто мальчик убегал с уроков в горы и на море с другом, впоследствии известным поэтом Максимилианом Волошиным.

И все-таки гимназию Николай Минко закончил — Рихельевскую, в Одессе. И с душевной теплотой он вспоминал учителя Сомко, у которого жил. Тот руководил его чтением, под его влиянием пробудился у Николая интерес и к коллекционированию. В студенческие годы Минко уже серьезно занимается археологией, нумизматикой. Его собрание древних польских монет было одним из самых полных.

Как-то сложится жизнь начина-

Ревнитель старины

Наталья
САВИНА

ющего собирателя в незнакомой Челябине?

Николай Кириллович обследовал окрестности Челябинска, обнаружил сотни курганов. Вот оно археологическое богатство края! Каждый курган народная молва окружила легендами, преданиями...

...Жили когда-то на этом месте чернокожие люди, которые, видя растущий в местах их обитания белый, березовый лес, говорили: «Вот вырос белый лес, скоро придет белый народ, и мы все погибнем». Разнеслась молва о приближении чужеземцев. Тогда они построили себе избышки в земле с крышей на столбах, а потом, войдя туда, подрубили столбы... Их прозвали «чужаками», «чудью», а курганы «чужими буграми».

Таковы легенды, а в действительности... Доступны были невысокие причелябинские курганы! Еще с древности они подвергались расхищению, их варварски раскапывали кладискатели. Иногда раскопки приобретали массовый характер. Так было в голодные 1891, 1911, 1921 годы, когда население бросилось за «курганым золотом», выбирало также кирпичи, древесный уголь.

В 1905 году Николай Кириллович Минко приступил к первым поискам. Поехал на курганы близ поселков Исаково, Першино, около станции Миасской. И получил столь ценные сведения о прошлом, что счел своим долгом опубликовать их в «Записках Уральского общества любителей естествознания». Чуть позже отчет о раскопках был издан брошюрой. Николай Кириллович ведет «Дневник раскопок», куда записывает рассказы о тех событиях, что еще на памяти местных жителей, в основном татар и башкир. Они же помогали определить обнаруженные предметы.

А находок было достаточно. Из погребений извлекались керамические предметы, бусы, бронзовые стрелы, глиняные пряслица и гرزила. Минко неумоимо ведет раскопки вокруг Челябинска исключительно на личные средства. Научное значение его работы и того материала, что они дали, было столь значительно, что высшее археологическое учреждение России — Императорская Археологическая комиссия — обратила внимание на исследования Н. К. Минко. И с 1906 года Николай Кириллович производит раскопки с разрешения и по пору-

чению комиссии. За пять лет им было раскопано более ста захоронений.

Самым замечательным оказался Смолинский курган, одиноко стоявший на пашне казака Василия Смолина в верете от озера Синеглазовского. Извлеченный из него треножник в виде блюда, украшенного насечкой, подтвердил предположение Минко о связи древних жителей Урала с югом России. В то время подобных предметов было известно археологам не более десятка. Они относились к сарматской культуре.

Неурожай 1911 года... Николай Кириллович назначают уполномоченным по снабжению хлебом и фуражом Оренбургской, Тургайской, Уральской областей. Отдавшись трудной работе, он заболел в октябре 1912 г. в Омске тифом. В Челябинск его доставили без сознания в переполненном санитарном вагоне. Оправившись от тифа, он заболевает туберкулезом. И до весны 1914 года находится на излечении в Швейцарии. Вернувшись в Челябинск, энтузиаст археологии снова приступает к работе. Но только один раз ему удалось произвести раскопки.

Начинается война, и в качестве уполномоченного Красного Креста он отправляется на фронт. Лишь весной 1918 года семья Минко получила долгожданное известие: Николай Кириллович едет домой. Это была последняя весточка от него. Что случилось с ним за тысячи верст от дома, так и осталось неизвестным. Исчез и «Дневник раскопок». Зато благодаря исключительным трудам замечательного собирателя Челябинский областной краеведческий музей обладает богатым фондом. В 1923 г. археологическую и нумизматическую коллекции Николая Кирилловича, книги с автографами его жена Мария Алексеевна передала челябинскому музею в дар. С этого и началась его биография...

Советские исследователи Южно-Урала продолжают дело ревнителя старины Николая Кирилловича Минко, который явил высокий идеал бескорыстного служения науке, просвещению и тому краю, в который забросила его судьба.

Пустыня

ЖИЗНИ

Повесть

**Дмитрий
БИЛЕНКИН**

Рисунки
Е. Стерлиговой

Глава четвертая

Память лечит и память калечит. Хотя горький смысл этой истины открывается лишь с годами, мне уже было что вспомнить даже из раннего детства. Всего однажды я перепугался до ужаса, это было на кладбище, куда я случайно забрел.

Не помню, что меня, малолетнего, туда привело. Был ослепительно солнечный, безветренный день, на белом песке дорожек лежала недвижная тень листвы, я брел без цели, ставя одну ногу в тень, другую — на солнце, чтобы босыми ногами чувствовать сразу жар и прохладу. Такая ходьба развлекала, не мешая с любопытством поглядывать по сторонам и примечать старинные памятники из мрамора, чугуна и гранита. Я знал об их назначении, знал отвлеченно, с детским снисхождением к тому, что было давно и меня не касалось. Взгляд то задерживался на необычной скульптуре, то равнодушно скользил мимо массивных постаментов, обелисков, крестов, никак не отзываясь на имена, даты и надписи, которые были выбиты на века, но уже мало что могли сказать даже моему поколению из-за архаики языка, каким все было написано. С куда большим вниманием я высматривал, нет ли где малинника. Вот именно! Очевидно, за этим я и забрел сюда, кто-то из приятелей уже лакомился тут, а я чем хуже? Всем известно, что нет ничего лучше ягод с куста, с ними не сравнится никакая роскошь синтетики, которая, может быть, и слаще, да не тобой добыта.

Малину я углядел, тут же свернул с аллеи в кусты и больше уж ни на что не обращал внимания. Ягода была ранняя, редкая, и, двигаясь в зарослях от добычи к добыче, я не заметил,

что облик памятников изменился. Поэтому я даже отпрянул, когда из-за куста на меня вдруг глянул старик. Неподвижный, как все вокруг, он в упор смотрел на меня с постамента, не мигая, не шевелясь, пронизывая взглядом влажных выцветших глаз, и, что самое жуткое, в широких и темных зрачках не было дневного блеска, хотя солнце светило ему в лицо!

Сердце ухнуло. Не в силах бежать, я смотрел на старика, а он своим неподвижным, влажным, таким нечеловеческим взглядом — на меня. Конечно, я знал, что такое голография и голографическая скульптура. Но прошла не одна секунда, прежде чем я понял: этого старика нет ни среди живых, ни среди мертвых, это лишь образ когда-то бывшего человека, бесплотная реальность, тень, фантом.

Я попятился, не сводя с него взгляда, точно он мог броситься за мной и настичь. Наконец его скрыли кусты.

Но тогда стали видны другие фантомы. Я был окружен ими. Большие и маленькие, так похожие на людей, они многолико смотрели из-за кустов, такие же безмолвные и неподвижные, как застывшее в небе солнце. Меня обступала мертвенность. Она была в сухом блеске песка, в неподвижности теней, в раз и навсегда замершем взгляде, каким смотрели так похожие на людей нелюди, в самом воздухе, которым я дышал.

Я не закричал, не мог.

Избавлением донесся звонкий детский смех. Смеялись неподалеку, совсем рядом. Я ринулся к этому смеху, помчался, не разбирая дороги, тем более, не догадываясь, что меня ждет.

Смех оборвался, когда я приблизился и замер на краю поляны.

Тут засветка. Память отказывается воспроизвести то мгновение, его я могу реконструировать лишь по схожим, более поздним впечатлениям. Так я снова вижу солнечный прогал поляны. Посередине застыла девочка в белом платье, ее беззвучно смеющееся лицо обращено ко мне вполборота, белозубый рот приоткрыт. Поодаль — скамья, там женщина с окаменелым лицом. Вдруг — смех! Девочка срывается с плиты, на которой стояла, раскинув руки, бежит к женщине...

Бежит, не оставляя на песке следов.

Это мать позвала своего ребенка...

Память недаром отбрасывает эту сцену. Наука сделала возможным некогда, казалось бы, невероятное. Чего проще установить на могиле аппарат воспроизведения давно снятого мгновения жизни, зас. зить изображение ребенка бежать и смеяться так, как он бежал и смеялся в тот счастливый день! Технически все несложно. Но как непостижимо, как странно, надрывно такое желание матери... Пусть всего одной из миллиона. А может быть, не так уж странно? Ужас-

Продолжение. Начало см. в № 10.

но, самоубийственно, но не странно? Перед этой загадкой отступили психологи. Не помог и порыв общественного осуждения: кое-кто все равно продолжал ставить и такие памятники. Что ж... Право матери свято. Даже такое.

К чему это вспомнилось?

Мы распоряжаемся памятью, но и она распоряжается нами. Особенно ночью, когда сна нет, когда ты один, когда в мире нехорошо, когда смерть настигает твоих близких, а ты никому ничем не можешь помочь и, более того, обречен на бездействие.

Зря я отсыпался целые сутки, теперь сон не идет, а память похожа на минное поле. Невозможно не думать о Феликсе, но это невольно тянет за собой память о Снежке, о многих и многих, вплоть до той неизвестной мне девочки, чей призрак бежал тогда по кладбищу. От окна дует, за ним холодный и плотный мрак. И тишина.

В руке палка, шаг, шаг, еще шаг... Нога успела срастись и уже повинуется, ее надо разминать. Это болезненно и это хорошо, потому что перебивает непрошенные мысли. Мы с детства росли в убеждении, что товарищество одна из высших ценностей жизни. Детский, затем юношеский опыт подтверждал это на каждом шагу, только он умалчивал о другом: чем шире круг дружбы, тем вероятней потери, а каждая из них — горе.

Нет, об этом сейчас нельзя! Нельзя расслабляться, плакать нельзя, утром ты должен быть свеж и бодр, потому что утром снова борьба. Память о Снежке, память о Феликсе мучительны как раскаленное железо, и я стараюсь думать о другом. О том, успеют ли к утру починить мою «черепашку», залечится ли нога, кого теперь избрать вместо Феликса...

Опять!

Почему гомеровские герои могли рыдать и рыдали, а мы себе это запрещаем? Другие заботы? Другая ответственность? Ах, да не все ли равно...

Присев, я уже в который раз включал информ.

Что изменилось за последний час? От нати-ска моря удалось отстоять Бангкок (это я уже слышал, все равно молодцы). На Мадагаскаре внезапно выпал снег (бедняги лемуры, сейчас, увы, не до вас...). В малоазиатском анклав-е попавшие в наше время крестonosцы помолились богу (еще бы, ночь вдруг сменилась днем!) и продолжают резаться с мусульманами (спятили они, что ли?). На юге Африки динозавр смог преодолеть силовой барьер, но был вовремя отеснен в свой мезозой...

И по-прежнему никаких известий о новых хроноклазах. Уже сутки как тихо. Нигде ничего. Самое приятное, что можно услышать! Может быть, прав Алексей? Ведь если дело в резонансе, то колебания постепенно должны затухать.

И если те сутки, что я провалялся, прошли спокойно, то это, возможно, свидетельствует...

Увы, это пока ни о чем не свидетельствует, такие дни бывали и раньше.

Я дослушал передачу и выключил информ. Больше дел нет. Выскользнуть наружу, долететь до ангара, помочь ребятам с ремонтом? Прогонят. Мое дело выполнять врачебные предписания. Выздоровливать. Покой, отдых, сон.

В окно застучал дождь. Смолк. Я встал. Будь что будет, мне нужно дело, и оно у меня есть. В конце концов, это тоже мой долг, надо только решиться.

Я быстро собрал сумку, натянул на себя походную амуницию, потуже затянул капюшон, раскрыл окно.

Ветер гнул и раскачивал едва различимые в темноте ветви деревьев, гулко ходил в их вершинах, плескался дождем. Где-то рядом мокрые листья шуршали о стену замка. Я дал глазам привыкнуть, учел поправку на ветер и, чтобы не задеть близкое дерево, взмыл вверх. Резкий порыв ветра попытался прижать меня к стене, но это ему не удалось. Огоньки окон отклонились в сторону и ушли вниз, под ногами мелькнули зубцы башен. Завершив этот маневр, я тут же нырнул и полого прошел над смутной массой деревьев парка. Высь меня не манила: чтобы не привлекать внимания, я заранее выключил маяк-ответчик, и теперь следовало избегать трасс, которыми мог воспользоваться любой реалет.

Бреющий полет в темноте — не самое приятное занятие, зато никаких посторонних мыслей тут быть не может, а этого я и хотел. Лицо нахлестывал дождь, тело ласточкой рассекало воздух, всякая минута требовала предельного внимания. За рельефом земли следил заблокированный с расчетчиком локатор, я заведомо не мог врезаться ни в холм, ни в здание, но кроны деревьев давали размытый сигнал, тут приходилось полагаться на инфракрасную оптику и быть настороже. Особенно из-за шквалистого ветра, порывам которого надо было противостоять. Конечно, я уже мог включить ответчик и уйти в вышину, благо поодаль от замка никто ни о чем не стал бы спрашивать, но толика сумасшедшинки и риска иногда полезней благоразумия.

Разгоряченный полетом, я опустился возле пещеры и по инерции шагнул так, словно кто-то другой еще час назад ковылял с палочкой от окна к кровати. Нога тут же напомнила о себе, и это меня отрезвило. Щебень у входа был мокрым и скользким. Я зажег фонарь. Тьма раздалась, отпрыгнула в глубь пещеры, в ярком конусе света забелели острые сколы щебня, проступил серый известняк холма, выделилась темная зелень редких пучков травы. Не только дыхание, но и одежда курилась паром. Пригнувшись и выставив вперед фонарь, я протиснулся

в пещеру. Захлюпала грязь, на стенах вдоль трещин заблестели капли. Вот это новости! То, что я посчитал сухим и надежным убежищем, первый же дождь превратил в грязную и сырую нору.

Девушка, очевидно, спала. Внезапный и резкий свет заставил ее привскочить; в расширенных зрачках метнулся красноватый отблеск, какой изредка бывает и у людей. Но сейчас на меня смотрел именно звереныш, сжавшийся, насмерть перепуганный, готовый отчаянно драться, ощерившийся.

— Не бойся, это же я,— кляня себя за поспешность, сказал я как можно мягче.

Голос она, похоже, узнала; зрачки сузились, впелись в мое лицо, огоньки в них погасли. И это все, чего я добился. Тот же оскал готовых рвать и кромсать зубов, худое угловатое тело напряжено, как перед прыжком, в правой руке зажат камень, который она готова метнуть, и только это, пожалуй, в ней человечье. Нет, еще выражение страха. Еще бы! Внезапно и ярко озаривший пещеру свет, черно и смутно выросшая за ним фигура— такое, да еще спросонья, могло насмерть перепугать кого угодно.

Я поспешил сорвать очки, убавил свет, отключил терморегуляцию, чтобы одежда перестала куриться паром, отступил на шаг, давая девушке время опомниться и узнать меня.

— Ну вот, ты взглядишь, никакой я не бог, не дух, не оборотень, такой же, как и ты, человек, не надо меня бояться, не надо... Ты меня узнаешь, узнаешь?

Я говорил без остановки, спокойно, важны были не слова, которых она, разумеется, не понимала. В тот раз все было куда проще! Кем я был для этого существа теперь? Божеством? Нет, понятия бога эти люди, кажется, еще не выработали. Злым, явившимся из темноты духом? Призраком ночи? Кем-то еще?

Праздник, в общем, вопрос. Она для меня была и осталась человеком, а я, бьющий врагов молниями, летающий и повелевающий светом, был для нее, надо думать, чем-то потусторонним. И ладно, мне от нее ничего не нужно. Накормлю, подлечу, а уж как выглядит человек одной эпохи в глазах своих далеких предков, пусть этой проблемой терзаются историки.

Звук моего голоса наконец дошел до нее. Лицо смягчилось, оскал исчез, зверька больше не было, но, хоть убей, я не мог понять ни одной ее мысли! Пульс у нее, верно, был бешеный, я видел, как под кожей ходят ребра, как вздрагивает грудь, как вся она напряжена, но это смятение чувств никак не отражалось на замурзанном, осунувшемся лице, вернее, отражалось нечитаемо.

Сколько времени так прошло? Дыхание девушки выровнялось, стиснувшая камень рука разжалась, взгляд расширенных глаз ушел внутрь,

они угрюмо и темно отражали свет. Казалось, она свылась со мной, как перепуганный котенок свыкается с присутствием нового хозяина. Что ж, этого достаточно...

Продолжая говорить, я шагнул к ней. Мне казалось, что я готов ко всему. К тому, что она сожмется в комочек или внезапно полоснет мою руку ногтями или, наоборот, распластается ниц. Но к тому, что произошло в действительности, я оказался не более подготовленным, чем она к моему светозарному появлению в пещере.

При первом же моем шаге ее взгляд метнулся удивлением. Забыв обо всем, она в недоумении уставилась на мою поврежденную ногу.

Хромота! Ее поразила моя хромящая походка. Но почему?

Я остановился в растерянности. Теперь она смотрела на меня так, будто силилась что-то понять или вспомнить. Ее взгляд уже не был ни взглядом попавшего в ловушку звереныша, ни темно-непроливаемым взглядом грязнолицего сфинкса, это был взгляд человека, который срочно должен решить что-то очень и очень важное для себя.

— Хо'ошая...

Хотя я отчетливо видел движение ее губ, до меня не сразу дошло, что я слышу ее голос, а не эхо собственных слов.

Наконец истина проникла в сознание.

— Что?! Что ты сказала?!

— Хо'ошая... Эя хо'ошая...— она ткнула себя в грудь.— Хо'ошая,— повторила она.

Но теперь ее палец указывал на меня!

Все перевернулось. Теперь она владела собой, тогда как я... Летающий, повелевающий и все такое прочее, я стоял с разинутым ртом.

— Ты... ты говоришь по-нашему?!

— Хо'ошая,— повторила она мне, как неразумному.— Эя хо'ошая...

По-детски оттопырив губу, она тронула больную ногу, затем показала на мою и гримасой изобразила боль.

— Нет хо'ошая... Нет хо'ошая...

Я так и сел. Куда лингвасцету до этой замурзанной пещерной девчонки! С какой быстротой она усвоила слова и сопоставила факты! Десять-пятнадцать минут—и такие успехи! Что это— норма того времени или мне встретился гений? Кто из нас смог бы на ее месте так быстро разобрататься в ситуации? Вероятно, никто.

— Павел,— я ткнул себя в грудь.

— Авел,— повторила она.— Авел хо'ошая. Эя хо'ошая.

Она улыбалась, она была довольна. Она признала во мне человека, вот что самое поразительное.

— Нога,— я повторил ее жест и воспроизвел ту же гримасу.

— Но-а...— некоторые звуки давались ей с трудом, она добавила что-то по-своему.

— Говори, говори еще! — досадуя на молчащий лингвасцет, я тщетно пытался уловить ее смысл ее слов.

Нет, просьбы она не поняла и замолкла. Но это уже не имело значения. Я торопливо отстегнул сумку и протянул еду. Она, не церемонясь, вцепилась в протянутое обеими руками, фыркнула, как котенок, от резкого и непонятного запаха специй, переломила брикет и, не срывая обертки, впилась в него зубами.

— Да подожди ты! — вскричал я и попытался стянуть обертку, но она лишь поспешней заглотнула кусок, ее зубы предостерегающе щелкнули.

Столь мгновенный переход снова к дикости меня отрезвил и смутил. Пожирая мясо, она только что не рычала. Но успокоилась, едва я убрал руку.

А я-то было вообразил! Как все же одно могло согласоваться с другим? Феноменальная понятливость и... Впрочем, о чем говорить: далекие предки этой девочки оставили нам в наследие великое искусство пещерной живописи, ее современники умели неплохо считать, но, судя по раскопкам, спали среди кухонных отбросов. Подавая тюбик с какой-то пастой, я предусмотрительно свинтил крышку и показал, как им надо пользоваться, но это не помогло, — она вгрызлась в него, как в кость, и лишь слегка удивилась, когда содержимое брызнуло ей в лицо. Она тут же слизнула все и отбросила изжеванные остатки тюбика. Зато она прекрасно знала, как поступить с флажкой, и запрокинула ее тем же движением, что и любой из нас. Отталкивающего, неопрятного в ней было не больше, чем в проголодавшемся зверьке, но теперь я легко мог представить ее разрывающей кролика и пьющей теплую кровь.

И это существо только что говорило на моем языке!

Нет, подумал я, ее слова не должны обольщать, они лишь эхо моих собственных. Так говорить мог бы и попугай. Ну, не совсем попугай, однако: доброе отношение и ему понятно, а здесь все-таки разум. Или он тоже иллюзия? Иллюзия, вызванная точно таким же, как в наши дни, сложением тела, сходством черт лица?

«Человек разумный». Так нас впервые определил Карл Линней. Меня, Алексея, Снежку, Эю — всех. Но его определение имело окончание: «человек разумный, познай самого себя»...

— Нет, ты совсем другая, — вырвалось у меня. — Может быть, ты прапрабабушка Снежки, но ты даже не ее сестра... И нечего себя обманывать.

Эя посмотрела на меня ничего не выражающим взглядом, удовлетворенно облизала губы.

— Пить, есть — хо'ошо... Авел хо'ошая. Эя хо'ошая. Снеш-шка хо'ошая.

— Да, конечно, — согласился я с горечью. —

Снежка хорошая, только не повторяй все, как магнитофон!

Мое раздражение ее, кажется, удивило. Похоже, она ждала другого, взгляд дрогнул недоумением, руки задвигались, как у ребенка, который в чем-то просчитался и снова силится как можно лучше все толковать.

— Эя хо'ошая! Снеш-шка хо'ошая! Эя, Снеш-шка — друзья!

Пещера вдруг сузилась, душно сдавила меня, на мгновение я онемел, оглох и ослеп.

Эя и Снежка — друзья?!

Все поплыло перед глазами.

Так, но совсем по-другому бывало, когда я встречался со Снежкой. Все, что не было ею, теряло тогда отчетливость, размывалось, оставалось только ее лицо, всегда подвижное, недосказанное, как живой бег ручья, как солнечный на нем свет. И такое же неуловимое, желанное, близкое, когда она, притихнув, вслушивалась в мой голос, или одной ей известным знаком приманивала с дерева белку, или, задумчиво вслушиваясь в чей-то спор, внезапно проясняла его одним словом, или, кинув на меня вопросительный взгляд — можно ли? — разом превращалась в сорванца, которому нипочем на виду у всех пуститься наперегонки с жеребенком, ласточкой уйти в воду с обрыва, чтобы, выложив все силы в рывке, в преодолении, в смехе, обессиленно откинуться на спину, уйти в себя, в свои мысли, словно вокруг нет никого и я, ее верный спутник, столь же далек, как невидимая в дневном небе звезда.

Такой она была... Неизменным в ней была лишь верность самой себе. Та самосвобода, та открытость души, которую я больше не встречал ни в ком, она-то и делала наши отношения такими наполненными. И строгими. Настолько, что, когда во мне все немело от ее доверчивой близости, от обморочной жажды ее смеющихся губ, я не мог сделать последнего движения, таким грубым и невозможным оно казалось. Посылающим на ее свободу, на непосредственность каждого ее движения, взгляда, слова. Ей, а не мне пришлось сказать первое слово любви. Она сделала это так же естественно и просто, как жила, как дышала, и все, что было после этого, стало новым счастьем и новым узнаванием — и поцелуй, от которого мы оба задохнулись, и еж, который некстати запыхтел у наших ног, и смех, который нас обессилил, и бег без оглядки, и обжигающее соприкосновение тел, объятия, в которых мы блаженно умирали и воскресали. Но и тогда, после всех дней и ночей, когда нас ничто не разделяло, у меня после самой короткой разлуки при взгляде на Снежку все так же кружилась голова, и первое прикосновение к ней было робким, точно мы еще не знали друг друга, будто все начиналось впервые и каждый из нас боялся испугнуть любовь.

Было ли это только любовью или также предчувствием, что нам недолго быть вместе? Снежка пропала в первый день катастрофы. Все, что окружало ее, провалилось, исчезло, смешалось с другим временем, другим небом, другой землей, которая могла быть и за столетие, и за миллиард лет до нашей любви. Какая разница, — оттуда никто не возвращался. Что ждало ее там? Сколько раз я представлял ее задыхающейся на берегу архейского моря, умирающей в пасти чудовища, проданной в рабство неизвестно где и кому! Орфей хоть знал, где его возлюбленная, какой ад ее поглотил, у меня не было и такого утешения...

Меня бил озноб, свет фонаря дрожал тенями. «Пить, есть, хорошая...» Произнесенное там, за тысячелетиями, еще звучало здесь, в этой промозглой пещере. Теперь я знал, что со Снежкой, знал, где она, но это знание было хуже незнания. Сама ли она пришла к соплеменникам Эи или ее приволокли, в жадном любопытстве срывая с нее диковинную одежду? Намеренная жестокость, возможно, чужда тем людям, но сам их мир беспощаден и груб. Моя Снежка была в нем добычей, пленницей, вещью, ничем, такой ее свырнули к костру.

Нет! Я зажмурился, во мне все обмерло. Нет! Снежка жива, жива, это главное. Ей плохо, может быть, голодно, холодно, но она жива. Она сильная, она стерпит все, вынесет все...

Все, кроме унижения. Лишний рот никому не нужен, и как бы те люди ни относились вначале к своей невиданной добыче, она должна стать двужильной работницей, чьей-то женой, а не захочет — принудят. Станут учить покорности, ткнут кулаком в лицо, отдадут старухам на воспитание, разложат под ремнем или что у них там в обиходе, все без зла, но и без сострадания, единственно потому, что в том времени человек принадлежит не себе, а роду. Первое же несогласие, случайный просчет, робкое возмущение — и жесткая рука хватает Снежку за волосы, пригибает к земле, воспитующе бьет, а там хоть грызи облезлую шкуру, в которую уткнули лицом, сопротивляйся и плачь, ничто уже не поможет.

Видение было столь отчетливым, что пальцы сами собой сжались в кулак, ухватили, стиснули что-то твердое и холодное — рифленую рукоятку разрядника.

Я отдернул руку, точно ее обожгло. Эя, подскочив, смотрела на меня обеспокоенным взглядом. Я заставил себя улыбнуться, хотя мускулы лица повиновались как замороженные. Меня колотила дрожь.

Но то была уже дрожь облегчения. Что я, в сущности, знал о том времени? О тех людях? Наверное, все не так, конечно, конечно, не так! Сломленная, униженная Снежка не могла внушить Эе слова дружбы. Только ли ради само-

сохранения она это сделала или тут был дальний расчет? Сюда они дошли как пароль, вряд ли то было случайностью. Нет, нет! Снежка не отчаивалась, там она верила, что время преодолимо, само время!

А разве не так?

Два шага отделяло меня от девушки, которая состарилась, умерла, истлела за десятки веков до моего рождения, но которая тем не менее жива здесь и теперь гладит поврежденную ногу той же рукой, что совсем недавно касалась руки Снежки.

Время не распалось, наоборот.

Так почему же мы видим в происходящем лишь катастрофу?

Если бы Эю в компании с Аристотелем вдруг зашвырнуло в космическую невесомость, то и девочка каменного века, и мудрец, верно, решили бы, что мир сошел с ума. Ни верха, ни низа, ни тяжести! Полное опровержение опыта всех поколений, крах представлений о природе вещей. Эя еще могла бы все приписать колдовству и на том успокоиться, но каково было бы Аристотелю с его продуманной схемой миропорядка, с точным, как он полагал, представлением о возможном и невозможном?

Феликс был прав. На все, от блохи до галактики, мы смотрим сквозь фильтры наших представлений и наших эмоций, тут ничего не изменилось и, видимо, не изменится. Время столь же сокровенно, как и пространство, в нем то же обилие, казалось бы, фантастического. Предполагая это, зная это, даже столкнувшись с этим, мы тем не менее первым делом отшатываемся и заслоняемся. Глупо. Назад пути нет, только вперед. Даже если настоящее рухнет, взамен мы получим вечность, ибо коль скоро открылся переход в прошлое, человечество сумеет расселиться во времени, освоит его, как уже освоило пространство, создаст новую, пока непредставимую цивилизацию. Не оттого ли молчат звезды, что другие разумы Вселенной опередили нас на этом пути и надо их искать не в пространстве, а во времени?

Быть может, голос Снежки, который так неожиданно прозвучал здесь, в пещере, первая весть оттуда, из нашего будущего?.. У нее нет шанса вернуться, но мы-то можем к ней прийти. Рано или поздно мы обуздаем время, как обуздали энергию, и тогда... Тогда мне до Снежки будет те же два шага, что и до Эи. Пусть она становится женщиной племени, пусть рожают детей, пусть старится, умирает, все равно когда-нибудь я смогу обнять ее, теперешнюю. Это не укладывается в сознании, но мало ли что в нем не укладывается! Все будет так, если мои предположения не бред.

Как странно, но, может быть, прозорливо сказал какой-то древний поэт: «Мы все уже умерли где-то давно, все мы еще не родились...»

Глава пятая

Визор Алексея не отвечал, не было даже сигнала соединения. Это означало, что Алексей либо спит, либо работает. В том и другом случае его нельзя было беспокоить иначе как по неотложному делу. Но я не мог ждать утра, да и первое известие о судьбе исчезнувших во времени кого угодно должно было поднять на ноги.

Прихрамывая, я спешил по гулкому пустынному сейчас коридору, где серыми мышами сновали киберуборщики. Эти проворные, днем незаметные крохи залазили в каждую щель, урча, всасывали в себя всякий сор, в их домашней суете была спокойная деловитость раз и навсегда заведенного порядка, который поддерживался до нас и будет поддерживаться после нас, а уж шваброй ли домохозяйки или оптронным механизмом, не столь суть важно. Что было, то и будет, словно говорил их вид, а уж на Земле или под другими солнцами, или в ином времени, это вы как хотите, без нас вам нигде не обойтись. И они были правы.

— Брысь! — сказал я всей этой мелкоте и приотворил нужную мне дверь.

М-м...

В комнате приглашающе горел свет, его даже было слишком много, однако мне стоило труда заставить себя войти и, как ни велико было нетерпение, сделал я это не без колебаний. Причина была в Алексее. Он сидел, закрыв глаза и отвалившись в кресле, но это был не отдых, не сон, нечто противоположное. И для постороннего жутковатое. Меловые щеки Алексея запали так, что проступили кости лица, веки подрагивали, не разжимаясь. Иногда лицо оживало, руки сомнамбулическим движением касались клавиатуры настольного расчетчика, и тогда все взрывалось, — мучительно кривились губы, пальцы принимались бешено отстукивать текст, с тихим жужжанием крутилась приемная катушка меафона, змеей вилась и опадала на пол бесконечная, усеянная зерном цифр и символов лента, — и все это при мертвенном неучастии закрытых глаз. Не лучше было тихое удовлетворение, которое порой разливалось по этому бледному и вспотевшему лицу.

Смотреть на человека в таком состоянии тяжело, даже страшно. Я обошел неподвижное тело Алексея и, стараясь не замечать на висках черных присосков, склонился над лентой. В ней почти все было для меня тарабарщиной. Но я и не пытался вникнуть в смысл, мне важно было узнать, скоро ли Алексей выйдет из прострации. Судя по длине ленты, ждать оставалось недолго, впрочем, тут легко было ошибиться.

Я тихонько прошел на кухню. Медитация требовала таких сил, что за время сеанса человек

запросто мог потерять килограмма два веса, и тогда еды требовалось ему не меньше, чем удаву. Его должен ждать накрытый стол и дымящийся кофе и витакрин — по крайней мере, все это должно быть наготове. Однако синтезатор Алексея был холоден, как могила. Конечно, он ни о чем таком не побеспокоился!

Не торопясь, я поколдовал над программой, припомнил все любимые Алексеем блюда, особо налег на тонизаторы, на всякий случай заказал вино, проверил, достаточно ли в аппарате белковой массы. К счастью, ее оказалось достаточно. Синтезатор принял программу, весело замигал огоньками, больше мне здесь делать было нечего. Я вернулся к Алексею.

Все то же, никаких изменений. Судя по всему, Алексей вошел в глубочайшее, какое только возможно, сосредоточение. Со сколькими он сейчас сомыслил одновременно? С десятками, сотнями, тысячами таких же, как он, теоретиков? Или вышел на связь со всем человечеством сразу?

Я, как и всякий, знал, что такое медитация, совместный «мозговой штурм» тысяч, миллионов, а если надо, то и миллиардов людей, меня учили выходить на связь, брать на себя часть нагрузки, я не раз слышал зов «малого», «среднего» и даже всеобщего сбора, включался, когда была возможность, но чтобы вот так... Чтобы самому послать вызов, стать центром, как это сделал Алексей, войти в такое сосредоточение — нет, от одной этой мысли мне становилось не по себе. Даже подумать об этом было страшно. Шутка ли, войти в резонанс с мыслями столько людей, подключить к этому сверхразуму еще и машины, да не просто войти, не просто подключить и подключиться, а стать дирижером мозговой бури, управлять ею! Даже частичное погружение в этот транс, вихрь, уж не знаю что, оставило во мне впечатление бездны, куда падаешь, теряя себя, и где взамен находишь что-то огромное, надчеловеческое, чему и названия нет. Уф! Замечательно, нужно, и все-таки хочется быть подальше...

Хотя что тут такого? Люди всегда мыслили коллективно, и открытия таких гениев, как Ньютон, Эйнштейн, Пекарев или Риплацони, никогда не были результатом только их идей, они всегда аккумулировали мысль современников и предшественников, замыкали на себя информационное поле планеты, сгущая и доводя его до ослепительной вспышки прозрения. Тот самый эффект сомышления, который разных и внешне, казалось бы, никак не связанных людей одновременно приводил к схожим открытиям, изобретениям и теориям, как это было с Ползуновым и Уаттом, Лобачевским и Бойяйи, Дарвином и Уоллесом, Флорбером и Бальзаком (последние, независимо друг от друга, однажды написали удивительно похожие главы — и это в самом что ни на есть

индивидуальном виде творчества). «Фиалки расцветают одновременно» — так говорили об этом раньше. Мы лишь усовершенствовали то, что было. Но с каким результатом! По мнению Фазты и некоторых других историков, именно это открытие окончательно торпедировало старый мир. Не знаю, не уверен, есть и другие точки зрения. Но, надо полагать, и в этой гипотезе имелась толика правды. Миллиарды людей на всех континентах хотели одного и того же — мира, справедливости и свободы. Когда эти желания, мысли и устремления, прежде разобщенные, одиночно вспыхивающие, благодаря медитации слились и усилились, как свет в кристалле лазера, то, судя по архивным свидетельствам, сознание тех, кто противостоял желаниям человечества, было опалено психическим шоком. Та эпидемия внезапных самоубийств, душевных кризисов, панического бегства от дел, которая затем разразилась, вряд ли была случайностью, уж слишком все совпадало во времени, слишком схожими оказались жертвы. Гнев народов как бы овеществился, и эта сила не промахнулась.

С надеждой и тревогой я продолжал смотреть на мерно ползущую из-под руки Алексея ленту. Что сулило ее движение? Таился ли в этих черных значках приговор всему? Или, наоборот, они возвещали спасение? Ради пустяков в медитацию не входят. Мелькавшее на лице Алексея удовлетворение означало только одно: найдено интересное решение. Оно одинаково могло означать и победу, и скорый конец света; для теоретика, да еще в состоянии медитации, важна истина, только истина, ничего, кроме истины.

Этому поиску в нем подчинено все. Он сжимал себя, видимо, иначе было нельзя. Сердце сжималось, на него глядя, но мог ли я вмешаться? Он бы убил меня. Недаром он отключил наручный диагностер, который в случае чего обязательно подал бы сигнал тревоги; отключил, чтобы сюда не прибежали врачи и не прервали сеанс. Другой вопрос, как он это умудрился сделать, ведь диагностер нельзя выключить без того, чтобы в радиусе нескольких километров у всех медиков не поднялся переполох. Видимо, Алексею тут пришлось решить кое-какую дополнительную задачу. Или он это сделал давно? Скорей всего так. И все-таки безобразие это — отключить диагностер, никого не предупредив...

Вздыхнув, я поплелся на кухню.

Там все аппетитно скворчало, томилось в духовке или леденело в холодильнике. Я выключил синтезатор, положил на тарелки всего побольше, налил напитки, попробовал — нормально. На это ушло минуты три. Пора!

Я угадал. Глаза Алексея уже были открыты — круглые, как у филина, полуслепые, еще сомнамбулические. Правая рука вяло терзала и никак не могла отодрать присоску. Поставив поднос,

я сорвал присоски, быстренько поднес к губам стакан.

Алексей жадно отхлебнул, его глаза ожили, он с хрустом потянулся.

— Уф! Думать — не ящики таскать, но почему так болят все мускулы? А, это ты хорошо придумал...

Неуверенным движением он потянулся к тарелке.

— Включи браслет, — сказал я.

— А!.. — он слабо поморщился. В пальцах, разливая суп, прыгала ложка. — Ч-черт... — он взял ее в кулак. — Который час?

— Четверть четвертого.

— Долгонько... — Ему наконец удалось, не расплескав, поднести ложку ко рту. — Зато недаром.

— Включи диагностер, — повторил я. — Вид у тебя...

Он отмахнулся.

Минут десять мы ели в молчании. Я тоже проголодался, хотя, конечно, не так, как Алексей. Он медленно отходил, его склоненное над тарелкой лицо теперь было просто осунувшимся и усталым, землистые губы слегка порозовели, темные полукружья глаз казались уже не такими набрякшими. Диагностер он так и не включил, видимо, не боялся разоблачения. Или, наоборот, боялся узнать, во что ему обошлись эти часы размышлений.

— Ну? — спросил он, когда мы принялись за кофе.

— Что — «ну»? — я сделал вид, что не понял.

— Выкладывай, зачем пришел.

— Да я просто так... Шел мимо и заглянул.

— Брось, — тихо сказал он. — К чему? Я могу соображать. Что там еще стряслось?

— Послушай, а не лучше ли тебе...

— «Не лучше ли тебе в жару ходить без панциря?» — спросили однажды черепаха.

— Хорошо, ладно...

Коротко, как мог, я рассказал про Эю, про Снежку, про все. Алексей слушал вроде бы безучастно, но под конец его взгляд сосредоточился и похолодел.

— Так, так, — сказал он наконец замороженным голосом. — Правильно сделал, что пришел. Да, да, это подтверждает...

— Что подтверждает? — я подался вперед. — Что?

Вместо ответа он встал, засунув руки под мышку, прошелся на негнущихся ногах — длинный, костлявый, рыжий, пугающе отрешенный.

— Ты... — я не выдержал, голос сорвался в шепот. — Что вы узнали? Почему ты молчишь? Все так плохо или...

— Помолчи... А то объясняла курица ястребу, как зерно клевать, да сама запуталась. Хорошо, плохо, — в этом ли дело? Вот, познакомься для начала...

Алексей боком шагнул к стеллажу, рывком вытянул какой-то график, попытался остановить последовавший за этим движением обвал бумаг, но тут же забыл о нем.

— Это график распределения хроноклазмов по оси времени. Пока засечек было мало, все выглядело статистическим хаосом. Теперь, с накоплением фактов, наметилась закономерность. Взгляни!

— Прогрессия! — я привскочил.

От волнения я, кажется, спутал термин, но это было неважно. Алексей нетерпеливо отмахнулся.

— Возмущения идут волнами, это очевидно, — его палец пробежал по графику. — Чем ближе к нашему времени, тем они гуще. Гармоника колебаний, чей период возрастает с сотен и тысяч до миллионов, затем до миллиарда лет. Пробелов еще достаточно, но в общем картина ясна.

— Волны времени...

— Чепуха, это только образ! Хотя, согласен, наглядный. Мы словно бухнули во что-то камень, и по глади разбежались волны, сначала частые, затем все более редкие, так что на десять выплесков из антропогена приходится всего три из архея, хотя протяженность антропогена миллионы лет, архея — миллиарды. Но это все видимость, только видимость... Сущность... Над ней мы как раз и думали перед твоим приходом.

— И?..

Алексей не глядя отшвырнул график, налил мне и себе вина. Его рука подрагивала, горлышко бутылки тренькало о хрусталь стаканов, этот неверный, тревожный, дребезжащий звук, казалось, заполнил собой весь мир, невыносимо отзываясь во мне напоминанием о хрупкости всех наших устремлений, а возможно, и самого существования в этом мире.

— Все очень хорошо или очень плохо, в зависимости от того, как к этому относиться, — Алексей искоса посмотрел на меня. — Раз найдена закономерность хроноклазмов, нетрудно подсчитать, какие уже состоялись, а какие еще предстоят. Так вот: максимум возмущений позади, новых хроноклазмов будет немного.

— Это точно?!

Алексей кивнул.

Я был готов кинуться к этому рыжему чудачку, который самую главную, самую замечательную новость подал как затрапезный кофе, я готов был закружить его в объятиях, но у меня вдруг ослабли ноги. Только сейчас я почувствовал, под каким страшным гнетом мы жили, и теперь, когда пришло освобождение, точней, окрепла надежда, из меня словно выпустили воздух.

— Все так, как я говорю, можешь поверить. Ладно, не о том речь, чего обсуждать прошлогодний снег...

Взмахом руки он как будто отстрил все

только что сказанное. В этом был весь Алексей! Чего обсуждать само собой разумеющееся? Не стоит внимания. Даже если это спасительная для всех новость, с ней покончено, как только она исчерпала себя. Вот так, упомянули — и дальше, нечего отвлекаться.

Значит, все прежнее было только прологом. Прологом чего? Казалось, Алексей сбился с мысли. Его взгляд остекленел, пальцы шарящим движением коснулись лица, принялись тереть виски.

— Все, больше ни слова! — я вскочил. — Ложись, я пойду за врачом.

— Сядь!

Это была не просьба, это был окрик. Я ушам своим не поверил. Алексей органически не был способен на окрик, но сейчас это был именно приказ, окрик, команда. Пергаментно-бледное лицо Алексея горело красными пятнами.

— Сядь, слушай и не мешай! Что ты понял из этого?

Он подхватил кольца бумажной ленты и потряс ими перед моим лицом.

— Ничего, — сознался я.

— Ч-черт... — простонал Алексей. — Так я и думал... Подожди, было что-то первоочередное... Что-то связанное с... А, вспомнил! Как у тебя там Эя?

— Эя спит, — я недоуменно пожал плечами. — Спит и видит свои доисторические сны. По-моему, это ее любимое времяпрепровождение.

— Так я и думал. Вот что: сейчас же беги к ней. Буди, изобретай что угодно, лишь бы она говорила, говорила непрерывно, чтобы лингвасцет овладел ее языком... Чего ты стоишь?! Беги!

— Тихо! — сказал я. — Сядь, успокойся; все сделано, все давно сделано. Эя спит, но я задействовал ее речевые центры, так что в фазе быстрого сна она болтает, как нанятая, а лингвасцет ловит ее слова. Поэтому бежать мне не надо, соображают, как видишь, не одни теоретики. А теперь, пожалуйста, объясни мне, простому и серому, объясни спокойно, до чего вы додумались, к чему такая спешка и при чем тут Эя.

Я нарочно говорил медленно, тихо, приблизив лицо к лицу, с легкой иронией в голосе, это должно было подействовать, и это подействовало. Алексей осел на стул, с минуту смотрел на меня неподвижно, затем его губы тронула слабая улыбка.

— Да, все мы в душе немного горзахи, ты извини... Сейчас, минутку...

Он покопался в кармане, достал какой-то стимулятор, отправил таблетку в рот, морщась, запил водой.

— Все, больше никаких эмоций. Слушай внимательно. Час назад я, кажется, понял главное; мы поняли. Наши представления о времени не верны в главном и основном, их, если угодно, надо вывернуть наизнанку. Как бы тебе это пояснить наглядно... — Лицо Алексея сморщилось,

слово «наглядно» было ему ненавистно.— Ладно, годится такая аналогия. Припомним историю физики. Есть вещество в твердом, жидком, газообразном, плазменном и прочем состоянии, есть всевозможные поля, вот, думалось, все, что существует в мироздании, из чего оно складывается. К концу двадцатого века выяснилось: не так! Что считалось сущностью мира, начиная с камня, кончая светом, оказалось зыбью скрытого океана материи. А то, что полагалось пустотой, вакуумом, ничем, оно-то и есть основа, чьи всплески порождают галактики, звезды и прочее. А со временем, видишь ли, такая история...

Алексей отхлебнул из пустой чашки и не заметил этого.

— Время в своем обыденном восприятии... Тьфу, что за нелепость: «время в своем обыденном восприятии»! Ладно, ты понял, что я хотел сказать... Время подобно волне, которая бежит неизвестно откуда и неизвестно куда, несет нас на гребне, позади нет ничего — все уже умерло, впереди тоже ничего — еще не возникло. Так? Да, так — обыденно. В действительности, конечно, нет ничего подобного. Есть пространственно-временной континуум, в котором все движение, все процесс, и время есть параметр этих изменений, а так как изменений бесконечно много, то можно говорить об индивидуальном для каждого процесса времени...

Алексей продолжал говорить, но чем дольше он говорил, тем меньше я понимал, и он это видел. Он морщился, помогал себе жестами, мимикой, его рука то и дело тянулась написать какое-нибудь простенькое, этажей в десять, уравнение, которое сразу все разъяснило бы, но тут же останавливал себя, потому что такое уравнение мне было заведомо не по зубам. Так он страдал. Это была мука, мука невыразимости сложного и абстрактного, когда ты хочешь, чтобы тебя поняли, когда нужно, чтобы тебя поняли, а не получается, потому что наука слишком далеко ушла в своих построениях от наглядного, образного, для всех очевидного.

Что за нелепость! Алексей знал, наверняка знал то, что могло спасти или погубить человечество, и не мог выразить это на всем понятном языке. Такого он не ожидал и даже растерялся. Я страдал вместе с ним, пытался что-то подсказать, наугад пояснить — он только отмахивался. Все было не то, не то! Увы, глубины теппоралики были не для меня, я это понял еще в школе, когда учитель однажды сразил нас таким парадоксом. «Прошлое существует в виде следов, — сказал он, — будущее — в виде возможностей. Действительно лишь настоящее, так?» — «Так!» — хором ответили мы. «Прекрасно. Теперь я попробую доказать, что настоящего тоже нет, а вы попытайтесь меня опровергнуть». — «Как это — нет настоящего?» — ахнул кто-то. — «Что же тогда есть?» — «Это уж вы сами решите... Следите за

логикой рассуждений. Что есть настоящее? Ах, то, что происходит сейчас! Хорошо. Какова, спрашивается, длительность этого «сейчас»? Минута, секунда? Не слышу ответа... Правильно: физическая протяженность настоящего — один хроноквант, то есть секунда в минус какой степени? Не помните... Ладно, посмотрите в справочнике. Важно другое: минувший хроноквант уже принадлежит прошлому, его нет, а последующий еще только будет, следовательно, пока его тоже нет. Что же тогда мы воспринимаем как настоящее? Напомню: мы не видим летящей пули именно потому, что уже сотая доля секунды — вне нашего восприятия. А тут хроноквант! Значит, его мы тем более не можем воспринять. Выходит, мы осознаем только то, что уже случилось, стало быть, прошлое! Где же тогда настоящее? Его, получается, для нас нет вообще. Под видом настоящего мы воспринимаем прошлое и только прошлое! Но прошлое, по определению, существует лишь в виде следов, оно уже сбылось и исчезло... Вот так, ребята, а теперь думайте, что же для нас действительно».

Этот парадокс слышал я, слышал Алексей, только я отмахнулся, а он — нет. У меня сохранилось лишь впечатление тьмы и бездны, в которую я на миг заглянул и отшатнулся. Он же не отшатнулся, его это увлекло, и вот теперь я сижу дурак дураком, а он страдает, пытается выразить то, что ему открылось в этой пугающей бездне. Мука невыразимости — да снилось ли людям такое?

Еще бы! Она была и будет знакома всем истинным художникам и мыслителям, недаром сказано: «Мысль изреченная есть ложь...»

— Слушай, — не выдержав, перебил я Алексея. — Чего ты изводишь себя? Так ли уж важно, чтобы именно я, именно в эту ночь понял истинную сущность времени? Если это нужно для конкретного, с моим участием, дела, то просто-напросто объясни, что от меня требуется, какие, так сказать, кнопки мне нажимать. И все! А если ты вслух обдумываешь свое обращение к человечеству, то выспись сначала, отдохни, перепоручи, наконец, кому-нибудь, кто лучше владеет даром популяризации. Зачем все это сейчас, чего ты себя терзаешь?

Секунду-другую Алексей смотрел на меня так, будто сложный многогранник прямо на его глазах обратился в элементарный куб.

— Ты хоть соображаешь, что ты сказал? — шепотом проговорил он. — Значит, пусть все будет, как в «добрые старые времена», когда одни думали и распоряжались, а другие брали под козырек? Нет, дорогой, так не пойдет. Тебе — да, да, тебе! — понимание необходимо, как, может быть, никому другому.

— Это еще почему?

— Узнаешь, когда поймешь... Стоп! — глаза Алексея сузились. — Факт появления в нашем

времени прошлого — как бы ты его объяснил своим детишкам? Поделись опытом. Спасовал бы, наверно?

Я покачал головой.

— Сначала я объяснил бы им теорию скрытых реальностей.

— Легко сказать!..

— Легко сделать. Некто выступает по всемирной видеосети, сказал бы им я. Его образ на экране реален? Конечно. Но одновременно тот же самый образ мчат электромагнитные волны. Выходит, он присутствует еще и в пространстве, находится там в иной, чем на экране, не различимой для наших органов чувств форме. Однако и этот образ реален. Попутно ведется запись передачи, все оказывается запечатленным в кристалле. Это уже третья форма существования образа, иное его воплощение. В кристалле оно способно находиться века и тысячелетия, его сколько угодно раз можно воспроизвести, снова послать в эфир, снова оживить на экране и так далее. Вот вам уже три реальности: одна явная, на экране, и две скрытых. Последних, как видите, больше.

— Так, так, продолжай.

— Дальше я воспользовался бы аналогией. Уподобим, сказал бы я, жизнь киноленте. Старинной, вы знаете... Вы смотрите фильм. Сменяя друг друга, мелькают кадры. Так длится, пока ленте не приходит конец. Все, свет погашен, изображение исчезло, его нет, зрители могут разойтись. Однако изображение никуда не делось, оно как было, так и осталось на ленте, только перешло из бытия в инобытие, стало скрытой реальностью.

— Чудовищно,— Алексей с хрустом сцепил пальцы.— Крайняя степень примитивизации! Хотя...

Он задумался.

— Хотя в этом что-то есть... Ты знаешь, в этом что-то есть.— Его лицо просветлело: — Вот, значит, на каком уровне наука становится доходчивой... Чудесно! Сойдем на тот же уровень, сейчас для тебя важно уловить смысл новой концепции пространства-времени, иное успеется. Скажи, что произойдет с угольком на ветру?

— Как что? Сгорит, рассеется пеплом...

— А гвоздь?

— Какой еще гвоздь?

— Обыкновенный. На ветру.

— Ну, окислится, проржавеет со временем, рассыплется не хуже уголька...

— Иначе говоря, уголек гибнет потому, что взаимодействует со средой. Та же судьба у гвоздя, вопрос в сроке. Все гибнет, даже горы, потому что все взаимодействует со средой. Линейность этого процесса обуславливает линейный ход времени. Но если так, с какой, спрашивается, средой взаимодействует наша Вселенная? Когда-то ее не было, теперь она есть, а когда-нибудь

тоже исчезнет, сгорит, как самый банальный уголек. Что же на нее воздействует, какой эрозии подвергается она?

— Банальный вопрос.— Я решил показать, что тоже не лыком шит.— Диалектический материализм давно на него ответил: материя неисчерпаема, а потому мироздание не обязательно ограничивается наблюдаемой нами Вселенной. Возможны другие, с иным состоянием материи, с иными законами природы, а если так, то они должны воздействовать на нашу Вселенную. Какая-нибудь другая Вселенная...

— Ее-то мы и нашли!— Алексей вскочил, сгрел с пола шуршащие кольца ленты.— Вот она, здесь, объявилась, скрытая! Теперь понимаешь, какой еще «ветер» обдувает нас, чье время накладывается на наше? Все в нашем мире взаимодействует не только само с собой, нет, нас еще пронизывает «ветер» иновселенной, он вокруг нас, он в нас, ты это понимаешь?! Мир не просто многомерен, он многомерно многомерен, и потому время даже не объемно, оно неисчерпаемо в своих формах и проявлениях! Ты посмотри, как все складывается. Почему время зависит от скорости? Да потому, что происходит перемещение тел и в среде иновселенной, следовательно, увеличивается или уменьшается «обдув», как это случается с угольком, стоит им помахать в воздухе. Почему, в свою очередь, ход времени так зависит от метрики пространства, от концентрации масс? Примерно по той же причине, по какой свойства и скорость обычного ветра меняются в зависимости от того, встречает ли он на пути редкий кустарник или массив городского квартала. Обычная динамика! То есть, что я, совсем не обычная, но так и должно быть... Эх! Тысячелетия прошли, прежде чем люди догадались, что они окружены воздухом. Потребовались еще тысячелетия, чтобы проявились электромагнитные и прочие поля. Еще столетие — мы обнаружили вакуум. От очевидного к неочевидному, от явного к скрытому — вот как мы шли и идем! Теперь же,— Алексей потряс кольцами ленты,— вот она, целая иновселенная! Вот оно, скрытое время! Вот откуда на нас обрушился шквал... Новые берега нового океана материи, ты слышишь, как свистят его ветры, слышишь?

Сам того не заметив, Алексей заговорил образами. Я поежился. Почему-то одним из самых сильных впечатлений раннего детства для меня стал вид ночного неба в планетарии, куда я однажды попал. Чем-то жутким повеяло на меня тогда из этой черной, проколотой звездами тьмы купола, которая вдруг накрыла меня. Жутким и одновременно притягательным. Не знаю, почему во мне все так щемяще заледенело. Может быть, то было первое осознание бесконечности пространства, бесконечности времени, бесконечности всего, что есть в мире. Не знаю. Сей-

час в ярко освещенной комнате, в окна которой стучался дождь, меня настигло очень похожее ощущение, и причиной были не столько горячие слова Алексея, сколько его глаза, которые видели, в упор видели не эту комнату и не меня в ней, а черную бесконечность новой, только что открывшейся ему Вселенной.

— А мы воспринимаем только линейное время, живем, как одномерцы, как...

Он изогнул шуршавший свив ленты, пропустил ее меж пальцами так, что снаружи осталась лишь узкая складка.

— Вот наше настоящее... Я пропускаю его меж пальцами, гребень складки ползет, черные на нем штрихи и знаки—это наши жизни, вот они движутся, перемещаются из будущего в прошлое, так мы, одномерцы, живем, смотри, смотри...

Колдовская минута! Я смотрел не на складку ленты, по которой ползли математические знаки и символы, я не мог оторвать взгляда от Алексея. Не стало комнаты, не стало тьмы за окном, было только его вдохновенное лицо. Он перемещал ленту, вел складку меж пальцами, он любовался ею, словно в его руках была истинная ткань мироздания, словно он обозревал ее всю, со всеми нашими жизнями, загадками, радостями, трагедиями и проблемами, словно он был над ней, как некий познавший ее тайны бог. Его темное от усталости лицо светилось могуществом понимания, и не было ничего прекраснее этого лица.

Быстрым движением он смял ленту в гармошку.

— Вот так свернулась структура вселенных. Там, где ворсинки материи, сцепившись, поменялись местами, там прошлое вклинилось в настоящее и наоборот. И это сейчас в практическом смысле главное. Почему?

Он резко повернулся ко мне.

— Что за вопрос,— сказал я.— Катастрофа... Ответом был досадливый взмах руки.

— Если разбилась чашка, надо взять веник и подмести. Или послать кибера. Хроноклазмы кончаются, затухают сами собой, я же сказал! Не о том забота... Многие наши люди оказались здесь, здесь, здесь,—он провел пальцем по гребням складок.— Что будет, когда хроноклазм исчезает себя? Вот...

Он разжал пальцы, удержав в них лишь одну складку.

— Стабильно лишь наше время. Оно уцелеет вместе с оказавшимися в нем вкраплениями прошлого. Все остальное вернется в прежнее состояние.

— Что же тут плохого?—не понял я.—Конец всем нашим бедам, радоваться надо...

— Что ж, радуйся... Как только разглядятся складки пространства-времени, твоя Снежка станет недостижимой.

— Но...

— Никаких «но»! Ты думаешь, что если перенос во времени оказался осуществимым в природе, значит, мы уж как-нибудь все это повторим? Нет. Сейчас «складки» рядом, перейти с одной на другую можно без особых энергозатрат. Но как только они разойдутся—конец. Отправить в прошлое спасательную экспедицию—для этого придется устроить маленький хроноклазм, снова вздыбить обе Вселенные. Не одну, понимаешь, обе! Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если бы путешествие во времени было возможно, то наши потомки уже побывали бы здесь, в нашем сегодня. Однако их не было, нет и, очевидно, не будет. Теперь понимаешь, почему твое представление, будто Снежка может прожить в каменном веке всю свою жизнь, даже умереть там, а ты все равно когда-нибудь вернешься к ней, юной,—ложно? На, выпей...

Я тупо кивнул. Слова Алексея точно расщели мое сознание надвое. Одна его половина четко воспринимала окружающее, видела снова побледневшее лицо Алексея, прыгающий в его руке стакан, даже пятно на скатерти, тогда как другая корчилась от отчаяния.

— Выпей,—повторил Алексей.

Его голос был сух и бесцветен. Не глядя на меня, он наклонил вздрагивающую в руках бутылку, стекло, как и в тот раз, надсадно дзиньнуло о стекло, мир снова наполнился этим тонким, дребезжащим, невыносимым звуком, хотелось зажать уши, лишь бы его не слышать. А он звенел и звенел, даже когда Алексей отнял бутылку. Замороженный, он так и остался во мне. В окна заползал рассвет, такой пасмурный, что в его тенях потускнел воздух комнаты, а хмурое, с опущенными веками лицо Алексея застыло бледным пятном, которое не скрашивали рыжие, теперь будто подернутые пеплом волосы.

— Я еще не все сказал...

Я молча уставился на своего палача. О чем он еще говорит? Что еще ему надо?!

— Пока длится катастрофа и прошлые времена близки, туда возможен переход. Спонтанный, как это происходит, и целенаправленно обратимый для спасения тех, кто там оказался.

— Догадываюсь,—процедил я с желчным сарказмом.—Для этого всего-навсего нужна обыкновенная машина времени...

Алексей странно взглянул на меня. Всегда решительный, он словно колебался. Сам того не заметив, он потянул к себе мой стакан, сжал его в пальцах.

— Машина, конечно, нужна. Но это-то как раз не проблема.

— Разве?

— Она, видишь ли, уже есть...

— Что?!—я вскочил.—Где она? Почему никто...

— Сядь,— тихо попросил Алексей. Он глядел на меня так, словно хотел и не мог выговорить что-то решающее.— Пожалуйста, сядь.

Я сел.

— Мы больше делаем, чем говорим. К чему будить, быть может, напрасные надежды?— голос Алексея шелестел, как сухие листья.— Машина есть, мы сразу взялись за ее разработку, дело не в этом. Сначала, как водится, мы запустили в прошлое автоматы. Затем— животных. Те и другие возвращались... не всегда. Это не беспокоило, мы были уверены, что все успеем отладить. Сегодня ночью выяснилось— нет. Надо спешить, пока держится энергетический мост, иначе все бесполезно. Нет у нас времени на доводку, нет! Человек должен идти в разведку сейчас или никогда. Ты и Эя, так уж сложилось... В общем, лучшего выбора нет. Теперь понимаешь, к чему весь этот разговор?

Я порывисто шагнул к нему, сгреб, как воробушка, стиснул и закружил в объятиях.

— Пусти!— закричал он.— Ненормальный! Я тебя отстраню!

— Не посмеешь,— я отпустил его, задыхающегося, чуть порозовевшего, ожившего.— Не посмеешь! Из тысячи добровольцев ты все равно выберешь меня— и потому, что ты мой друг, и потому, что только у меня есть свой человек в палеолите. Три шанса из пяти! Я думал, меньше. И нечего смотреть на меня, как на жертвенного агнца... И вообще,— продолжал я.— Не будь Эи, знаешь, как выглядел бы твой выбор? Дружеской протекцией.

Алексей удивленно уставился на меня.

— Протекцией?

— Конечно. Предпочтением одного перед другими.

— Вот об этом я не подумал. Такой риск— и протекция? Нет, ты сошел с ума,— он наконец улыбнулся.— Все, больше ни слова.

Он подтолкнул меня к двери.

Я шел от Алексея не чуя под собой ног. Должно быть, у меня был диковатый вид, потому что вдруг послышался озабоченный голос:

— Что с вами? Помочь?

Я обернулся с улыбкой идиота.

— Наоборот,— мне захотелось обнять говорившего.— Это я должен кое-кому помочь!

Должно быть, он проводил меня недоуменным взглядом. Я не запомнил его лица, это мог быть любой. Какая разница! Никто еще ничего не знал, конечно, я выглядел ненормальным. Во мне все спешило и пело, я ускорил шаг, не без удивления обнаружив, что нога уже не болит. Верно замечено, что хорошие новости лучше всяких лекарств.

И все-таки... В прорези окон, клубясь туманом, валил промозглый рассвет. Опять это «но»! Оно незаметно подкралось ко мне. Я замедлил шаг. Все хорошо. Скоро все узнают, что хроно-

клазмы пойдут на убыль. Что наше будущее спасено и, сверх этого, даже есть шанс многих выжить из прошлого. Но помимо удачи моей разведки это возможно лишь в том случае, если события не опередят нас. Какой горький и беспощадный парадокс: долгожданный конец катастроф означает гибель наших близких там, в прошлом! А продолжение бед, наоборот, сулит им спасение. Зато умножает число тех, кого катастрофа может вырвать из нашего времени. Так чего же желать? Будь выбор, что бы мы предпочли? Что бы решил я?

Нашел о чем думать, осадил я себя. Нет выбора, и не надо. Все и так решено, ну и прекрасно. Мне своих забот хватает. Во-первых, надо подружиться с Эей и хорошенько ее распросить. Во-вторых, не мешает отдохнуть. В-третьих...

В-третьих, я уже подходил к своей комнате, откуда почему-то доносился неясный шум. Ничего не понимая, я рванул дверь, да так и застыл на пороге. По полу, сметая стулья, катался клубок сплетенных тел, это было так дико и неожиданно, что я не сразу сообразил, кто с кем дерется и что все это означает. А когда наконец разглядел дерущихся, это был шок посильнее прежнего.

— Вы что!— заорал я и кинулся их разнимать.

Это было непросто, потому что обе вцепились друг другу в горло, обе были сильны, обе ступленно ломали сопротивление противника. Но я пришел в такую ярость, что мигом, точно котят, отшвырнул к одной стене Эю, а к другой— Жанну. Да, во второй воительнице я, к своему изумлению, признал Жанну...

— Вы что, с ума посходили?!

— Это ты сошел с ума!.. Откуда здесь эта драная кошка?!

Одежда Жанны была разодрана в клочья, располованное лицо пылало обидой и гневом. Эе тоже досталось, и в ее глазах была ярость, только холодная, напряженная, как у человека, который знает, за что и почему он дерется. Едва оправившись от толчка, который ее отбросил, она со звериным упрямством в бешено холодных глазах опять ринулась к Жанне, но подвела недолеченная нога, Эя оступилась в прыжке. Я тут же схватил ее за руки, в них была неженская сила, вдобавок Эя не замедлила пустить в ход зубы, но я тоже был в бешенстве и, чем попало скрутив эту тигрицу, кинул ее на кровать.

— Что здесь происходит?— рявкнул я.

О, небо, давно ли я пытался постичь теорию иной Вселенной и мысленно побеждал само время?!

— Это ты меня спрашиваешь?..

Взгляд Жанны полыхал презрением. Я очутился меж фуриями, только Эя смотрела не на меня, а на Жанну и ее руки, к счастью, были укрошены путами.

— Жанна!

— Что Жанна? Прекрасно, привел и привел, твое в конце концов дело,— из ее глаз брызнули слезы.— Но я-то при чем?! Захожу навестить больного, а вижу эту девку, которая спросонья, в чем мать родила, ни с того ни с сего кидается на меня...

— Жанна, ты можешь замолчать? Выслушать? Кстати, о наготы... Держи куртку,

Моя уловка подействовала лучше всех убеждений и просьб. Жанна в недоумении оглядела себя, схватила куртку, поспешно провела рукой по лицу, по растрепанным волосам и — сработал женский инстинкт — кинулась приводить себя в порядок. Эя что-то прорычала ей вслед, я машинально погрозил кулаком кровати и через захлопнувшуюся дверь душевой стал торопливо объяснять, откуда у меня эта девушка и кто она.

Неистовый шум воды стих. Ни слова в ответ, но меня все-таки слушали. Наконец дверь открылась. Смерть Феликса точно обуглила лицо Жанны, и, если бы не свежие царапины, оно казалось бы сошедшим с древней потемневшей фрески.

— Значит, вот как ты ее любишь... — прошептала она, будто в раздумье.

— Кого? — я не понял.

— Никого, — она глядела все так же тяжело, неподвижно, только грудь вскидывалась от судорожного дыхания. — Забудь. Как легко ты, однако, нарушил запрет!

— О чем ты, Жанна? Феликс, даже ничего не зная о Снежке, сразу сказал, что я прав.

— Не трогай Феликса! — она уцепилась за косяк. — Он мертв, мертв, вы, живые, можете это понять?!

— Жанна, — сказал я с раздражением в голосе. — Хватит! Ты хотела видеть, как я переживаю гибель Феликса? За этим пришла?

— Нет!

— По-моему, да.

— Это не имеет значения...

— Верно. У нас нет времени...

— Не собираюсь тебе мешать. — Сухими глазами, будто и не плакала, она взглянула на меня, затем на Эю. — Бедная девочка... Будет ли у тебя время подумать о ней? Извини, — добавила она быстро. — Я тут наговорила лишнего, но обращай внимания. Ты удачлив, но лучше бы тебе не ходить в прошлое. Желаю доброй удачи, пойми это!

Она стремительно повернулась и вышла, оставив меня в полном недоумении. Что она хотела сказать? Была ли это невольная месть за Феликса, который погиб, спасая меня, или Жанна от чего-то предостерегала?

В растерянности я обернулся к Эе, с которой мне предстояло идти в прошлое. Ответом был неукротимый взгляд разъяренной женщины, ко-

торая, казалось, любое мое движение и слово была готова встретить рычанием.

До чего же просты и бесхитростны все трудности природы по сравнению с теми, которые мы сами себе создаем!

Глава шестая

«Человек предполагает, а бог располагает» — так можно было бы сказать о последовавших событиях. Неважно, что никакого бога нет, его роль отлично берут на себя люди и обстоятельства.

Шли последние приготовления к старту в прошлое. В глубине ангара что-то простуженно сипело, по овалу машины, мигая лампочками, ползли дефектоскопы, всюду змеились бесчисленные кабели, они же свисали со сводчатого потолка, откуда-то тянуло сырым сквозняком, хотя, казалось, все входы были закрыты. Усталые, с напряженно-сосредоточенными лицами, разработчики обменивались отрывистыми репликами, смысл которых по большей части был так же чужд моему уху, как речь инопланетянина; фигуры людей то возникали силуэтами в сером, будто задымленном свете, то исчезали в провалах ферм и конструкций. Мимо меня сигналы пронеслись верткие и тоже как будто озабоченные киберы, все спешили без суеты, что-то, как обычно, не ладилось, что-то требовало срочной переделки, чего-то не оказывалось на месте — словом, все шло нормально. Представитель новорожденной профессии, которая еще не успела получить наименования (не называть же его «вдалбливателем информации»), парень моего возраста с робкими, но настойчивыми глазами цвета полевой незабудки и бледным от недосыпа лицом, втолковывал мне последние добавления к инструкции.

— ...Процессия хода оставлена без изменений, но ее удалось сузить до величины плюс-минус... Запаздывание хронореверса решено не устранять, поскольку это третьестепенный, практически не влияющий на безопасность фактор, а отладка потребовала бы ремонта...

Я кивал, вылавливая лишь новые сведения, ибо уже знал наизусть всю матчасть, все операции хода во времени, все правила, каковые, строго говоря, еще только предстояло установить, потому что данных для их разработки, конечно же, не хватало. В этом и состоял риск, хотя, разумеется, не только в этом. За всю историю науки, пожалуй, ни одна экспедиция не организовывалась в такой спешке и при такой нехватке исходных сведений. А что делать? На пожарах действуют, а не исследуют. Невиданный случай — не было даже техдокументации, она составлялась попутно. Поэтому и приходилось слушать, слушать, уже череп распирало от этого.

— ...Итак, повторяю. В окончательном варианте аппарат снабжен системой улавливания и аккумуляции любой энергии, какая обнаружится на месте, чем от трех до семи процентов снижен риск непредвиденного перерасхода резерва батарей. Речь идет прежде всего о подпитке солнечной энергии, однако возможны и другие решения, как-то...

Голос моего педантичного Вергилия звучал с такой отчетливостью и монотонностью, словно он истово боролся со сном и никак не мог одержать победу, но, странное дело, его слова почему-то тотчас укладывались в памяти, причем не только иконографической и кратковременной, а и постоянной. Это был своего рода гипноз, сотрудники Алексея знали, кого выбирать в «наставники».

На корпус машины вскарабкался, нет, вполз какой-то улиткообразный аппарат. Должно быть, упрочнитель, так как позади себя он оставлял голубоватые пятна, некоторое время спустя они еще светились.

— ...Добавлен еще один индикатор. Прошу в кабину...

Мы пролезли в кабину. С прошлого раза, когда я тут был, разор в ней уменьшился, однако панель еще не была установлена, на меня отовсюду смотрели оголенные, похожие на медовые соты блоки кристаллосхем, некоторые гнезда вообще пустовали, кое-где торчали паутинные усики перцептронов, пахло нагретым рубекойлем, на полу, под ногами, лежали (или валялись?) какие-то инструменты. Короче говоря, вид кабины свидетельствовал, что хронотехнику, как и глиняные горшки, создают никак не боги.

Единственное, что, похоже, не требовало доделок, это кресла, которых прежде не было. Стандартные, снятые, очевидно, с новенького космолета и освобожденные за ненадобностью от противоперегрузочных устройств, они радовали глаз своей привычностью и незапятнанной голубизной. Мы тут же их опробовали. Поерзав, я сразу убедился: сиденья поставлены так тесно, что, будь мой Вергилий чуточку покрупней, правая рука водителя ощутимо лишилась бы свободы маневра. Это могло помешать, и я было раскрыл рот, чтобы предьявить претензию, но вовремя вспомнил, что Эя куда миниатюрнее и, следовательно, никаких проблем тут не должно возникнуть.

Ой ли? Представив Эю рядом, я мысленно покачал головой, затем невольно улыбнулся. Было отчего хмуриться и улыбаться, вспоминая наше в то утро объяснение, когда я мрачно взял лингвасцет, подошел к ней, разъяренной, и, сдернув пути, сказал:

— Ну, подставить тебе горло, чтобы ты могла отплатить за добро, или как?

Я не надеялся, что лингвасцет немедленно

заработает или что Эя устыдится, мною не руководил никакой расчет, просто мне так опротивели все эти, некстати, загадки и потемки женской психики, что я поступил по принципу «что будет, то и будет». На большее после всех встрясок не оставалось душевных сил.

Однако, к моему удивлению, из лингвасцета вырвались гортанные звуки иной речи, аппарат перевел или, во всяком случае, попытался перевести сказанное. Он работал!

На Эю, впрочем, это не произвело особого впечатления. Она не вцепилась мне в горло, как я того, признаюсь, ожидал, но и не ответила, а, разминая руки, уставилась на меня черными от злости глазами, в глубине которых застыл то ли горький упрек, то ли затаенный вопрос.

— Сердишься? — продолжал я. — Тебе было больно? Извини, ты сама заставила...

Снова молчание, немой взгляд повелительных и вместе с тем страдальческих, как у обиженного ребенка, глаз.

— Чего молчишь? Ты понимаешь меня?

Она понимала, это я видел. В ее немоте мне почудился вызов.

— Так и будешь молчать? Ладно, уйду.

— К этой женщине?

Я так и сел. Палеолит заговорил. Но, бог ты мой, и там ревности! Только это и проглянуло из глубины веков, первым приветом прозвучало оттуда, да так, что хоть смейся, хоть плачь. Мне стало до того тошно, что я едва не заткнул лингвасцет.

— Не твое дело, — сказал я через силу. — Так вот почему ты на нее кинулась,

Глаза Эи сверкнули.

— Ты нарушил табу, она нарушила, — смерти! Вот тебе, тупо подумал я. Вот тебе, идиот, не прикладывай свою мерку ко всему на свете. Какое же табу, интересно, мы с Жанной нарушили? Женщине не входить в чужую пещеру? Мне не покидать эту пещеру без спроса?

Механический клекот лингвасцета придавал нашему объяснению оттенок нереальности, хотелось выглянуть в окно, чтобы сообразить, какой сейчас на дворе век. И с этой неразумной оголтелой дикаркой отправляться в хронопутешествие?! Расспрашивать ее о Снежке?

— Слушай, — не выдержал я. — Я спас тебя? Спас. Накормил, позаботился? В чем же моя вина?

— Ты спас, позаботился, а затем привел другую женщину.

Так, все-таки ревность, дремучая, пещерная ревность... Ну, брат, попал же ты в переплет!

— Глупышка, она сама пришла. Сама, я даже ничего не знал. Разве так не бывает? Она мой друг, не более.

— А я?

— Ты тоже.

— Нет. Ты знаешь! Почему лжешь? Этой ночью я взяла тебя в мужья.

Я ошалело тряхнул головой. Захотелось опрометью кинуться вон, лишь бы не слышать этого звенящего в ушах безумия. Я тупо уставился на лингвасцет. Может, он переврал? Или Эя сошла с ума?

Ни то, ни другое.

— Мы вместе спали во сне.

— Во сне...

Вот оно что!

Я чуть не расхохотался, хотя мне было, ей-ей, не до смеха. Бедная девочка! Это же надо — выйти замуж в сновидении...

И самое глупое, теперь неизвестно, что делать. Ведь это для нее всерьез. Реально. До сих пор меня обманывало, все-таки обманывало внешнее сходство Эя с девушками моей эпохи. Теперь истина предстала во всей своей парадоксальности: сознание Эя не отличало сна от реальности! Или, скажем осторожней, не всегда отличало. В нем путались подлинные и мнимые события, сновидение уравнивалось в правах с действительностью. Эта особенность первобытного сознания была давно известна историкам, но я, признаться, не очень-то им верил. В голове никак не укладывалось.

Что же теперь делать?

Ничего, подсказал мне здравый смысл, ровным счетом ничего. Встать и уйти, крепко заперев за собой дверь, как если бы там остался не человек, а пума. Что еще можно сделать? Был план, замечательный план: взять Эю, чтобы она помогла быстро сориентироваться на месте, вернуть девочку к родным, использовать ее как посредника, в худшем случае обменять на Снежку. Отличный план, только, как видно, неосуществимый. Эя и хронолет?!

Я достал нож, протянул его Эе.

— Я не виноват. Я не спал с тобой, это тебе приснилось. Все это козни злого духа, который хочет нас погубить. Но если ты уверена, что я виноват — убей.

Я действовал по наитию. Впрочем, я был уверен, что успею перехватить нож, так как Эя, конечно, понятия не имела о самбо.

Ее глаза расширились. Она взяла нож, недоверчиво провела пальцем по острию, блеск стали ее, кажется, удивил.

Я не шевелился.

— Ты любишь меня? — спросила она, поворачивая нож.

— Нет.

— Я тоже нет.

Вот те раз! Все мои умозаключения снова пошли насмарку, и, стыдно признаться, эти ее слова слегка кольнули мое самолюбие.

— Мужа, который не любит и не любим, не убивают. Нет табу...

Уф! Что ж, и на том спасибо. Эх, девочка, ка-

кие же мы друг для друга... инопланетяне. Только тебе, как ни странно, пожалуй, проще освоиться в моем мире, чем наоборот, потому что ты все тотчас сообразишь со своими представлениями, пусть ложными, зато все-все объясняющими, а я так не могу, мне непременно надо добраться до истины, вот и блуждаю сейчас в потемках. Ведь чем меньше света, тем труднее зрячему, а слепому это все равно.

— ...Нет табу, есть другая женщина. Такого мужа наказывают.

— Что-что?..

— Но ты меня спас. Долг противоречит долгу...

О, небо, когда же это кончится?! Пещерная, грязнолицая девчонка среди чудес иного мира решает, наказать или не наказывать своего высокообразованного потомка, такая ирония кого угодно сведет с ума.

— Знаю! — Эя подпрыгнула. — Ты сильный, добрый, странный, чужой, ты можешь стать... Хочешь?

Блеснув, лезвие ножа рассекло воздух.

Вступив на покатый лед, надо скользнуть до конца. Я машинально кивнул, тут же сообразив в испуге, что кивок, быть может, значит для Эя совсем не то, что для меня. К счастью, как потом оказалось, кивок и в ее мире выражал согласие.

— Дай руку...

Стиснув зубы, я протянул руку. Она приложила к ней свою, и, прежде чем я успел опомниться, нож рассек кожу обоих. Наша кровь брызнула и смешалась.

— Теперь ты сестра мне, я сестра тебе, мы одна душа, одна жизнь!..

Глаза Эя сияли, как два черных солнца. Она говорила что-то еще, в упоении шептала какие-то заклинания, лепетала детские восторженные слова, означающие, что она теперь не одна, но закончила весьма прозаично:

— Сестра, я голодна, дай мне поесть, сестра!

Я встал, на негнувшихся ногах подошел к синтезатору и заказал завтрак. Если бы всю эту ночь и утро я провисел вниз головой, то, верно, чувствовал бы себя не лучше.

Зато я обрел «сестру».

Меж тем мой голубоглазый Вергилий, плотно устроившись на том месте, где вскоре должна была оказаться Эя, все говорил и говорил, я послушно кивал, память жила своей жизнью, сознание — своей, как вдруг это хрупкое равновесие было нарушено.

— ...Говорю это в последний раз, поскольку вы стартуете раньше, чем предполагалось, и, следовательно, возможность все повторить целиком отпадает.

— То есть как? — удивился я. — Старт перенесен?

— Да, он состоится сегодня, ориентировочно в двадцать три ноль-ноль. Эту новость я отнес напоследок, чтобы она не помешала вам усвоить нужную информацию.

Отнес напоследок! Да, конечно, спокойствие, спокойствие, прежде всего спокойствие и невозмутимость. Я глубоко втянул дымный или кажущийся дымным воздух. Все вокруг выглядело скорей полем технического разбоя и разорения, чем благодравной картинкой предстартовой готовности. Конечно, наладчикам видней, разумеется, им видней. Опережение на целых восемь часов, возможно ли это? Значит, возможно.

— Успеете?— это вырвалось против моей воли.

На лице моего Вергилия, когда мы вылезли, впервые проступила бледная, как осенний расцвет, улыбка.

— Волнуетесь?

— А вы?— ответил я вопросом на вопрос.

— Я, как видите, трепещу. Ничего, привыкну. Понимаю, вас смущает весь этот кажущийся беспорядок. Психологи правильно советовали не допускать вас и дублера к рабочему месту, пока не будет наведен глянец, чтобы вы не усомнились в надежности техники. К сожалению, времени нет, все надо осваивать на ходу.

— Не беспокойтесь, нам ли привыкать к технике во всех ее видах,— сказал я, не очень кривя душой, потому что одно дело беспокоиться о сроках и совсем иное хоть немного не доверять машине, от которой зависит твоя жизнь.— Вы закончили, я могу быть свободным?

— Нет. Прежде я должен проверить ваши знания. Пожалуйста, начните с самого начала— и в полном объеме.

— Послушайте,— мой голос напрягся, потому что его заглушил кибер, который с лязгающим звуком пытался преобразовать синеватый брусок металла в нечто, отдаленно похожее на каракатицу. — Послушайте, я делал это уже раз десять. Вы могли убедиться, что я спросонья могу повторить сто томов неписаной технической документации, столько же сводов правил, уточнений к правилам и дополнений к уточнениям. Вам мало?

Ответом был укоризненный взгляд.

— Так надо, скоро прибудет комиссия,— он вдруг перешел на свистящий шепот.— Она уже здесь.

Комиссия действительно приближалась. Пожуравлиному вскидывая ноги, через кабели шествовал Алексей. Двое других были мне незнакомы. Один был в грязной, как смертный грех, робе, он на ходу тряпкой вытирал руки, заодно ему не мешало бы вытереть лицо. Нет, все-таки я его знал: то был генеральный конструктор. Второй был розов, улыбчив и свеж, словно только что хорошо выспался, искупался в море и те-

перь готов послушать хорошую музыку, стихи или что-нибудь другое столь же приятное.

— Начнем,— без всяких предисловий сказал конструктор, как только мы поздоровались.

Алексей и улыбчивый кивнули. Конструктор глядел на меня с прищуром, точно выискивал, в какой части моего существа может скрываться брак. Улыбчивый смотрел ободряюще, усталое лицо Алексея выражало желание поскорее покончить с этой формальностью. Мой голубоглазый наставник отступил в сторону, от его педагогического спокойствия следа не осталось, он весь был трепещущей жилкой. Вокруг даже шум, казалось, притих. «Интересно,— пронеслось в мыслях.— Как они будут меня провожать? Цветами? Ой, вряд ли, не то время...»

Я набрал в легкие воздух и начал:

— Аппарат, именуемый хрономашинной, предназначен для автономного перемещения в...

— Это никого не интересует,— с ходу перебил меня главный. Перебил с таким раздражением, что я было обиделся, но тут же сообразил, что это и есть проверка— посмотреть, как поведет себя человек, которого внезапно сбили с толку.

— Это никого не интересует,— повторил он (улыбчивый закивал).— Не сомневаюсь, что часть вы освоили. Что вы предпримете, если во время перехода внезапно начнете терять сознание?

— Для начала прибегну к помощи нашатыря,— я сдержал улыбку.— И других средств стимуляции, каковые предусмотрены в бортовом комплекте.

— Кнопка приведения их в действие?

— Четвертая в левом подлокотнике.

— Крайняя,— уточнил конструктор.— Не действует?

— Даю реверс.

— Не успели, потеряли сознание. Тогда?

— Тогда сработает автоматика.

— Опишите, каким образом.

Я начал описывать. На лицах всех троих возникла внимательная скука.

Однако долго им скучать не пришлось. Не потому, что у конструктора был наготове очередной подвох, а потому, что в помещении возник Горзак.

Сам. У меня екнуло сердце. От входа до места, где мы стояли, было метров пятьдесят, он их пересек с проворством хорошо смазанной шаровой молнии.

— Извините, что вмешиваюсь. Вы разрешите?— его улыбка осветила всех, точно прожектор.

— Да, пожалуйста,— слегка недоуменно сказал главный.

— У меня к кандидату в хронавты всего один вопрос. Вы привели к себе девушку из прошлого, некую Эю?

Это был не столько вопрос, сколько утверждение.

— Да,— сказал я.

— Тем самым нарушив приказ.

— Какой приказ?— удивился конструктор.— Впервые слышу.

— Вы и не могли слышать, вас он не касался.

— Мне он известен,— вмешался Алексей.— Я...

— С вами мы все обсудим потом, вы не из числа тех, кто отдает и отменяет приказы,— Горзах говорил спокойно и неторопливо, но его слова как будто отодвинули присутствующих.— И так,— он снова обратился ко мне,— вы нарушили приказ.

— Дело в том, что...

— Знаю. Я это учел, но принять и оправдать не могу. Вы отстранены и исключены, можете быть свободны. А вы,— он вернулся к членам комиссии,— готовьте к отправке дублера.

Все, я больше для него не существовал. Кто-то, оказалось — улыбчивый, вовремя схватил меня за руку.

— Послушайте, вы!— крикнул я бешено.— Значит, по-вашему, надо было оставить эту женщину погибать... Значит, я должен был...

— Вы обязаны были делать то, что обязаны делать все,— неожиданно мягко сказал Горзах.— Приказы либо выполняются, либо нет, и тогда наступает развал. Третьего, увы, не дано. Вы поступили благородно, но противообщественно, иного мнения быть не может. И пожалуйста, не задерживайте нас. Дублер, полагаю, подготовлен не хуже? Его зовут, если не ошибаюсь, Нгомо?

Он повернулся к членам комиссии, я снова перестал для него существовать. На щеках Алексея выступили красные пятна, брови генерального конструктора как поползли вверх, так и застыли в недоумении. Лицо третьего члена комиссии ничего не выражало. В зале, казалось, стало тише, к нашему разговору явно прислушивались.

— Дублер, разумеется, подготовлен,— медленно проговорил конструктор.— Его фамилия, вы не ошиблись, Нгомо. Все же я хотел бы уяснить причину столь необычного отстранения. Меня как-никак это касается, а я почему-то не в курсе.

Алексей делал мне отчаянные знаки: молчи!

— Мне известна эта история,— заговорил он, опережая Горзаха.— Вот она вкратце...

Он уложился в минуту. Только факты, но каждое слово его молотом рубило воздух, и брови конструктора поднялись еще выше, хотя, казалось, они и так уже были вскинуты до предела.

— Таким образом,— закончил Алексей,— данный поступок дал нам ценную информацию и повысил шансы на успех. О моральной стороне

дела не говорю, она и так ясна. Настаиваю на пересмотре решения.

— Да, так тоже нельзя,— внезапно сказал улыбчивый, которому теперь, впрочем, было явно не до улыбок.— Проступок налицо, но есть смягчающие обстоятельства. Весьма и весьма смягчающие.

— И что же вы предлагаете?— быстро спросил Горзах, но при этом почему-то посмотрел на генерального конструктора.— Простить и вдобавок увенчать его лаврами первопроходца?

— О чем вы говорите?— не выдержал Алексей.— Какими лаврами? Человек рискует собой, а вы... Даже в старину солдату давали возможность искупить свой проступок кровью!

— Именно потому, что сейчас иное время, я и принял решение отстранить,— отчеканил Горзах.— Скажите,— он снова посмотрел на генерального,— если в своей машине вы поставите всего одну ответственную деталь, в надежности которой не уверены, чем это может обернуться?

— Это риторический вопрос,— сказал тот.— Если бы я заложил в конструкцию ненадежный элемент, то тут же дал бы себе пинка за ворота.

— Я нахожусь в точно таком же положении,— кивнул Горзах.— Только моя машина, не считите за хвастовство, еще огромней и от ее работы, это опять же факт, зависит судьба всего человечества. Я подтверждаю свое распоряжение.

Самое ужасное, что Горзах был прав, убийственно прав. Спор еще продолжался, но мне уже стало все равно. Я побрел к выходу. Все прыгало и двоилось, как тогда, в подбитом эмиттере.

Так я шел, сам не зная куда. Когда ко мне вернулась способность оценивать окружающее, обнаружил себя на берегу пруда сидящим с пучком весенней травы в руках. На темной воде, как и тогда, когда мы лихо взмывали в небо, чтобы схватиться с огневиками, желтели палые осенние листья, только их теперь прибило к берегу, они покачивались на мелкой волне, чуть слышно скреблись о тростник. Ветер шорохом пробежал по ивам и ветлам, космы ветвей слабо рябили неподвижную и черную у их корневищ воду, небо было мгlistым и таким спокойным, словно на земле никогда ничего не происходило, не происходит и произойти не может, а будет все тот же вечный круговорот дня и ночи, весны и осени, жизни и смерти. По зажатой в пальцах травинке ползла крапчатая букашка, она упорно спешила к ее игольному острию, не ведая, что дальше никакого пути нет.

Не знаю, долго ли я так сидел. Время потеряло значение, боли не было, только глухо саднила обида, что никто в целом мире даже не поинтересовался, где я, что со мной, в какой пустыне я нахожусь. Впрочем, и это было правильно, кто же сейчас располагал свободной минутой, уж во всяком случае не мой дублер Нгомо,

тем более не Алексей. Все было правильно, только от этой правильности ни на что не хотелось глядеть, а хотелось не жить, не думать, не чувствовать, как вот эта букашка, еще лучше — травинка.

И когда на берегу показался Алексей, сердце не сжалось, не забило быстрее, не стало мне ни легче, ни горше, я равнодушно следил за приближением друга. Он шел, срезая тропинку, в какое-то мгновение мне даже показалось, что он, как Христос, пройдет сейчас по воде, такое у него было отрешенное лицо.

— Пережил? — он опустил рядом.

Я промолчал.

— Пережил? — повторил он.

Я кивнул.

— Хорошо, давай тогда поговорим о деле.

— Мое дело, — буркнул я, — лопата где-нибудь на побережье.

— Верно, мускулами ты не обижен. — Я смотрел на воду, он посмотрел туда же. — Сдался, значит, признал правоту Горзаха...

Я пожал плечами. Какое это теперь имело значение?

— Дурак, идиот! — яростно прошипел Алексей. — Прав ты, а не Горзах. Как ловко он все выстроил: преступление, наказание, ненадежный винтик — фьють! — все согласно кивают...

— А разве не так?

— Трижды не так! — рука Алексея рассекала воздух. — Вернее, все так, если мы дружно признаем, что общество — это машина, тогда, естественно, люди получают винтиками. И ради этого все революции, весь прогресс, ради этого человечество боролось? Опомнись! Мы это или не мы, если нас так легко сбить с толку? Чем тебя смяли? Есть приказ, человек его нарушил, значит, он преступник, вон его. Какая формальная, внешне правильная, на деле самоубийственная логика! Это реле должно включаться и выключаться, а что сверх того, то неисправность!

— Ты кого убеждаешь? — хрипло спросил я. — Кому читаешь мораль?

— Тебе!

— Катись ты... Все это общие слова. Нарушил я или нет? Нарушил. Суть в этом.

Алексей тяжело вздохнул.

— Я мог бы сказать тебе всего два слова, и ты бы... Но погожу. Речь идет о куда большем, чем все твои переживания, и даже больше, чем все хроноклазмы, вместе взятые. О моральных ценностях, о внутреннем долге разумного человека и всем прочем, на чем мы стояли, стоим и что теперь, пользуясь ситуацией, Горзах и ему подобные хотят заменить слепым повинованием, потому что так легче им, так вроде бы эффективней в кризисной ситуации. Эффективней, не спорю, только в капкан попасть просто, а выбраться из него... И ты, ты оказался слабым звеном! Думаешь, Горзах уничтожил тебя походя,

случайно выбрал для этого такую минуту? Ничего подобного, ему нужна была громоздкая, на виду у всех кара, яркий пример неповиновения приказам и сурового, но справедливого за то наказания. Чтоб другим неповадно было. Уж если ты сам признал справедливость отстранения и сложил ручки, то... А что ты, в сущности, сделал? Спас человека.

— Вопреки приказу! Не один же Горзах его принимал...

— А хоть бы и вопреки! Жизнь человека, долг помощи — это не высший приказ, который отменяет все остальные? Подожди, подожди, дойдем и до запрета, который ты нарушил... Чем он, в сущности, вызван? Страхом. Да, да, и не смотри на меня так. Страхом, потрясением, шоком. Еще бы, такое вдруг навалилось! А тут еще озверелые морды, чего доброго, вторгнутся. Отсюда самое простое решение: наглухо изолировать. Избавиться от помехи, потом разберемся. А если трезво взглянуть? Три-четыре анклава действительно опасны, там всех этих, с саблями и автоматами, лучше попридержать, чтобы не натворили беды. А в остальных случаях? Там, если разобратся, бедные, несчастные люди без медицинской помощи, без запасов пищи, наши, между прочим, прапрабабушки и прапрадедушки. А мы их — в резервацию! Именно так, будем называть вещи своими именами. Некогда нам с вами разбираться, еще заразу к нам занесете, вшей в наше светлое-то будущее натащите, зарежете кого-нибудь... Верно, все это возможно, но ведь со стыда можно сгореть, так поступая! А все шок. В угаре мы, брат, в угаре, поэту, кстати, и Горзаху внемлем. Запрет-то — насквозь ошибка! Или ты думаешь, что Совет не может ошибиться, человечество не может ошибиться? Еще как может. И ведь для обихода этих несчастных, более, чем мы, несчастных, всего-то и требовалась какая-то сотая доля наших общих усилий. Неужто бы не наскребли? Нет, дорогой, в угаре мы, в угаре, отсюда и эта ошибка. Знаешь ли ты, сколько решений Совету приходится принимать каждодневно, срочно, немедленно? Не знаешь. А я поинтересовался. Ужас! Тут физически невозможно продумать все как надо. И не то удивительно, что мы делаем глупости, а то, что их, в общем, не так много...

Алексей был на пределе, от него только глаза остались, в таком неистовом состоянии он действительно мог пройти по воде, как посуху. Он был прав: мы уже не были сами собой, мы давно стали другими, ибо жили в напряжении, которое выпадает разве что солдатам в бою.

Я поскреб подбородок.

— Знаешь, с этой позиции я как-то не вдуывался... Не до того было... Вероятно, ты прав, только к чему это теперь? После драки кулаками не машут.

— Верно, — в глазах Алексея мелькнула иро-

ния.— Но, во-первых, эту «драку» уже обсуждает все человечество.

— Как? Ты добился...

— Нè я. Твой отряд разведчиков потребовал немедленной связи с Советом и со всем человечеством. Весь, во главе с вашей Жанной д'Арк...

На глазах у меня выступили слезы.

— Во-вторых,— продолжал Алексей,— уже ясно, что большинство на твоей стороне. Повелительные замашки Горзаха и до этого обратили на себя внимание, так что с тобой он крупно просчитался. В-третьих, все подумали о людях прошлого, как следует подумали... Полагаю, что тот приказ уже отменен. В-четвертых, у нас не оказалось дублера.

— Как это не оказалось? А Нгомо?

— Нгомо, видишь ли, заболел. А другого дублера нет, не успели подготовить.

— Нгомо заболел?!— я вскопчил.— Чем?!

— Да уж не знаю чем,— Алексей отвел взгляд.— Заболел, и все.

Я не верил ушам. Чтобы Нгомо, неггибаемый Нгомо заболел, да еще в такой миг? Этого быть не могло!

И вдруг я понял. Ноги ослабли, я опустился на землю.

— Спасибо, ребята...— только и мог я выговорить.

— Твое «спасибо»—это дело, которое ты еще и не начинал,— сухо сказал Алексей.— Мы тут собрались все, кто проектировал, строил, и обдумали, как быть. В конце концов, за свое дело ответственны мы. Короче, пошли. Твои переживания нас больше не интересуют. Учти, если медики придерутся...

— Этому не бывать! Особенно, если ты дашь мне минутку.

— Зачем?

Ни слова не говоря, я скинул одежду. Вода обожгла холодом, это было то, что надо. Вниз, все глубже и глубже тело ввинчивалось, преодолевало тугое сопротивление воды, она смывала всю душевную накипь и гарь, расступалась под натиском мускулов, безраздельно повиновалась мне, ничто более уже не могло противостоять моим усилиям, мир был прекрасен даже своей темной, как эти глубины, трагичностью.

В свой рывок я вложил столько энергии, что руки по инерции глубоко ушли в донный ил. Теперь вверх! Время— иная среда, ну и что? Я не один, никогда не был один и не буду, и сколько бы вселенных ни окружало нас, они расступятся перед нами, как эта тугая, холодная, вечная вода, к которой боязливо подступаешь в младенчестве и которая затем дарит радость.

Вода забурлила под ударами рук, качнулась крутыми отвалами, волной накатила на берег, я вышел в этом всплеске, привычно унял биение сердца и шагнул к Алексею.

— Можешь проверить пульс.

— Верю,— он, не глядя, швырнул мне одежду.— С атлетизмом все в порядке.

— Как и с техникой,— отпарировал я.— Суть теми же мускулами.

Алексей безмолвно покачал головой.

— Все-таки не верится, что Горзах хотел стать над нами,— сказал я, одеваясь.— Не могу представить, чтобы в наше время...

— В наше ли?— задумчиво сказал Алексей.— Кризис есть кризис, он всех отбрасывает назад, в прошлое.

Я кивнул. Что верно, то верно.

— Дело не в Горзахе,— носком башмака Алексей наподдал камешек.— В нас. Собственно, кто мы есть? Клеточки сверхорганизма, именуемого человечеством. Чем сложнее общество, тем сильнее взаимозависимость его членов, тем выше слаженность и, стало быть, жестче связи. Тенденция муравьизации— вот что мы объективно имеем. Но,— он поднял руку,— столь же объективна, по счастью, другая, прямо противоположная тенденция. Прогресс невозможен без новаторства, а для новаторства нужна творческая, никакая иная, личность. Столь же неизбежен рост ответственности каждого за всех, необходим все больший интеллект, нужна все большая самодисциплина, ибо ошибка муравья не трагедия для муравейника, а глупость человека, в руках которого уже космическая мощь, может погубить планету. Противоречие! Жесткая взаимозависимость, которая стремится превратить человека в специализированную клеточку сверхорганизма, а с другой стороны, наоборот, необходимость предельного саморазвития личности как творца и гражданина. Так все и балансирует на лезвии... Стоило обстоятельствам измениться, тут и наступил час Горзаха. Нужный человек в кризисной ситуации, необходимейший! Ему стали охото повиноваться, так надо в бурю, это разожгло его честолюбие... Прошлое не умерло, оно дремлет в нас, а в нем не только мудрость, но и безумие. Верно было сказано: не бойся природных катастроф, бойся духовных, от них человечество страдало горше всего!

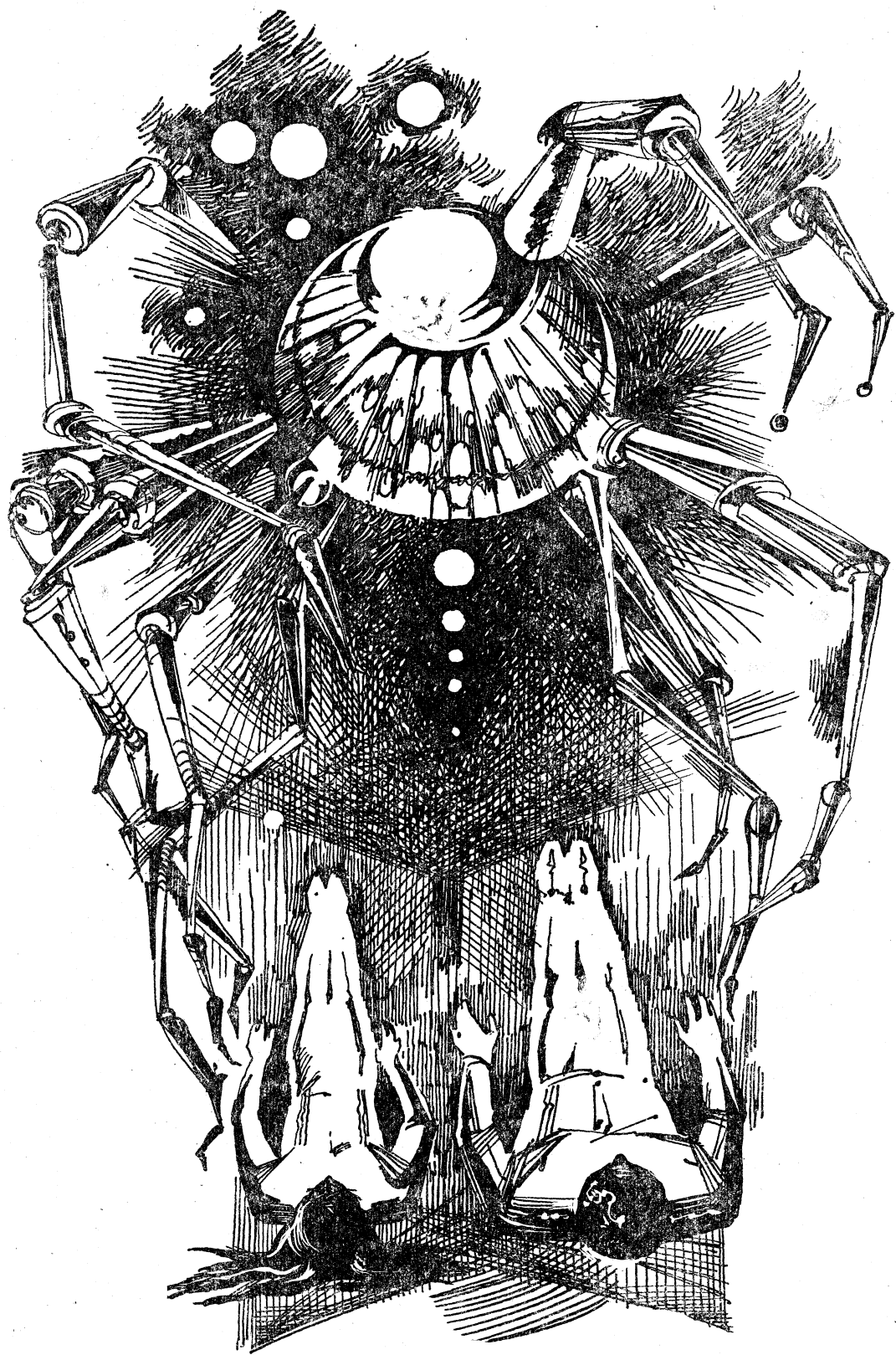
— Ну, это нам не грозит,— возразил я.— Не то общество, не те люди. Жаль Горзаха!

Алексей фыркнул.

— Он был одним из нас, между прочим, и, конечно же, не хотел зла! Ладно, не о нем печаль, ему помогут, уже помогли. А вот ты вскоре останешься один.

— Это ты к чему?— я насторожился.

— На всякий случай,— он посмотрел на меня долгим испытующим взглядом.— Ты очутишься в ином не только физическом, но и нравственном времени. Один. Три шанса из пяти; этот внешний, что ли, риск мы видим отчетливо. А как с внутренним, душевным? Ну вот,— голос его споткнулся,— теперь я, кажется, сказал все.

Глава седьмая

На стартовой площадке все было так, словно я ее и не покидал. Завидев нас, генеральный конструктор, чья спецовка, кажется, стала еще более замызганной, махнул рукой, и киберы принялись отключать и оттаскивать кабели. Все было предельно буднично, и я понял, что обойдется без напутственного церемониала и даже без последней проверки моих знаний, поскольку отпущенное на это время съел инцидент с Горзахом. Впрочем, обрадоваться я не успел, ибо меня уже поджидали медики, а там, где начинается медицина, кончается свобода воли.

Эя уже была в медотсеке — спящая. Накануне мы много спорили, как с ней быть. Мне доказывали: везти ее бодрствующую — все равно что отправиться с ребенком, который интереса ради в любой миг способен щелкнуть каким-нибудь переключателем. Я же настаивал, что побратим выполнит любую просьбу, даже пожертвует собой, не задумываясь, так что Эя, следовательно, просидит не шелохнувшись, если я возьму с нее слово. Честно говоря, я не был в этом столь уверен, реакция Эя на окружающее, как показал опыт этих дней, часто сбивала с толку, но мне претила сама мысль везти ее усыпленную, словно какого-то звереныша. Раз за разом я убеждался, что ум Эя под стать моему, только он иной, не детский, но и не взрослый, а просто иной, иногда понятный в своих суждениях, чаще загадочный и непредсказуемый. В пещерах она, кстати говоря, никогда не жила, ибо была человеком не палеолитической, а энеолитической культуры. Наш спор решили срочно подключенные к обсуждению историки, которые дружно склонились к мнению, чей смысл нетрудно было свести к вариации на тему «береженного бог бережет».

Теперь Эя лежала подле меня тихая, усыпленная, а над нами прохаживались паучьи лапы диагноста, который просвечивал, замерял и оценивал все, что только можно измерить в человеческом организме. Никакой боли, но ощущение не из приятных, когда над тобой распростерся этакий мигающий огнями осьминог. Пожалуй, историки были правы. Пожалуй, Эя такого не выдержала бы, сколько бы я ее ни просил, и, чего доброго, врукопашную схватилась бы с диагностом.

Мне и то было немного не по себе, хотя я не раз встречался с диагностом. Такова уж, видимо, человеческая природа, что, доверяя машине, мы ее все-таки чуть-чуть побаиваемся, во всяком случае века привычки не изгладили это чувство до конца; можно сказать «брысь» киберу и тут же о нем забыть, можно с тем же безразличием усесться за штурвал обычного космолета, но когда машина тебя изучает, в душе поднимается что-то дремучее. Так или иначе, диагност подтвердил, что со мной все в порядке, правда, тут

же добавил, что в иных условиях он настоял бы на длительном отдыхе.

Лица окружающих посветлели, кто-то даже облегченно вздохнул; самое удивительное, что нервно-физическую годность Эя диагност признал без всякой оговорки. Вот это устойчивость! Впрочем, в ее время выживали сильнейшие. К тому же чем тоньше нервная организация, тем она уязвимей, хотя у нее, конечно, есть свои преимущества.

Я встал, оделся, проследил за тем, как одевают Эю. Умытая, причесанная, в добротном костюме разведчиков, она более ничем не отличалась от девушек нашего времени — пока спала, разумеется.

Никаких торжеств, как я и предполагал, не последовало. Два-три крепких объятия — это все. Мне помогли залезть в люк, подали туда безвольное тело Эя, помахали рукой, я удивился, сколько собралось народу. Последним исчезло взволнованное лицо моего голубоглазого наставника, который, привстав на цыпочки, беззвучно шептал что-то, может быть, давал последние советы. Выходная мембрана затянулась.

Я привязал Эю, затем себя, огляделся. Внутри кабины ничто не напоминало о недавнем разоре, все действовало, что надо — светило, что надо — подмаргивало крохотными огоньками, успокоительно тикало, нигде ни царапинки, ни пылинки, словно грубый инструмент никогда ни к чему не прикасался, а все вышло само собой, без мук овеществилось, как было задумано. Впрочем, особо присматриваться было некогда, да и незачем, все было и так известно даже на ощупь и, само собой, трижды перепроверено. Следя за индикаторами, я отвечал «в норме, в норме!», то есть делал примерно то же самое, что недавно, обследуя меня, делал диагност.

Наконец пошел отсчет предстартовых секунд, такой же обычный, как если бы предстояло отправиться на соседнюю планету.

...Три, два...

Еще секунда, и я исчезну, провалюсь туда, откуда, как из царства мертвых, еще никто не возвращался.

...Ноль!

Я ждал толчка, полета, удара.

Ни звука, ни вибрации, ничего.

Неудача?

Сердце окатила тревога. Мне вдруг почудилось, что я уменьшаюсь, что внутри меня сокращаются легкие, сердце, все; что так же точно уменьшаются кресла, табло и переключатели пульта, сжимается сама кабина, хотя если так было в действительности и все сокращалось соразмерно, то заметить этого я никак не мог.

Выходит, началось?..

Длилось это мгновение, но ощущение было жутковатым. Настолько, что в поисках поддержки я глянул на Эю. Ее тело по-прежнему обвиса-

ло на ремнях, но глаза были открыты и смотрели невидящим взглядом сомнамбулы.

Я не успел ни испугаться ее взгляда, ни удивиться, потому что сразу же началось то, к чему никто из нас не был готов, ибо ничего подобного теоретики представить себе не могли, а приятно вернувшись из времени животные, понятно, безмолвствовали.

Как бы все это выразить?

Рациональное объяснение инаковости, в которой я очутился, бессильно передать мои впечатления, но без него вряд ли можно обойтись.

Все, что ни на есть в этом мире, подобно фотопластинке, и бросовый камешек под ногами хранит в себе сведения о прошлом Земли. В нем же вся физико-химия, по законам которой он возник, существовал, менялся. Такова скрытая душа всех вещей. Неузнанная, она присутствует и в нас. Так перед разумом открывается двоящийся путь познания — вовне и в себя, в мир и в его самоотражение. По виду оба направления противоположны, на деле едины, как ветви и корни дерева, одни из которых тянутся к свету, а другие уходят во мрак. Познавая, мы узнаем, и наоборот. В этом, по теории Иванова — Бодчены, секрет интуиции, тех «внезапных и опасных», как их назвал де Бройль, скачков ума, которые без видимого участия логики вдруг приводят к открытиям. Дотоле разрозненные факты так внезапно, естественно и самоочевидно укладываются в рисунок истины, будто в подсознании для них уже существовала канва, матрица. Она и была, поскольку мы в мире, но и он в нас.

Теория познания-узнавания прояснила, каким образом древние мыслители без точного инструмента и опыта смогли представить атомную структуру вещества, как они вывели происхождение человека от рыб, догадались о сложности вакуума и о многом другом, что подтвердилось лишь спустя тысячелетия. Однако Иванов с Бодченой, как и их последователи, спасовали перед такой загадкой. Жизнь развивалась в пространстве и во времени; свойства того и другого вроде бы одинаково должны были запечатлеться в ней, следовательно, познающий мозг вроде бы одинаково способен проникнуть в глубины того и другого. Но если мысль очень рано прозрела тонкие, скрытые, неочевидные свойства и особенности пространства, то в познании времени она словно наткнулась на глухую преграду. Время абсолютно, всюду одинаково и всюду едино; так думали до двадцатого века. Почему здесь все так затормозилось? Ни малейшего узнавания, ни одного прозрения! Неужто мозг, это изумительное зеркало глубинных черт природы, здесь не запечатлел ничего?

Похоже, я получил ответ... Но какой! Истина приоткрылась, едва я углубился во время. Мы, как принято, искали его отражение в психической

яви, а оно, оказывается, давало о себе знать в сновидениях!

В никем не испытанном состоянии перехода из настоящего в прошлое я узнавал знакомое, то, что уже мелькало в сновидениях, где время причудливо растягивалось и сжималось, рвалось, искажалось, искажалось, выворачивая и тасуя причинно-следственные связи. В хаосе набегających образов сна, как я теперь понимаю, и проявлялись скрытые отражения временных свойств мироздания. Просто мы их не там искали; ведь сновидения, мнилось нам, — это заведомая фантастика, антипод действительности!

Обо всем этом я, конечно, подумал задним числом. Тогда было не до этого. Все перемешалось, как в сновидении. И не так, как в сновидении, все же не так... Но похоже. Я не мог отличить мига от вечности. Не ощущал тела. Близкое становилось далеким и наоборот. Огоньки индикаторов распускались цветами. Эя то пропадала, то возникала, причем я знал, что она сидит рядом, но это не мешало мне видеть ее перед собой, и не в той одежде, в какой она была теперь, а в прежней юбочке. Пространство кабины деформировалось, мутнело частями, иногда двоилось, как в зеркале, делалось прозрачным, хотя пульт, даже будучи лугом, ни разу не исчезал, оставался все-таки пультом, хотя и необычным. Более того, я осознавал показания приборов, даже мог их контролировать. Помнил о кнопке в подлокотнике, которую должен был нажать в случае угрозы обморока, знал, что этого ни в коем случае нельзя делать, только не знал, почему.

Ума не приложу, как одно сочеталось с другим. Во всяком случае то был не сон. Такой была явь! Я знал, что не сплю (приборы затем это подтвердили). Все воспринималось как должное, я узнавал это реально-нереальное состояние, когда пространство может причудливо меняться и ничего особенного в этом нет, когда что-то способно как угодно возникать и исчезать, быть и не быть, являться из прошлого и вместе с тем принадлежать настоящему, поскольку в действительности нет ни того, ни другого, как нет ни «до», ни «после», вернее, есть, но меж ними какая-то совсем иная связь, чем та, к которой привык человек. Мне даже казалось, что я вот-вот пойму, каким образом мертвое прошлое может сосуществовать с настоящим и почему в этом нет никакого парадокса.

Страха не было, происходящее не давило кошмаром. Это странное, никем еще не изведенное состояние, в котором я находился, будило, повторяю, воспоминания о чем-то похожем, естественном и нормальном. Что ж, в конце концов невесомость свободного полета присутствовала в наших сновидениях задолго до того, как человек вышел в космос. Сколько еще подобных неясных знаний, быть может, таится в нас! Лишь

изредка возникало то слабое удивление, которое мы порой испытываем во сне, когда, например, говорим с давно умершим человеком и удивляемся не тому, что он жив, а тому, что он в необычном костюме. Примерно такое же недоумение испытал я, когда, почувствовав вдруг жару, потянулся к верньеру климатизатора, а он прокрутился прежде, чем его коснулась рука. Легкое недоумение, не более того! Мимолетное, оно сразу же сменилось пониманием, что так и должно быть, раз я двигаюсь против хода времени.

Более связно и подробно рассказать о том, что было, я не могу, напрасны любые старания. Да, вот еще что: свет решительно всех источников, помнится, дважды менялся от красного до фиолетового и обратно, как если бы я представлял собой звезду с чудовищно переменной массой.

И последнее, может быть, самое главное. Отснятые кадры подтвердили многое из того, что видел глаз. А раньше, при запуске животных и автоматов, камеры ничего подобного не фиксировали!

Вот так...

Все оборвалось сразу, исчезло, будто ничего не было. Я не успел глазом моргнуть, как пульт снова стал пультом, а не цветущим лугом, кабина — кабиной, а не перекрестком мимолетных видений.

«Пробуждение» сопровождал легкий толчок. Аппарат должен был проявиться высоко над землей, чтобы в новой точке своего пространственно-временного существования я не оказался вмурованным в толщу какого-нибудь холма. Толчок означал, что все уже закончилось и автоматика, как положено, тормозит спуск. Прежде всего я взглянул на альтиметр: да, полный порядок.

Порядок чего?

Явь сразу вступила в свои права, но пережитое было еще таким ярким, таким диковинным и, как я теперь понял, таким замечательным, что я подпрыгнул в порыве мальчишеского восторга. Все удалось, мы у цели — и какое открытие! Кто еще так проходил сквозь неведомое, кто?! Такая минута стоит жизни. Я ликовал, слабый свет индикаторов сиял для меня праздничными огнями, мерный обдув климатизатора кружил голову, словно ветер горной вершины. За мной, позади, остались века и тысячелетия, я шагнул за предел, который, казалось, навсегда был положен человеку, живой спускался в исчезнувший мир. Что перед этим все легенды и мифы о путешествиях в загробное царство!

Мгновение было прекрасно, увы, скептический рассудок не дал им как следует насладиться. Машина «проявилась», это очевидно. Где? Она благополучно спускалась. Куда? Все хорошо. А так ли это?

Радость притупила восприятие, я не сразу понял, что мне говорят приборы, тем более что

они один за другим показывали: норма, норма, норма...

Но не все. И когда смысл очередного сигнала наконец завладел вниманием, это на меня подействовало так, что долгожданный толчок приземления не вызвал в душе ни малейшего отклика. Не веря себе, я зажмурился, снова открыл глаза, словно движение век могло что-то изменить.

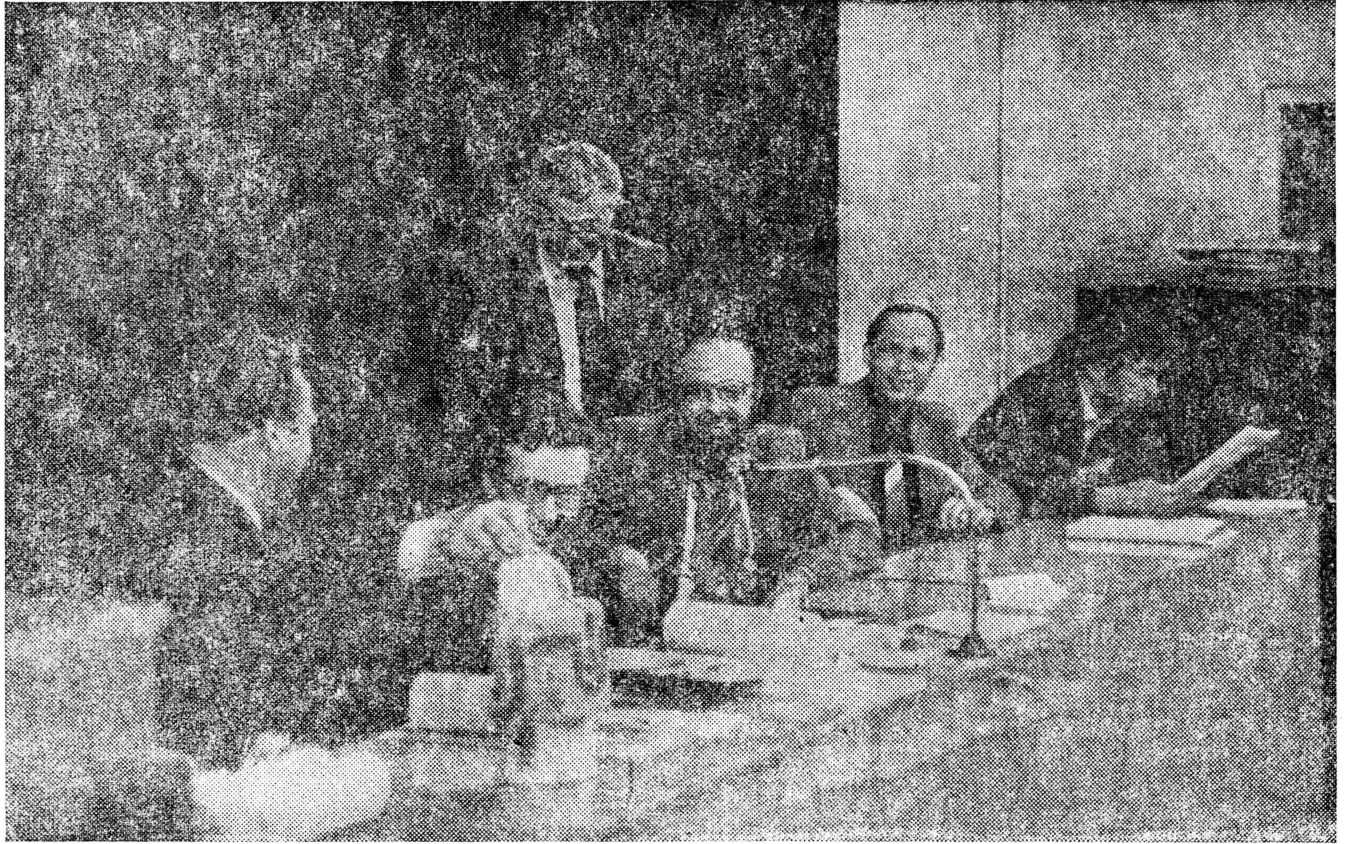
Ничего не изменилось. Расходомер показывал убыль энергии вдвое против расчетного. Вдвое...

И, что самое непонятное, счетчик не замер после приземления, на световом барабане стремительно сменялись цифры. Аппарат тратил энергию неизвестно на что.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Свердловск: «АЭЛИТА-83»

На встрече в ДК автомобилистов. Слева направо: В. Крапивин, В. Бугров, Д. Биленкин, В. Головачев, Г. Прашкевич, стоит С. Другаль. Лауреат «Аэлиты-83» опускает монетку в символическую «космическую» копилку, подаренную «Уральскому следопыту» пермскими любителями фантастики. Фото В. Коблова [КЛФ «Радиант»].

...Признаемся сразу: нам очень приятно было получить восторженные отклики с мест — от очевидцев, побывавших на вручении очередной нашей «Аэлиты». Не будем скрывать — тревожились: «Аэлита-83» совпала с нашим скромным (всего-то четверть века!), но для печатного издания, однако ж, весьма существенным юбилеем, оттого все основные силы и помыслы редакции обращены были, конечно же, именно на эти юбилейные торжества. Припомните собственный — даже и рядовой, не юбилейный — день рождения: мало ль всевозможных хлопот-забот возникало у вас в сей сугубо, казалось бы, праздничный для вас день? Вот и у нас получилось, что вручение «Аэлиты-83» проходило, в общем-то, как бы вторым планом — на фоне наших неизбежно

суетных и шумных юбилейных событий.

Это — первое. А второе... Когда-то (кажется, так давно, а на деле лишь два года назад: на «Аэлиту-81») к нам в гости приехали, немало поразив нас и порадовав, пятнадцать соседей-пермяков, прославивших о первой в нашей стране официальной премии по фантастике. На вручении «Аэлиты-82» к пермякам, которых стало уже 26, присоединились посланцы клубов любителей фантастики из Ставрополя, Волгограда, Новосибирска, Тирасполя, Абакана, Хабаровска и Владивостока.

В нынешнем апреле в Свердловске гостили представители 35 клубов из 34 городов страны! Свыше ста энтузиастов, беззаветно преданных фантастике, — иначе не приеха-

ли бы, ведь добирались-то за свой собственный, как правило, счет: мы, в редакции, отметили не более полутора-двух десятков командировочных удостоверений! В таком количестве наши КЛФ не собирались еще ни разу... Добавим: нам не без труда удалось уточнить приведенные цифры; немудрено, что в газетных заметках об «Аэлите-83» они могли быть — и были — иными.

Кстати, о самих этих заметках. Не суть важно, были они напечатаны в солидных областных газетах или в заводских либо в вузовских многотиражках, — они в равной степени дороги нам. Иной раз чуть слишком суховатые, сугубо «отчетные», эти заметки тем не менее в полном соответствии с чересчур опять-таки, быть может, торжественно-пышными их заголовками

(«Праздник фантастики», «Дни советской фантастики в Свердловске», «Фестиваль фантастики «Аэлита-83»...) передают отношение участников нашего... фестиваля?... праздника?... словом, того, что было,— к тому, что было. Что греха таить, нам очень хотелось бы, чтобы вручение «Аэлиты» в Свердловске, куда в равной степени просто (а если и сложно, так тоже — в равной степени) попасть и из Мурманска, и из Тирасполя, и из Иркутска,— чтобы оно превратилось у нас со временем в подлинный праздник любителей фантастики, стало именно фестивалем. Однако понимаем: это превращение зависит не только от редакции, и потому будем пока называть наши апрельские встречи в Свердловске вот этим самым словом, скромным, простым, без претензий,— «встреча».

В этом году встреча получилась пусть во многом сумбурной, но, кажется нам, общепольной и все-таки интересной: несомненно, сыграл свою роль сам факт резкого увеличения количества гостей.

Кое-кто из них благоразумно приехал загодя — за день, два до вручения «Аэлиты», когда хозяева встречи — КЛФ «Радиянт» и деятельно помогавший ему другой свердловский клуб «МИФ» — от идеальной готовности принять гостей были куда как далеки. Тем не менее приехавшие не скучали: общение, желанная «заправка» самой разнообразной информацией начинались тотчас, едва вновь прибывший переступал порог комнаты № 19 Дома культуры автомобилистов.

Это просторное, способное вместить при нужде и шестьдесят человек, помещение дирекция ДК, с давних пор с сочувствием и пониманием относясь к работе клуба, выделила в полное его распоряжение, и «Радиянт» лихорадочно наводил глянец на своей базе. Комната и впрямь смотрится теперь как несомненное обиталище именно любителей фантастики. На стенах — разнообразная фотопродукция: обещающая со временем разрастись галерея писателей-фантастов, стенды «Аэлита-81» и «Аэлита-82»; пестрые театральные и киноафиши, кадры из многочисленных уже теперь НФ фильмов; маски Алле-Опа и других персонажей «Заповедника гоблинов», оставшиеся от инсценировки на прошлогодней «Аэлите»; необычные портреты А. Грина (подарок куйбышевцев); наконец, карта страны с отмеченной на ней сетью КЛФ,— к всеобщему удовольствию, с каждым месяцем требующая внесения поправки: вливаются в «Великое Кольцо», дают знать о себе все новые и новые клубы... На столиках — подшивки газет со страничками КЛФ; способный развеселить

любого альбом НФ изошутки, собранный — с миру по нитке — из газет и журналов; буквально накануне — после «мозгового штурма» — родившиеся в «Радиянте» настольные НФ игры «Сталкер» и «Охота на Пандоре» (еще одну игру привезли с собою ростовчане)... И — проспекты, буклеты, плакаты, пригласительные билеты, бюллетени, методические разработки и разнообразная иная информационно-сувенирная издательская продукция клубов...

Словом, тому, кто с непривычки устал от чересчур интенсивного общения с «братьями по разуму», было что посмотреть, полистать, почитать в этой комнате, вполне похожей на формирующийся музей фантастики. Кстати, музей в ней тоже был, пусть пока и миниатюрный: в шкафах вдоль стен разместились самый настоящий филиал знаменитой «Изнакурнож». С шапкой-невидимкой и неразменным пятком, с гипсовым слепком со следа «снежного человека», с «умклайдетом» (в просторечии — волшебной палочкой), с камнем претковения и другим камнем — философским, с летающей тарелкой, с пивной кружкой мистера О'Тула и... много еще с чем! На нескольких полках, к примеру, расположились забавные фигурки из пластилина: легко узнаваемые отцы-основатели «Радиянта», самые разноликие инопланетяне — как «сапиенсы», так и представители живоотно-растительного мира, среди которых явно преобладали хищники; наш земной «олгой-хорхой одомашненный», со шнуром для электросети на 220 вольт, смотрелся весьма безобидно в этой компании тахоргов, ракопауков и прочих крылатых и бескрылых страшилищ...

Столь подробно останавливаемся на всем этом — не для того, чтобы похвалить: мол, для чего славно поработали и руки и фантазия «радиантовцев»! Просто ни один из клубов, ответивших на нашу анкету, пока что не рассказал, как оформлено занимаемое им помещение. После «Аэлиты-83» частный вроде бы этот вопрос, надо полагать, со вниманием будет рассмотрен во всех КЛФ, имеющих собственные стены: эти самые стены в голом виде жилище, как известно, не красят.

Что же касается общения в чистом виде, то оно действительно шло весьма интенсивно уже накануне официального открытия встречи. Из деловых направлений неизбежно беспорядочного (а как иначе, если собеседники впервые воочию видят друг друга?!), разговора выделим два: уточнение статуса межклубного приза и реализацию предложения горловчан. О втором — чуть позже, о первом же... Помните,

ровно год назад, тоже в ноябрьском номере, мы сообщили о попытке волгоградского «Ветра времени» ускорить учреждение общеклубного приза по фантастике? Волгоградцы были настойчивы: разработали положение о призе (оно-то и обсуждалось весьма горячо и накануне встречи, и в ходе ее), отпечатали бланки для голосования, разослали их во все известные КЛФ, собрали, подытожили, выявили лауреатов,— работа была проделана поистине колоссальная! Не все клубы, к сожалению, откликнулись на новшество — лишь 22 из них приняли участие в голосовании; однако ж и при 22 КЛФ — дело не шуточное и в нашей фантастике откровенно новое! Что ж, пожелаем этому призу из межклубного поскорее превратиться в общеклубный...

Официально встреча КЛФ¹ началась 22-го, в пятницу, в десять утра. Ну, не совсем в десять — на час, полтора позже: поезда пока что продолжают опаздывать порой, подзапоздал и утренний пермский поезд — с самой, по традиции, солидной (около сорока человек!) делегацией. Решено было дожидаться ее... Ожидание скрасили новыми знакомствами, осмотром выставки НФ живописи свердловских художников, чтением газет с НФ материалами: в фойе на скорую руку был смоделирован газетный киоск, «торговавший» (плата, естественно, не взималась) не только специально припасенными 4—5 выпусками свердловских газет — в нем выложены были в большом количестве (от 20 до 140 экземпляров!) и привезенные гостями газеты волгоградские, кемеровские, куйбышевские, новосибирские, селгиневские. Кстати, именно КЛФ «Зодиак» из Селгиля — районного города Ульяновской области — сумел подготовить и издать (тиражом в 300 экземпляров) первый выпуск первой в нашей стране НФ газеты «Великое Кольцо». Насыщенная информацией из жизни клубов, прекрасно иллюстрированная, экспериментальная эта газета с неподдельным ликованием была встречена собравшимися. Ведь именно газета — с ее всеохватностью, с ее оперативной, практически мгновенной реакцией на любое событие, любой факт действительности — нужна сейчас нашей фантастике, нашим КЛФ, нашему формирующемуся пока что совершенно стихийно клубному движению. Нужна, пожалуй, даже в большей степени, чем специализированный НФ журнал...

Между тем, устав от ожидания, «радиантовцы» объявили наконец о начале заседания, добрым словом помянув при этом все предыдущие встречи КЛФ и самую первую из них — семинар 1981 года в Перми... и почти тут же, словно только за тем и дело было, группами потянулась в

зал пермская делегация. И пошло, и завертелось...

Выступавшие рассказывали о житье-бытье своих клубов, о своих начинаниях, о трудностях и перспективах. Размышляли о роли фантастики и, в частности, клубов ее любителей в развитии творческого мышления, без коего просто невозможно обойтись в век НТР. О привлекательных возможностях кино-клубов фантастики. О роли КЛФ в коммунистическом воспитании молодежи. О специфике работы детских КЛФ. О клубных библиотеках и проекте межклубного абонементал... Умышленно не называем фамилий тех, кто поднимался на трибуну: только в первый день выступило никак не менее 15 человек. Приведем лишь многим запомнившийся призыв ростовчанина М. Якубовского: «Давайте перестанем радоваться, что мы существуем, давайте будем работать!» Призыв этот, пожалуй, и стал девизом встречи: пустых, ненужных выступлений на ней, пожалуй, не было, в каждом содержалась изрядная доза полновесной информации. Он, этот призыв, оказался тем более кстати, что и времени было в обрез: слишком о многом хотелось переговорить, слишком многое обсудить — приходилось, экономя на сне, прихватывать ночи. Ведь в эти же самые два-три дня должны были уместиться и просмотр программы фантастических мультфильмов, и экскурсия в известную всей стране крапивинскую «Каравеллу» (где, помимо прочего, гостям был показан еще один фильм — сказка «Жили-были барабанщики», последняя из двенадцати художественных лент, снятых на сегодня студией «Ф.И.Г.А.»; озорная эта аббревиатура расшифровывается как «Фильмы интересные, героические, артистические» — иных ребята из «Каравеллы» не признают и уж сами ни за что снимать не станут!), и посещение редакции «Уральского следопыта» — с осмотром его музея, с непрямым подарком каждому клубу (в этом году, помимо книг и фотографии первых лауреатов «Аэлиты», каждому КЛФ вручена была библиография фантастики, опубликованной журналом за 25 его лет; в ней значилось 237 произведений!), с неизбежными разговорами за «круглым столом», на котором, как и в прошлом году, водружена была — вот она, совсем рядом, при желании и рассмотреть, и сфотографировать, и даже потрогать можно... — та самая-самая первая «Аэлита», что появилась на цветном фото в апрельском номере «Уральского следопыта» за 1981 год: она была изготовлена в качестве образца и навсегда осталась в редакции... Впереди были встречи с писателями-фантастами: Владиславом Крапивинным и Сергеем Друга-

лем (Свердловск), Дмитрием Билениным (Москва), Геннадием Прашкевичем (Новосибирск), Василием Голвачевым (Днепропетровск) — и постоянным иллюстратором фантастики «Уральского следопыта» художницей Евгенией Стерлиговой, показавшей новую свою работу: цикл карандашных рисунков по мотивам повести А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом», частично опубликованный на вклейке предыдущего нашего номера. Впереди было чествование клубами юбиляра — и уже «Уральский следопыт» обзавелся в итоге целой подборкой чудных экспонатов для раздела фантастики своего музея. Впереди было и торжественное вручение того межклубного приза, о котором шла речь выше и который — как и объединение клубов — получил название «Великого Кольца». Нынче он вручался за 1981 год и изготовлен был в трех экземплярах, поскольку и голосование шло по трем «классам»: а) «роман — повесть», б) «короткая повесть — рассказ», в) «за вклад в фантастику». По первому классу общее мнение клубов совпало с мнением жюри «Аэлиты»: приз был вручен Владиславу Крапивину за повесть «Дети синего фламинго». По второму классу лауреатом «Великого Кольца» стал молодой абаканский фантаст Александр Бушков с маленькой повестью «Варяги без приглашения», по третьему — автор данных заметок: сказались, очевидно, симпатии клубов к «Уральскому следопыту»...

И, наконец, впереди была и «Аэлита» — то самое событие, которое, собственно, и привело в Свердловск любителей фантастики из Абакана, Актюбинска, Волгограда, Вологды, Горловки, Днепропетровска, Иркутска, Кемерово, Кишинева, Куйбышева, Кургана, Магнитогорска, Минска, Москвы, Мурманска, Нефтеюганска, Новокузнецка, Новосибирска, Одессы, Перми (и пермских городов Краснокамска, Березников, Чернушки и Чусового), Полтавы, Ростова-на-Дону, Саратова, Семипалатинска, Сенгилея, Тбилиси, Тирасполя, Тюмени, Верхней и Нижней Туры (Свердловская область).

«Аэлита-83» была вручена новому лауреату на литературном вечере, посвященном юбилею «Уральского следопыта» и проходившем в помещении Свердловского театра юного зрителя — в солидном зале, рассчитанном минимум на 800—900 посетителей и, к радости нашей, все-таки переполненном.

Думаю, не только у автора этих строк замерло сердце и мерцающий холодок пробежал по спине, когда, открывая вечер, поднялись на сцену легендарные барабанщики «Каравеллы», пришедшие сюда — в парадной форме, в всех регалиях: в погончиках, с нашивками, с шев-

ронами, при аксельбантах — поздравить журнал с юбилеем, а искренне обожаемого своего командора — с новым качеством лауреата «Аэлиты». Торжественные и приятные были минуты: словно возвращаешься в далекое, с синяками и ссадинами, пионерское свое детство... Скупой, краткий, обобщенно-деловой и вместе с тем зажигательно-страстный доклад главного редактора. Выступление гостей вечера — писателей Свердловска, Уфы, Челябинска, Ижевска, Москвы... И — вручение «Аэлиты»! Опять — долгие аплодисменты; с творчеством Владислава Крапивина собравшиеся в равной степени знакомы и в его ипостаси писателя-фантаста (с 1962 года выступает он с фантастическими произведениями), и в амплуа хорошего «детского» писателя. Мы взяли в кавычки это слово — детский — просто потому, что книги В. Крапивина о детях читают — и, судим по редакционной почте, с преогромнейшим удовольствием читают! — не только те, о ком они написаны, но и народ куда более взрослый.

И, однако ж, большим сюрпризом для сидевших в зале было выступление самого лауреата. В Крапивин, о чем, имея возможность догадаться, знают все-таки очень немногие, с давних пор пишет стихи и потому прочел новое свое стихотворение — балладу «Аэлита-47». Почему — 47? Да потому, что речь в ней шла об одном послевоенном лете:

...Был май.
Катились звезды в лебеду,
Что проросла у стареньких
калиток.

В те дни —
себе на счастье и беду —
Я прочитал впервые «Аэлилу».
Меня сжигали радость и тоска,
Звенел, как космос,
деревянный город,
И, словно тень от марсианских
скал,
Лежала тень киосков
на заборах...

Герои баллады, расставаясь, за-рывают под крыльцом старенького домика обожженный глиняный шарик с нацарапанными на его боках своими именами: «...пускай наш шарик через сотню лет найдут другие девочка и мальчик. Тогда времен сожмнется долгий круг...»

Никем не тронутый (но ведь и полусотни лет пока что не прошло), шарик все еще лежит зарытым на месте давно снесенного деревянно-го крыльца, и потому — «все еще не замкнуто кольцо...» Впрочем, автора теперь тревожит иное.

Что, если вдруг
из черной глубины,
Хлыстными метеорными
избитый,

Придет корабль на край
 земной орбиты
 И даст сигнал
 для жителей земных?
 Рябыми от метеоритных ран
 На рубке будут броневые
 плиты...
 И в этой рубке встанет
 Аэлита
 И, сжав волнение, глянет
 на экран.
 И будет ждать ответа,
 не дыша.
 И вдруг увидит
 обожженный шар.
 Он будет черным среди
 черной тьмы,
 Огнем ракетным начисто
 спаленный...
 И никаких следов
 травы зеленой,
 И никаких следов,
 что жили мы...

Мрачная картина планеты, пережившей ядерную войну, возникает перед внутренним взором автора, перед глазами его Аэлиты... Картина-предупреждение: нет, нет и нет, «пусть все же будет, чтоб сомкнулся круг в слиянии земных и звездных рук!..»

А ведь между тем, к сожалению, не скажешь, что так уж невозможен вариант, нарисованный в балладе: события, каждодневно вершащиеся в мире, не дают поводов для самоуспокоения, для прежних розовых иллюзий, посещавших нашу фантастику в прошлые десятилетия. Сам по себе мир не воцарится на планете, нужны общие немалые усилия, чтобы она не обуглилась, не сгорела в испепеляющей термоядерной войне...

Любители фантастики, кстати, прекрасно понимают это.

Нет, совсем не случайно — по инициативе горловского КЛФ «Контакт» — единогласно принято было на встрече в Свердловске обращение любителей фантастики ко всем, кому дорог мир на Земле!

Считаем своим долгом привести здесь текст этого обращения.

Это обращение убедительно свидетельствует о растущей политической зрелости наших КЛФ, об активной социальной позиции, утверждаемой ими в их деятельности. И это — радует. Приятно сознавать, что эти увлеченные молодые люди (заметное большинство в клубах составляют студенты) отнюдь не замыкаются на чтении фантастики, что их волнуют общие заботы страны, народа, всего человечества. Ведь им самим жить в том Третьем Тысячелетии, куда уводят их сегодня книги фантастов, и в их кровных интересах — сохранить для Земли это подступающее тысячелетие.

Коль скоро речь зашла об общественной активности клубов, хо-

Обращение советских любителей фантастики

Всем людям доброй воли!
 Всем, кому дорог мир, кому не безразлична судьба планеты Земля!

...С первых дней существования Советского государства забота о мире на Земле, о счастливом будущем всего человечества была важнейшей его целью. Эта забота нашла яркое отражение в речи Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова на торжественном заседании, посвященном 60-летию образования СССР: «Остановить поджигателей новой войны — нет сейчас задачи важнее. Этого требуют жизненные интересы всех народов».

Сейчас, когда угроза не просто новой войны, а полного уничтожения всего живого на планете стала чрезвычайно острой, когда «военно-космические» фантазии администрации США угрожают стать реальностью, мы обращаемся к величайшему дару, которым наделены люди — к дару человеческого воображения.

Прогрессивные писатели-фантасты показали, к чему может привести стремление к мировому господ-

ству. Их книги не убаюкивают ложной надеждой — остаться в стороне, спрятаться от острейших конфликтов действительности. Нельзя щадить усилий в борьбе за мир, за разоружение, которую ведет все прогрессивное человечество.

Советская фантастика никогда не оставалась в стороне от этой борьбы. В противовес мрачной картине уничтожения человечества советские писатели-фантасты создали зримую картину коммунистического будущего, способствующего полному раскрытию возможностей человека. Будущее не придет само собой, за него надо бороться, и бороться сегодня. Писатели-фантасты и любители фантастики способны внести свой вклад в эту борьбу.

Мы, советские любители фантастики, призываем осознать ответственность каждого человека перед будущим. Вспомните, как часто предсказания фантастов становились реальностью.

Нам нужны улыбки на лицах детей, а не капли радиоактивного дождя на их щеках. Только разоружение является единственным путем, на котором народы мира могут обеспечить саму возможность существования человечества.

Миру — мир!
 Настоящему — будущее!

Представители 37 КЛФ СССР
 Свердловск, 23 апреля 1983 г.

телось бы высказать следующее соображение относительно характера встреч в Свердловске. Да и не только в Свердловске; по всему судя, наши КЛФ испытывают все возрастающую потребность в общении между собою, и встречами только в Свердловске эту потребность не утолить... Однако вот ведь какое дело: встреча — была, была и праздничная атмосфера, но, если исключить вечер в ТЮЗе, не осталась ли она для Свердловска в целом — «встречей в себе»?

Правомерно ли это? И как быть в таком случае с тем пунктом из программы любого КЛФ, который постулирует самую широкую пропаганду фантастики, лучших ее достижений? В Свердловске, можно сказать, собрался цвет клубов! Подготовлена была интересная выставка живописи, в которой участвовала целая группа молодых художников! А отдачи для почти полумиллионного города — практически не было...

Дело, вероятно, не только в отсутствии соответствующей рекламы, но и в ненацеленности клубов на такую отдачу. А что, если необходимость отдачи заложить уже в самый план очередной встречи? Пре-

дусмотреть «десанты» в библиотеки, в школы, в вузы города. Подготовить силами клубов (ведь в каждом — столько пишущих!) литературный вечер в том же ДК автомобилистов, при крайней нужде — привлечь к участию в нем и писателей-профессионалов. И даже — организовать некий блиц-лекторий по фантастике, подобрав сюда наиболее интересные сообщения из числа подготовленных клубами; ведь все равно назревает необходимость усложнить встречи, подобные свердловским, чем-то вроде чтений по теории, истории, критическому осмыслению НФ: на одних лишь обсуждениях внутриклубных дел и забот — не выдохнутся ли, и очень скоро, наши встречи?

...Перефразируем в заключение призыв М. Якубовского: давайте перестанем вариться в собственном соку, давайте превращать наши внутренние праздники — в праздники для всех, — ведь лишь тогда они и станут настоящими праздниками!

Виталий БУГРОВ,
 редактор отдела фантастики.

Кто он — рабочий «Рядовой»?

Михаил
ЖОХОВ

А. С. Самохвалов

Напечатанная в «Уральском слеподопыте» № 2 за 1980 год заметка Исаия Каплуна «Благодарность рабочих», несомненно, запомнилась читателям, ибо в ней рассказывалось о такой выдающейся личности, как Михаил Васильевич Фрунзе. Привлекла она внимание и военных историков: в заметку был включен документ — письмо шуйского рабочего «Рядового» депутату III Государственной думы Н. Л. Скалозубову, — который ранее не был известен. В связи с этим публикация требует продолжения, пояснений, некоторых уточнений. Кто он, рабочий «Рядовой»? Когда и почему он обратился к тобольскому депутату? Какова роль Скалозубова в решении судьбы Фрунзе?

Большевик «Арсений» (М. В. Фрунзе) был арестован рано утром 24 марта 1907 года в городе Шуе за революционную деятельность, а не «по ложному показанию — якобы за участие в покушении на урядника», говорилось в заметке. Обвинение было выдвинуто спустя полтора года после ареста. Кстати, Фрунзе и его товарищ Навел Гусев в самом деле стреляли в ненавистного урядника Перлова. Произошло это 21 февраля 1907 года, но стреляли в горячах и издали, урядник не пострадал. На следствии и суде Фрунзе и Гусев категорически отрицали свою причастность к покушению, а доказательства у потерпевшего были очень шаткие. Тем не менее военно-окружной суд, состоявшийся во Владимире 26—27 января 1909 года, приговорил обоих обвиняемых — М. В. Фрунзе и П. Д. Гусева — к смертной казни через повешение.

Чудовищный приговор вызвал бурный протест как рабочих масс, так и демократической общественности России. В главное военно-судебное управление и другие инстанции поступило множество телеграмм, писем. За своего студента Фрунзе вступилась группа профессоров Петербургского политехнического института. В его защиту выступил в печати писатель В. Г. Короленко. Не давали властям покоя мать Фрунзе Мавра Ефимовна и сестра Людмила. К широкому протесту присоединился и тобольский депутат III думы Н. Л. Скалозубов.

Вернемся к письму «Рядового». В журнале оно приводится в сокращенном виде, полный же текст, хранящийся в Тобольском архиве, содержит дополнительные сведения. Оказывается, автор письма узнал ходатайстве Скалозубова за Фрунзе из газеты «Биржевые ведомости», потому и обратился к нему с благодарностью. Письмо датировано 13 февраля 1909 года — тоже немало важная деталь.

Высоко ценя смелый и гуманный поступок Н. Л. Скалозубова, следует все же сказать, что в журнальной заметке его личная роль в судьбе М. В. Фрунзе преувеличена. Заметка заканчивается так: «Выяснив все обстоятельства, Николай Луквич пишет телеграмму московскому генерал-губернатору о том, чтобы он отменил и смягчил приговор. В результате... смертный приговор был отменен». Обстоятельства же складывались куда сложнее.

Сразу после суда адвокат А. А. Эрн по инициативе и с согласия подзащитных подал кассационную жалобу в главный военный суд, указав в ней ряд нарушений процессуальных норм. Московский генерал-губернатор Гершельман учитывал, очевидно, накал общественного мнения и кассационную жалобу пропустил. И главный военный суд не смог ее отклонить. Суд отменил приговор и назначил новое рассмотрение дела.

Вторично дело о нападении на урядника разбиралось во Владимире же 22 сентября 1910 года. Приговор опять был суровейший — к смерти. Снова поднялась волна общественного возмущения. На этот раз генерал-губернатор своей властью смягчил решение суда, заменив смертную казнь Фрунзе шестью годами и Гусеву — восемью годами каторги.

П. Д. Гусев скончался во Владимирской тюрьме в 1916 году, 29 лет от роду.

В промежутке между этими двумя судами состоялся — в феврале 1910 года — политический процесс по делу Иваново-Вознесенского союза РСДРП. Как главных обвиняемых, М. В. Фрунзе был приговорен к четырем годам каторжных работ,

И фактически Михаил Васильевич отбывал каторгу до апреля 1914 года, после чего был отправлен на поселение в Сибирь.

Из ссылки Фрунзе бежал, вновь включился в активную революционную работу. Он был в гуще октябрьских событий 1917 года в Минске, Шуе, Москве, на фронтах гражданской войны проявил себя талантливым полководцем, а последний год своей жизни (1925) был народным комиссаром по военным и морским делам СССР.

Осталось ответить на вопрос, кто такой рабочий «Рядовой»? Под этим псевдонимом в истории революционного движения известен Александр Стенанович Самохвалов (1886—1950). Были у него и другие подпольные имена — Малыш, Малец. В большевистскую партию он вступил в 1905 году — 19-летним. Участвовал в знаменитой политической стачке иваново-вознесенских текстильщиков. Был агитатором, боевиком. Неоднократно подвергался репрессиям. Свое письмо Н. Л. Скалозубову отправил, находясь в Нижнем Новгороде под надзором полиции, потому и подписался не подлинной фамилией, а псевдонимом. Осенью 1910 года был приговорен судом к году каторги. По выходе из тюрьмы работал в газете «Нижегородский листок». Затем был слушателем местного Народного университета и закончил его по литературному отделению. После Октябрьской революции занимал ответственные посты в партийных и советских органах. Написал и опубликовал ряд статей и очерков историко-мемуарного характера.

Дар соляных магнатов

Михаил
ФИЛИМОНОВ

В октябре 1980 года научная библиотека Томского университета, одна из крупнейших университетских библиотек страны, отметила 100-летие со дня основания. В книжном фонде ее насчитывается более 3,5 миллиона книг и журналов по различным отраслям знаний. Среди них — редчайшие издания и рукописные книги XV—XVIII веков, выдающиеся памятники русской и мировой культуры.

Книжный фонд библиотеки начал складываться стихийно, за счет пожертвований и случайных приобретений еще до официального решения об учреждении университета в Томске в мае 1878 года. Первым крупным и ценным вкладом в фонд библиотеки был дар графа А. Г. Строганова (1795—1891), который в 1875 году передал будущему университету в Сибири родовую библиотеку, насчитывавшую 7523 названия в 22626 томах. Библиотека эта в конце XVIII века перешла по наследству его отцу Г. А. Строганову (1770—1857), бывшему долгое время посланником России в Мадриде, Константинополе и Париже. Значительно пополненная лучшими изданиями, выходящими в Европе, библиотека после кончины графа досталась его сыновьям А. Г. и С. Г. Строгановым, у которых имелись свои огромные библиотеки, и в родовом собрании книг они особенно не нуждались. Поэтому, в ожидании раздела, книги были уложены в ящики и помещены на хранение в склады Гостиного двора в Петербурге.

Имеются сведения о том, что Строгановы намеревались эту библиотеку продать, но не нашелся такой покупатель, который гарантировал бы ее устройство в одно место, не дробя по частям.

О том, что ценнейшее собрание книг находилось не у дел, узнал будущий строитель Томского университета профессор В. М. Флоринский. Осенью 1875 года, находясь в Одессе, он встретился с проживавшим там А. Г. Строгановым и напомнил ему, что знаменитый род Строгановых триста лет назад принимал деятельное участие в снабжении Ермаковых дружин материальными средствами, продовольствием и оружием для разгрома Сибирского царства Кучума и было бы логичным, если бы ныне живущие потомки Строгановых вручили Сибири духовный дар. Это похлестало графу, и он не замедлил дать согласие.

Весной 1880 года, по последнему санному пути, Российская контора транспортирования кладей доставила строгановскую библиотеку в Томск. Поскольку тогда Томский университет числился только на бумаге, то книги временно сгрузили в кладовые так называемого биржевого корпуса Томского гостиного двора, где они хранились пять лет — до завершения строительства здания университета. Так, ценнейшее книжное собрание, еще в XVIII веке считавшееся одним из лучших частных собраний в Европе, оказалось в Томском университете и ныне хранится в книжном фонде его научной библиотеки.

Родовая библиотека Строгановых почти целиком состоит из редких и редчайших изданий. В ней имеются наиболее значительные произведения по гуманитарным и частично естественным наукам, которые издавались в XVIII и первой половине XIX веков в европейских странах на французском, немецком и английском языках.

Большую ценность представляют первые и прижизненные издания произведений французских просветителей и философов-материалистов XVIII века — Вольтера, Дидро, Руссо, Монтескье, Д'Аламбера, Гельвеция, Гольбаха.

В собрании Строгановых имеется полное посмертное издание сочинений Вольтера в двух форматах: в 70 томах (1784—1789) и в 90 томах (1785—1789). Последнее издание было осуществлено выдающимся французским драматургом Бомарше, потерпевшем на нем более миллиона франков убытка. Семидесятитомное издание снабжено великолепными гравюрами по рисункам Моро.

В библиотеке Строгановых хранятся два небольших томика, содержащие работы Марата, издан-

ные при его жизни: «Физические исследования об огне» (Париж, 1780) и «Физические исследования об электричестве» (Париж, 1780)¹. Обе книги представляют собой большую библиографическую редкость.

К числу редкостей следует отнести также прекрасно сохранившийся полный комплект первого издания знаменитой французской «Энциклопедии наук, искусств и ремесел», издателями и авторами многих статей которой были Дидро и Д'Аламбер. Издание выходило с 1750 по 1780 год в разных городах Европы. Строгановский экземпляр состоит из 35 томов в 70 переплетах. Все тома формата малого фолыо переплетены в красный сафьян с золотым обрезом и тиснением по корешкам.

Из множества редких изданий художественной литературы, вошедших в книжное собрание, назовем драматические произведения Вильяма Шекспира в 15 томах (Лондон, 1793), снабженные большим количеством гравированных рисунков, четыре тома избранных басен Лафонтена (Париж, 1755—1759), где каждая басня иллюстрирована гравюрой в лист, комедии Карло Гольдони в 34 томах (Турип, 1772—1778).

Обширное собрание пьес французских авторов представлено в двух сериях: «Репертуар французского театра» состоит из 213 томов (Париж, 1813—1825); «Драматическая Франция XIX века» (Париж, 1834—1853) содержит свыше тысячи пьес, сброшюрованных в самостоятельные обложки.

Редкие издания исторического и политического содержания в библиотеке Строгановых весьма многочисленны, поэтому перечислим лишь наиболее существенные.

«Собрание договоров о мире, перемирии, нейтралитете, о прекращении военных действий, о союзе, гарантиях и других общественных актов...» (Амстердам, 1700) в четырех томах размером большого фолыо. Каждый том в кожаном переплете с золотым бордюром и тиснением. Издание содержит ценнейший документальный материал об отношениях между государствами начала XVIII века и является очень редкостным.

«История настоящего времени или собрание политических брошюр и памфлетов» (1647—1652) заключена в 12 объемистых томах и содержит брошюры, памфлеты, листовки и другие документы, отражавшие борьбу против абсолютизма во Франции в середине XVII века.

«Историки Италии. Собрал Лю-

¹ Название книг и собраний дается в свободном переводе на русский язык.

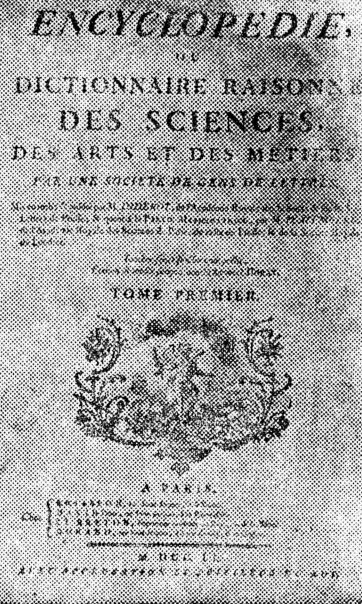
довик Антонио Мураторий...» (Милан, 1723—1750). Многотомный учебный труд содержит публикации рукописей (летописей, хроник, дневников, жизнеописаний и т. п.), относящихся к истории Италии и других государств Европы за период с 500 по 1500 год. В ряде томов имеются материалы о знаменитой семье Борджиа. Двадцать восемь объемистых томов фоллио переплетены в гладкий белый пергамент с накладными титулами и золотым тиснением на корешках. Типографское оформление всего издания отличается пышностью и красотой; бумага превосходного качества, печать крупная и четкая. Каждый том имеет фронтиспис и содержит множество гравированных рисунков, портретов, факсимиле.

В 1934 году сибирский писатель Г. А. Вяткин поместил в журнале «Сибирские огни» статью о Томском университете, в которой упомянул об этом многотомном издании. А. М. Горький, внимательно следивший за культурной жизнью Сибири, написал автору статьи: «В статье Вашей о Томском университете Вы сообщаете, что в его библиотеке хранятся записки о семье Борджиа, — Вы самолично видели эти записки? Если так, то это была бы замечательная находка! Не сообщите ли каких-либо подробностей по этому поводу». Удивление А. М. Горького, вызванное сообщением Г. А. Вяткина, говорит о большой редкости названного издания.

Немалый интерес для историков представляют печатные документальные материалы периода Французской буржуазной революции конца XVIII века, находящиеся в рассматриваемом собрании. К ним относятся: печатные декреты и законодательные акты обоих национальных собраний — Конвента и Директории, протоколы, отчеты, речи, договоры за 1787—1795 годы, некоторые периодические издания той поры (газеты, журналы, альманахи), отражавшие на своих страницах революционные события, мемуары современников и деятелей революции.

Во время Французской буржуазной революции конца XVIII века огромную роль играла парижская пресса. Почти все события революции сразу же находили свое отражение на страницах парижских газет и журналов и регистрировались с летописной точностью. Поэтому периодика тех дней может быть полностью отнесена к категории документальных источников.

В библиотеке Строгановых есть полный комплект ежедневной парижской газеты «Монитор» почти за 80 лет — с 5 мая 1789 по 1868 год включительно без единого пропуска. В номерах этой газеты, вышедших за годы революции, мы находим самые разнообразные материалы:

отчеты о заседаниях национальных собраний, органов законодательной и исполнительной власти, правительственные декреты, речи депутатов, корреспонденции из городов Франции и из других государств, парижскую хронику, военные сводки... Газета широко освещала вопросы внешней политики Франции, печатала статьи о науке и искусстве, помещала рецензии на вышедшие книги.

Комплект газеты разделен по полугодам и оформлен в красивые полужокозные переплеты с золотым тиснением по корешкам. К некоторым номерам «Монитера» за первые десять лет приложены прекрасные гравированные портреты-иллюстрации деятелей революции, известных исторических лиц и ученых. Гравюры соответствуют формату газеты и состоят из трех частей: портрета в круглом медальоне, изображения наиболее яркого эпизода из жизни данного лица и биографического текста к нему. Имеются гравированные портреты Марата, Робеспьера, Дантона, Демулена, Кондорсе, Лавуазье, Мирабо, Лафайета — всего шестьдесят восемь гравюр. Полного комплекта этой газеты с приложенными гравюрами в крупнейшей книгохранилища нашей страны обнаружить не удалось, по-видимому, их вставляли при переплете владельцы библиотеки.

Сохранился комплект и другой, еженедельной парижской газеты — «Парижские революции» (с 17 октября 1789 по 28 февраля 1794 год), переплетенный в 15 томов. Газета отличалась левым направлением, была одним из самых серьезных ор-

ганов печати, вышедших в годы революции. Любопытен эпиграф газеты: «Великие только потому кажутся нам великими, что мы на колених. Поднимемся же!»

К числу редкостей Строгановского собрания следует отнести 87-томную серийную публикацию, вышедшую в 20-х годах XIX века в Париже под общим заглавием «Коллекция мемуаров, относящихся к французской революции, со сведениями об их авторах и историческими пояснениями Бервиля и Барьера», в составе публикации имеются три тома с самостоятельным заглавием — «Неизданные бумаги, найденные у Робеспьера, Сен-Жюста, Пейзана, вычеркнутые или опущенные у Куртуа... с большим количеством факсимиле...» (Париж, 1828). По некоторым сведениям эти три тома являются большой редкостью, так как вышли небольшим тиражом.

В книжном собрании Строгановых находятся два многотомных издания первой половины XIX века, относящиеся к древностям, естественной истории, архитектурным памятникам и эпиграфике Египта и Нубии.

«Описание Египта» включает 25 томов текста, к которым приложены 11 роскошно оформленных альбомов гравюр на меди, всего около тысячи рисунков и зарисовок. В них нашла свое отражение вся жизнь Египта того времени. Материал этот был собран необычным путем. В мае 1798 года из французского порта Тулон с большими предосторожностями отплыла в Египет экспедиционная армия Наполе-

«Шекспир в эстампах». Гравюра к одной из пьес Шекспира.

она. В ее составе, кроме 38 тысяч солдат и офицеров, было 175 ученых, писателей, художников. Египетский поход Наполеона преследовал военно-политические цели: завоевание Египта и создание угрозы английскому владычеству в Индии. Но военные операции французской армии потерпели неудачу — более семи тысяч солдат навеки остались в песках пустыни на берегах Нила. Зато ученые, художники и писатели собрали исключительно ценный научный материал, приподнимавший завесу над тайнами древней истории Египта и значительно пополнивший знания о природе, животном мире и быте народа этой страны. Найденный знаменитый «Розетский камень» положил начало новой науке — египтологии.

Первое издание «Описания Егип-

та» вышло с 1803 по 1828 год, но уже в 1820 году началось печатание второго издания, которое было завершено в 1830 году. Научная библиотека располагает вторым изданием. Оба издания «Описания Египта» вышли небольшим тиражом и представляют собой редкость.

К числу исключительных редкостей строгановской библиотеки относятся и художественные альбомы гравюр к произведениям Шекспира, выполненные в конце XVIII и начале XIX веков.

«Шекспир в эстампах» — так озаглавлены два альбома, содержащие 67 листов великолепных гравюр на меди к 27 пьесам Шекспира, наклеенных на отдельные листы бумаги. На каждой гравюре имеется фамилия художника, гравера и издателя, дата выпуска и название пьесы. Это

так называемая «Большая Бойделевская галерея».

В конце XVIII века лондонский антиквар и букинист Джон Бойдель (1719—1804) открыл гравёрную мастерскую с целью создания иллюстраций ко всем пьесам Шекспира. В свою мастерскую он привлекал лучших художников и гравёров Англии. С 1787 по 1804 год было выпущено около ста гравюр, которым издатель дал обобщенное название «Собрание оттисков картин, иллюстрирующих драматические произведения Шекспира».

Французская революция, а затем война Франции с Англией лишили Бойделя европейского книжного рынка, и гравюры не пользовались ожидаемым спросом. Предприятие стало убыточным, и гравюры пришлось пустить в продажу

в разрозненном виде, а часть разложить в лотерею. Понывшие в частные руки разрозненные гравюры не всегда тщательно хранились и с течением времени исчезали. Поэтому сохранившиеся у Строгановых такое количество гравюр, по-видимому, является уникальным. К этому следует добавить, что все они самого высокого качества, вероятно, приобретались из числа первых и лучших оттисков.

Не менее ценными являются великолепные альбомы гравюр с картин, находившихся в музеях и картинных галереях Франции, Италии и Германии. Вот несколько названий альбомов.

«Флорентийская галерея» (Флоренция, 1841—1848). Гравюры на меди с 329 картин оформлены в пять объемистых томов большого фоллио в сафьяновом переплете с золотым бордюром и художественным тиснением. Обширный пояснительный текст к каждой картине составлен Александром Дюма.

«Дрезденская галерея» в двух выпусках (Дрезден, 1753—1757; 1835). В обоих выпусках помещено более 300 листов великолепных литографированных репродукций с картин Дрезденской галереи.

Почти все книги и альбомы строгановской библиотеки занесены в рукописные каталоги (алфавитный, систематический и хронологический). Они прекрасно оформлены: переплеты изготовлены из светло-коричневой и красной кожи, тиснение и обрез — золотые. Но самыми примечательными являются три парадных тома систематического каталога (первый том весит около 30 килограммов). Художественно выполненные переплеты этих томов из светло-коричневой кожи обильно украшены золотом и черным тиснением, форзацы — из голубого мюара, на местах титулов начертаны тушью элементы герба Строгановых.

Каталог был составлен представителями трех поколений Строгановых: Александром Сергеевичем, его сыном Григорием Александровичем и жертвователем Александром Григорьевичем. Последняя по времени запись в каталоге сделана 27 апреля 1850 года. Можно предположить, что после этой даты родовая библиотека уже не пополнялась.

На всех книгах по середине оборота верхнего переплета наклеен герб Строгановых, большей частью — графский. Герб имеет форму щита с возложенной на него графской короной, которую поддерживают два соболя. В верхнем правом углу щита — медвежья голова, обращенная в правую сторону. Под щитом девиз: «Земля и богатство — отечеству, себе — слава».

Он первым описал Аляску

Владимир АКИМОВ

В селе Василеве на Рязанщине прошло детство Александра Авинова. На десятом году жизни его, по ходатайству дяди — вице-адмирала Скуратова, определили в Морской корпус. Уже в возрасте 14 лет за блестящие успехи в морском деле он получил звание гардемарина, а на следующий год ему разрешают отправиться в плавание. С этого дня, по существу, началась блестящая карьера будущего адмирала. Около трех лет, начиная с 1804 года, мичман Авинов плавал на военных судах, а в 1805 году принял участие в Трафальгарском сражении против французов.

...Летом 1819 года из Кронштадта в дальний путь отправлялись две крупные морские экспедиции. Четыре шлюпа были готовы к походу — «Восток», «Мирный», «Открытие» и «Благонамеренный». Два первых корабля уходили под командованием известных исследователей-мореплавателей Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. И. Лазарева к Южному полюсу, два других под командованием М. Н. Васильева составляли так называемую северную дивизию, в задачу которой входило исследование Берингова пролива и определение пути в Атлантику вдоль берегов Северной Америки. Участником этой экспедиции стал и 33-летний Александр Авинов, назначенный старшим офицером на шлюп «Открытие».

Пройдя Берингов пролив, корабли вошли в Северный Ледовитый океан, где до этого не был ни один из мореплавателей. Здесь корабли встретили сплошные, непроходимые льды. Уже обледеневшие, они, однако, благополучно возвратились на зимовку в порт Ново-Архангельск. Для продолжения исследований у берегов Русской Америки, так называли в то время Аляску, был снаряжен небольшой бот, командование которым принял на себя А. Авинов.

Выходить в море на таком суденышке было величайшей дерзостью. Палубу все время заливало водой, команда по несколько дней не могла развести огня, чтобы при-

готовить пищу и обсушиться. За время плавания русские моряки составили первое описание Аляски и нанесли на карту ее берега, провели ценнейшие гидрографические исследования и определили географическое положение многих, до того неизвестных земель. Так, моряки наткнулись на неизвестный ранее европейцам большой остров Нунивок. А. Авинов определил географическое положение острова и описал его. На острове был установлен флагшток с русским флагом.

...В 1827 году по настоянию русских объединенная русско-англо-французская эскадра вошла в Наваринскую бухту на юго-западном берегу Нелопонесса, чтобы защитить восставших греков от засилья турок и заставить египетский флот уйти из Греции.

Русская эскадра с флагманским кораблем «Азов» во главе вошла в бухту. Следом в кильватерной колонне шел линейный корабль «Гангут» под командованием А. Авинова. Моряки 84-пушечного «Гангута» смело вступили в бой с превосходящими силами противника и потопили четыре вражеских корабля. За активное участие в этом сражении А. Авинов был награжден несколькими иностранными орденами и произведен в капитаны I ранга. Позднее он стал адмиралом. Умер Александр Павлович Авинов в Петербурге 25 сентября 1854 года.

На снимке: адмирал А. П. Авинов.

Найдено в Темирском кургане

**Андрей
БЕЛИКОВ**

Фото
Г. Здановича

В мае 1982 года управляющий Темирским отделением совхоза «Березинский» (Челябинская область) дал распоряжение трактористу А. И. Байгазову разровнять на пашне курган. На третий день работы тракторист услышал скрежет металла: из земли ножом бульдозера был вынесен котел, к несчастью, частично разрушенный трактором. находка насторожила механизатора. Он стал работать аккуратнее и вскоре обнаружил еще одну посудину. Объем каждой составлял не менее двадцати литров.

Работа была приостановлена, о находках извещены сотрудники Урало-Казахстанской археологической экспедиции.

Предварительное исследование показало, что котлы отлиты по довольно сложной технологии из бронзы (сплав меди и олова). Изготовлены они в V—VI веках до нашей эры. В кургане пролежали более 2,5 тысячи лет. Котлы служили для приготовления пищи и, возможно, использовались для жертвоприношений. По верхней части они имеют орнамент, внизу — подставку, оба снабжены ручками. У одного ручки выполнены в виде звериных фигурок.

Как и предполагали археологи, первые же дни работы на кургане показали, что под огромной насыпью находится древнее захоронение. Вскоре показались отдельные части человеческого скелета. Опытный глаз определил, что захоронение когда-то разграбили. Следы этого виднелись повсюду.

Постепенно расширяя раскопки центральной части захоронения, археологи обнаружили железное копье, принадлежащее, по всей видимости, погребенному.

Затем показались еще два скелета. Оба были целыми. Один лежал вдоль северной стены ямы, головой на запад. Это был скелет 14—16-летней девушки. На запястьях обеих рук — по бронзовому брас-

лету, на черепе — несколько бусинок. По всей видимости, голову умершей украшали бусы. Обнаружены серьги — камешки овальной формы со сквозными отверстиями диаметром не более миллиметра. Несмотря на то, что они пролежали в земле более двух тысяч лет, красно-желтый цвет и полировка сохранились.

Найденный колчан, судя по истлевшим остаткам, был изготовлен из кожи. Внутри, плотно прилекая друг к другу, находились до ста бронзовых, хорошо сохранившихся острых наконечников стрел. Все они прочны, отлиты по единой форме, а в передней части имеют отверстие, за счет которого при полете издавался особый угрожающий свист. Видимо, уже тогда древние жители южноуральских степей в совершенстве умели выплавлять и обрабатывать бронзу.

Рядом обнаружен металлический предмет, напоминающий величиной и формой гирию часов-ходиков. Назначение его пока не выяснено. На краю захоронения лежало бронзовое зеркало диаметром около 13 сантиметра. Когда-то оно было вложено в кожаный чехол. Здесь же найден второй колчан со стрелами и морская раковина. Чуть в стороне находилась амфора. Ее объем не более трех литров.

Теперь, когда закончены предварительные работы, можно утверждать, что могила являлась семейной усыпальницей родо-племенной знати сарматских племен, которые жили в этих местах в V—VI веках до нашей эры. В таких могилах, покрытых сверху огромным земляным курганом, хоронили вождей племени.

Темирский курган представляет собой интересное сооружение. В первоначальном виде над могильной ямой возвышалась сложная деревянная конструкция, которая со всех сторон была покрыта слоем земли толщиной в несколько метров,

С южной стороны находился вход (дромос) длиной до четырех метров, снабженный дверью. Высота от пола могилы до верхнего перекрытия составляла более двух метров. Многометровый слой земли позволял удерживать постоянную температуру и влажность воздуха. Первоначальная высота кургана была не менее пяти метров.

Курганы, подобно Темирскому, в границах Челябинской области обнаружено и нанесено на карту 18. Пройдет время, и немалое, пока они будут вскрыты и изучены. Бесспорно одно, что все курганы хранят интереснейшую информацию о жизни племен, населявших приуральские степи в далекие времена.

На снимках: котлы, найденные в Темирском кургане.

Партизаны братья Фигнеры

**Виталий
ПАШИН**

Кто был прототипом Долохова в романе Л. Толстого «Война и мир»? На этот вопрос до сих пор нет однозначного ответа. Одни литературоведы склонны отдать предпочтение И. Дорохову, другие — А. Фигнеру, третьи — А. Сеслаину. Костромской краевед В. Бочков нашел еще одного претендента, характер и жизненные перипетии которого наиболее соответствуют биографическим деталям литературного героя. Это — младший брат Александра Фигнера Владимир.

После смерти отца Самуила Фигнера семейный совет порешил пятнадцатилетнего недоросля Владимира определить на военную службу под начало брата — А. Фигнера, поручика артиллерии. Во время Отечественной войны 1812 года сформированный А. Фигнером партизанский отряд успешно действовал в тылу врага. Дерзкие вылазки, неожиданные рейды, лихие атаки снискали его командиру славу легендарного храбреца.

С первого до последнего дня существования отряда рядом со старшим братом сражался и прапорщик Владимир Фигнер. Бесшабашный волокита и бретер, он за участие в дуэли был лишен наград и разжалован в рядовые. Но вскоре беспримерной храбростью в сражениях вернул себе офицерское звание. Генерал Ермолов любил Владимира и считал его очень похожим на погибшего в 1813 году брата Александра. Вот это мнение Ермолова, очевидно, и послужило Л. Толстому основанием объединить в образе Долохова черты характеров двух братьев Фигнеров.

В. Бочков, исследуя фонды Костромского архива, собрал обширный материал о семействе Фигнеров. Выяснилось, например, что был еще и третий брат — Николай, тоже участник Отечественной войны с первого ее дня, тоже отважный воин, убитый в бою всего за несколько дней до гибели Александра. Но наиболее любопытная находка ожидала краеведа в Пскове (Псковщина была колыбелью рода Фигнеров).

В местном архиве В. Бочков обнаружил формулярный список Владимира Фигнера, где подробно отражено его участие в боях с французами под командованием брата. Историческая ценность этого документа еще и в том, что здесь перечислены все населенные пункты, близ которых партизаны проводили свои боевые операции. Теперь историки имеют возможность с большей степенью точности проследить боевой путь отряда Александра Фигнера.

Владимир Фигнер, выйдя в отставку, поселился в сельце Марьинское Костромской губернии, где было имение его матери. Недавние следопыты нашли на сельском кладбище и привели в порядок могилу отважного партизана. На мраморном памятнике восстановлена надпись «Владимир Самойлович Фигнер. 1796—1859».

ДЕРЗНОВЕНИЮ ПОДОБНО

**Ирина
ЛЕГОНЬКОВА,
Аркадий
КОНТОРОВИЧ**

При создании «Медного всадника» — знаменитого памятника Петру I — возникла проблема пьедестала. Вначале автор монумента скульптор Э. М. Фальконе предполагал использовать скалу, сложенную из нескольких камней, но затем отказался от такого решения. Скульптор пришел к твердому убеждению, что подножие конной статуи должно быть монолитным.

Через некоторое время крестьянин Семен Вишняков сообщил, что около Лахты (вблизи Петербурга) есть подходящая гранитная скала — Гром-камень. Название она получила, когда однажды была расколота молнией.

Внешний вид обросшего со всех сторон мхом дикого камня производил сильное впечатление. Фальконе, осмотрев монолит, пришел в

восторг. В сентябре 1768 года в Лахту была направлена специальная команда рабочих людей. Вырытый камень имел внушительные размеры: длина 13, ширина 8 и высота 6,5 метра. Оказалось, пьедестал потребует удлинить с помощью приставок. Для них использовали отколотую молнией часть. Первоначальный вес монолита составлял 1600 тонн, после черновой обработки он уменьшился почти вдвое.

Весьма сложной задачей оказалось перемещение камня. Однако способ был найден. Его сущность заключалась в следующем: в два параллельно уложенных деревянных желоба, обитых медью, через определенные промежутки поставили бронзовые шары, которые накрыли сверху такими же желобами. На них установили решетку из толстых бревен, а на нее — монолит. Решетку с камнем передвигали канатами и воротами.

Перевозка Гром-камня стала событием. Многие жители Петербурга выезжали в Лахту и часами наблюдали за работами. Скорость движения камня колебалась от десятков до нескольких сотен метров в день. Любопытно, что во время перевозки монолита на нем постоянно работали каменщики. В общей сложности отделкой и перевозкой Гром-камня к берегу Финского залива было занято свыше тысячи человек. Наконец через четыре месяца будущий пьедестал «Медного всадника» прибыл к пристани. Было построено специальное судно. Чтобы судно не перевернулось при погрузке, его затопили, затем установили монолит и выкачали воду. По обе стороны судна были поставлены парусники, и необычная флотилия отчалила.

26 сентября 1770 года пьедестал прибыл к месту назначения.

Выгрузка, как и погрузка, сопровождалась немалыми трудностями.

Пьедестал установили. В честь этого события была выпущена памятная медаль с надписью: «Дерзновению подобно».

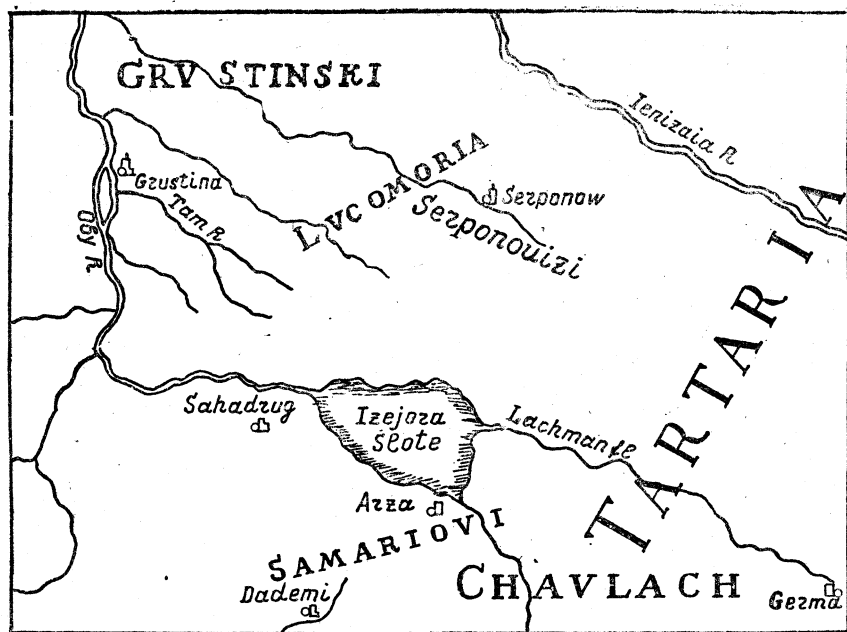
В начале XVI века в России дважды побывал австрийский посол Сигизмунд Герберштейн. Он владел русским языком и сумел собрать различные сведения о России, которые затем опубликовал в своих «Записках о Московии». В них он коснулся также Зауралья и привел ряд весьма любопытных подробностей о стране Лукомории, расположенной за рекой Обью, и о живущих там лукоморцах.

Герберштейн полагал, что река Обь вытекает из очень большого озера и имеет в ширину... 80 верст. Далее он сообщает, что от устья Иртыша до крепости Грустины два месяца пути и от нее до озера рекой Обью еще более трех месяцев пути. За Обью есть еще крепость Серпонов и далее в горах лежит Лукомория, в которой живут лукоморцы.

«Сказывают, что с людьми Лукомории,— пишет Герберштейн,— происходит нечто удивительное, весьма похожее на басню: как носится слух, они каждый год умирают, именно 27 ноября, когда у русских празднуется память св. Георгия, и потом оживают как лягушки большей частью 24 апреля. Грустинцы и серпоновцы ведут с ними торговлю необыкновенным, неизвестным в других странах способом. Ибо, когда у них наступает определенное время умереть или заснуть, они складывают товары в известном месте, а грустинцы и серпоновцы уносят их, оставляя вместо них свои товары и делая равный обмен. Возвращаясь к жизни, лукоморцы требуют назад свои товары, если лукоморцы находят, что им сделана неправильная оценка; от того возникают между ними весьма часто ссоры и войны».

В «Записках» Герберштейна находим и еще более удивительные сведения.

«Из Лукоморских гор вытекает река Коссин, при устье которой находится крепость Коссин; ею прежде владел князь Венца, а теперь его сыновья. Туда до истоков большой реки Коссин два месяца пути. Вместе с этой рекой

Легенда о сибирской Лукомории

**Михаил
РОЗЕН**

берет начало другая река Кассима и, протекши через Лукоморию, впадает в большую реку Тахнин, за которой по рассказам живут люди чудесного вида: у одних, как у диких зверей, все тело поросло волосами, у других собачьи головы, у иных совершенно нет шеи, на месте головы грудь, нет ног, а длинные руки. Есть в реке Тахнине одна рыба с головою, глазами, носом, ртом, ногами и прочим — по виду совершенный человек, однако без голоса; она, как и другие рыбы, доставляет приятную пищу».

Где же нашел путешественник

такую кучу небылиц? Герберштейн отвечает на этот вопрос:

«Все, что я говорил до сих пор, переведено мною дословно из доставшегося мне русского дорожника, хотя в этих известиях некоторое кажется баснословным и едва вероятным».

На опубликованной Герберштейном в 1549 году карте России изображен Уральский хребет и за ним река Обь, вытекающая из громадного озера. Но ни Лукомории, ни крепостей Грустины и Серпонов Герберштейн на карте не показал. Однако многие иностранные картографы поверили в

существование страны Лукоморин и крепостей Грустина и Серпонов. На картах, которые издавались в XVI—XVII веках, между Обью и Енисеем показаны и Лукомория и загадочные крепости.

Естественно возникает вопрос, как могла быть создана легенда, которую привел Герберштейн, где искать ее истоки? Где найти объяснение, почему за Обью оказалась страна, названная Лукоморией?

Лукоморье — это лука у моря, изгиб, поворот берега, морской залив.

Может быть, слово лукоморье было как-то переосмыслено и переселилось от морских берегов внутрь страны?

Вспоминается всем хорошо известное лукоморье А. С. Пушкина. Слово это поэт заимствовал из няниной сказки. В книге хранителя Пушкинского заповедника С. С. Гейченко, названной им «У лукоморья», имеется рассказ с таким же названием, в котором он пишет, что недалеко от Тригорского, между Соротью и Великой, в том месте, где берега Великой широко расходятся, располагается красивое лукоморье, а у лукоморья — небольшая старинная деревушка. Гейченко утверждает, что слово лукоморье из псковского народного говора в значении «излучина, поворот реки, мыс».

В Маревском районе Новгородской области есть топоним. лукоморье — сухая низина, окруженная холмами.

Очень давно, выходит, слово лукоморье переселилось с берегов моря в глубь страны, вошло в старинное сказание, из него попало в книгу Герберштейна, а затем — на карты Сибири. Даже крупнейший фламандский картограф Герард Меркатор на своих картах России (1569 и 1595 гг.) показал, что за восточным берегом Оби находится обширная область «Лукомория».

Легенда, приведенная Герберштейном, как бы перекликается с другим старым русским сказанием, опубликованным в 1890 году профессором Д. Н. Анучиным.

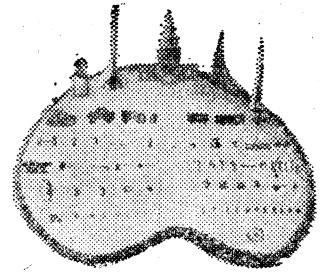
В этом сказании, полном различных чудес, есть место, в котором говорится, что в верховьях Оби имеется озеро, на нем стоит град велик, но без жителей, хотя в каждом дворе имеется питье и еда и много всякого товара. И кому что надо, тот берет товар, оставляя цену против него и прочь отходит. Но кто без цены что-нибудь возьмет и уйдет, то товар у него исчезает и возвращается на старое место.

Это сказание, считает Д. Н. Анучин, было создано в древности новгородцами. В нем есть что-то общее со сказанием, приведенном Герберштейном. И это, еще раз подтверждает мысль, что легенда из старого дорожника также новгородского происхождения.

Новгородцы первыми, задолго до Ермака, ходили за Урал и приносили первые известия о бескрайней далекой стране. В этих известиях правда и действительность сплетались с рассказами о далеких, полных чудес неизведанных землях, с загадочными географическими названиями.

На рисунке: фрагмент карты Г. Сансона, опубликованной в Риме в 1688 году, между Обью и Енисеем показана обширная Лукомория.

НА МАКОВОМ ЗЕРНЫШКЕ

Искусство микроминиатюры удивляет каждый раз. Среди миниатюристов М. Маслюк из города Жмеринки пользуется особым авторитетом. Недавно он удивил и фотографов. Его фотоаппарат открывает парад разнообразных фотокамер из коллекции Московского Политехнического музея. Аппарат действующий. Размеры — с полностью на мизинце, формат кадра негатива и того меньше. Есть устройство для наматывания пленки. Но даже самая тонкая пленка не может согнуться в таком «ящичке», так что пришлось мастеру вырезать маленькие пластинки. Держать такой механизм в руках неудобно, нажимать на спуск — тем более. Но снимки все же получаются. Женский портрет, сделанный им (печать контактная — 2,5×3,5 мм), экспонировался в Болгарии, Чехословакии, Японии.

А умелец пошел еще дальше: сделал другое фотоустройство и получает портреты в 25 раз меньше площади макового зерна. Маковое зерно стало и местом экспозиции целой выставки — 70 изделий заслуженного мастера народного творчества УССР Михаила Григорьевича Маслюка. Она побывает во многих странах.

Еще один набор М. Маслюка хранится и «работает» в Институте зоологии АН УССР: его инструментами там делают операции... пчелам. Мастер шутит: чтобы лучше опыляли мак.

Е. БИРЮКОВ

ШЕЛОМОВСКИЕ КИЛОМЕТРЫ

**Николай
ФРЕМОВ**

Собрался я однажды пойти на лыжах. В лесу встретил группу туристов, и один из них окликнул меня: «Ты почему один? Давай с нами!» Потом, вечером, когда расставались, он же пригласил меня в лес на следующий выходной, назвал номер телефона и сказал: «Спросишь Валерия Степановича». То ли ввела в заблуждение спортивная форма, то ли действительно так молодо выглядел лыжник, только подумал я тогда: «Можно бы в неофициальной обстановке и без отчества, молодой ведь...» Как же пришлось мне удивиться, когда узнал, что этому человеку за пятьдесят!..

Так двадцать лет назад познакомился я с Валерием Степановичем Шеломовым. Позднее не раз был свидетелем его неумной страсти — заразить всех болезнью странствий. В лесу, в электричке, на работе, в случайной встрече на улице — всегда и всех агитировал он в туристы. И немало преуспел в этом. В его группе можно встретить людей с самых разных предприятий Свердловска, хотя он сам всю жизнь проработал на Уралмаше. Поддерживает Шеломов связь и с туристами других городов: с кем-то свела судьба на Кавказе или в Саянах, с кем-то у костра завязалась дружба, скрепленная горячим чаем и «самодельными» туристскими песнями.

...В 1927 году началось его увлечение туризмом. Семнадцатилетний Валерий Шеломов, окончив на родине, в Пермской области, семь классов, приехал в Свердловск поступать в фабрично-заводское училище. До занятий оставалось несколько дней. В Свердловске в это время находился представитель Об-

щества пролетарского туризма и экскурсий — ОПТЭ, который предложил поступающим в фабрично-заводское училище подросткам пойти в туристский поход — на несколько дней, на Южный Урал. Не было тогда рюкзаков, спальных мешков и прочих принадлежностей туристского сервиса, шли с заплечными мешками.

С этого похода и начались шеломовские километры.

После ФЗУ — работа на Уралмаше. Токарь, контрольный мастер, старший мастер, начальник инструментального хозяйства, заместитель начальника и начальник цеха, начальник бюро и заместитель начальника отдела — таково продвижение по служебной лестнице. Без отрыва от производства окончены техникум и Уральский политехнический институт.

И через все эти годы пронесена любовь к туризму — пешеходному, лыжному, велосипедному. Занимался Шеломов и плаванием, и коньками. Одно время увлекся даже мотогонками, но после того, как однажды потерпел аварию, сломав два ребра, решил: ничего нет полезнее и здоровее туризма. Куда как лучше полагаться не на силу мотора, а на силы собственные.

В 1936 году Шеломов окончил организованную на Кавказе школу инструкторов альпинизма, руководил которой Виталий Абалаков. Дважды Шеломов возглавлял группы уралмашевских альпинистов в экспедициях на Кавказ, основал вместе с Я. Г. Бердичевским на Уралмаше первую на Урале секцию альпинизма и туризма. Секция туризма переросла в турклуб, альпинисты от туристов отделились. Для Шеломова

главным остался туризм: вплоть до начала войны руководил он секцией, а потом передал эстафету более молодым и, на все годы оставшись в составе комиссии по туризму при заводском комитете профсоюза, возглавил группу выходного дня.

Когда новички робко спрашивали, состоится ли поход, если погода будет плохая, ответ Шеломова был неизменен: «Хоть камни с небз». И только, пожалуй, камней и не было, все остальное было: дождь и снег, жара и мороз, пронизывающий до костей зимний ветер и непроходимая весенняя распутица. И еще чего не было, так ни одного случая несостоявшегося похода: из года в год, каждую неделю — как закон.

Можно не видеть Шеломова месяц или год, или даже пять лет, но если позвонить ему перед выходным, услышишь: «Сбор в восемь часов (или в семь, или в девять) у левых касс вокзала». Позвонить может любой, и любой получит ответ-приглашение — без лишних расспросов, без единого упрека по поводу долгого отсутствия.

Неиссякаемый энтузиазм и некротимая организаторская деятельность — таков Шеломов. Славится Уралмаш и спортсменами, и квалифицированными туристами; но не было и нет на заводе более активного организатора и пропагандиста туризма.

Есть в туризме своеобразные снобы. Они ходят небольшой группой, одним составом, много лет. Посторонним вход закрыт. Там все друг друга давно изучили до мелочей, характеры притерлись. Организация похода в такой группе не составляет труда: все давно знают, кому что брать с собой и у кого какие обязанности. Ничего плохого в этом нет.

Только кому же вовлекать в туризм неорганизованных? Конечно, задача Шеломова сложнее. Нельзя, например, пускать на самотек проблему питания, иначе может оказаться, что много хлеба и нет соли, или наоборот. У кого-то трудный характер, кто-то впервые в походе, и оказывается в лесу совершенно беспомощным. Могут быть и другие

накладки. Но не было случая, чтобы Шеломов кому-то отказал... В объяснениях его сказано ясно: «Приглашаются все желающие». А если поход не очень сложный, делается приписка: «Приглашаются родители с детьми».

Воскресные походы не слишком сложны: километров на пятнадцать — двадцать. Но бывалые туристы знают, что это километры не простые, а шеломовские, и делают мысленно поправку: если Шеломов сказал «пятнадцать» — то наверняка будет двадцать... Он никак не может отказать себе в удовольствии сделать крючок километров на пять, повести не по прямой, а зигзагами, чтобы прихватить несколько лишних километров. Иные ворчат, но в конце концов Шеломову прощается. Так ли уж плохо лишний час подышать свежим воздухом, насладиться тишиной, накопить в себе здоровую усталость, которая обернется потом бодростью, ясностью мыслей и отменным аппетитом? Тем более, что Валерий Степанович обязательно отыщет какую-нибудь «изюминку», которых знает в окрестных лесах великое множество: растущую из огромного пня молодую березку, гнездо аиста, дерево-«удавчик», обвившееся вокруг другого, малоизвестное растение, журчащий родничок...

Он, кажется, знает каждый камень и каждую лесную полянку в окрестностях Свердловска в радиусе по крайней мере километров на пятьдесят. Немудрено — за сорок-то с лишним лет еженедельных путешествий! Впрочем, и сейчас нередко можно услышать от него: «Планируется разведочный поход, будем осваивать новый маршрут».

Летом обычен поход с ночевкой. Таков, например, традиционный выезд в последние числа мая или в начале июня на соловьиную поляну на Чусовой — слушать соловьев. Каждый поход обязательно сопровождается знаменитым шеломовским костром, у которого размещаются ведер десять борща, каши и чая... Группа разрастается, бывает до ста и более человек. Состав ее все время меняется: кто-то уезжает, кто-то обзаводится семьей и отходит от активного туризма. Не бе-

да: в любом случае походы оставили в их душах благотворный след на всю жизнь.

Часто в недрах большого коллектива складывается своя небольшая группа, которая начинает ходить самостоятельно... Шеломов не в обиде: подопечные выросли, им нужно самоутверждение. А он зовет к себе новых людей.

Кроме выходных, существуют еще отпуска. Вот тут уж у Шеломова — Кавказ и Крым, Тянь-Шань и Памир, Урал и Саяны, Закарпатье и Карелия, Дальний Восток — Приморье, Камчатка, Сахалин... На Курильских островах, например, шеломовцы были первыми из свердловских туристов.

Свое шестидесятилетие Валерий Степанович встречал, конечно же, в лесу. Были и поздравления, и подарки, и неистощимый туристский юмор. Было зафиксировано, что «Шеломов — не Обломов», что «тайга ему дом родной», и вручен паспорт Почетного гражданина страны туристов и огромный ключ от туристского царства. На 70-летию у него я не был, но знаю из рассказов других, что и этот юбилей отмечался в лесу.

Несколько лет я не видел Шеломова. Опасался встретить постаревшего, подуставшего — как-никак, семьдесят четвертый год идет... Ничего подобного! По-прежнему бодр, жизнерадостен, в неизменной штормовке и с рюкзаком. Так же проводит все выходные в лесу, и не каждому дано угнаться за его широким шагом. И как раньше, вывешивается на заводе объявление о шеломовском отпускном походе.

Что ему дал туризм? Много! Знания, оптимизм, друзей, здоровье. И любовь к природе, недаром в одной из его туристских тетрадей записано высказывание Л. Н. Толстого: «Счастье — это быть с природой, видеть ее, говорить с ней».

Никаких болезней Валерий Степанович не знал. Никогда не ездил в дома отдыха, тем более на курорты; да и турбазы, где жизнь плановых туристов намного легче и благоустроеннее, Шеломов жалует не очень.

Однажды, правда, жена уговорила сопровождать ее на курорт.

Жена лечилась, а Валерий Степанович вел «подрывную» деятельность по переделке курортников в туристов. Появились нелегальные объявления с приглашением ознакомиться с окрестными горами. Началось брожение среди курортников и паника среди врачей... Дело кончилось компромиссом: налегке и недалеко все же разрешили ему со своей ватагой путешествовать.

В плане Шеломова освоить горнолыжный спорт. За несколько последних лет, он считает, преуспел в этом виде для своих лет достаточно хорошо. Энергия его неукротима. Объявлен на Уралмаше лыжный конкурс — и он проходит за сезон свыше трех тысяч километров. Обязательство на себя взял: подготовить не менее 60 туристов-разрядников, и выполнил. Побывал в местах, где родился, жил, воевал Н. И. Кузнецов, которого Шеломов хорошо знал в свое время по Уралмашу, сделал цветные слайды — рассказывает, показывает людям... Ищет по городам тех, кто помнит разведчика, встречается с его боевыми соратниками.

«Чудесны Ваши слайды... Лекция очень полезна ребятам, эти непоседы безотрывно слушали...» — таков отзыв о его беседе в одной из школ-интернатов Киева. А вот отзыв директора туристского маршрута теплохода «А. Фадеев»: «Исключительно хорошее впечатление оставила лекция В. С. Шеломова... Два часа прошли как минута». В прошлом году, во время байкальского похода о Шеломове каким-то образом узнали курсанты Иркутского летного училища. Представитель их разыскал лагерь уралмашевцев на речке Ушаковке и увез Шеломова в училище читать лекцию...

...На бывшем карьере кирпичного завода, расположенном в лесу рядом с поселком Уралмаша, шеломовцы хотят соорудить нечто вроде небольшой слаломной трассы для занятий горными лыжами. Не знаю, получится ли трасса на склоне карьера, но то, что Шеломов сделает все возможное, чтобы она получилась, — это уж точно.

Мир еще не весь открыт...

● В Австралии у горы Нарриер найдена каменная порода, возраст которой лишь на 700 миллионов лет меньше возраста Земли. До сих пор самым старым геологическим образованием считались на нашей планете некоторые скалы в Гренландии (3,6 миллиарда лет). Австралийской находке — 4 миллиарда лет.

● Американец Х. Регастерс сделал в конголезских джунглях магнитофонную запись, ставшую сенсацией. На ней — голос существа, пока не известного науке. Сам Регастерс рассказал ученым, что видел в джунглях нечто похожее на вымершего 60 миллионов лет назад динозавра. Длина этой рептилии превышала 10 метров. Регастерс и его друзья по путешествию в течение месяца видели существо и слышали его рев пять раз.

В дневниках некоторых исследователей, побывавших в джунглях у озера Теле много раньше Регастерса, в частности — в XVII веке, также встречаются упоминания об исполинском чудовище.

Регастерс намерен в 1984 году добыть новые доказательства существования «динозавра».

● Звездное скопление Плеяды привлекает особое внимание астрономов мира. Некоторые его очень молодые светила, как выяснилось, могут относительно быстро разделиться на части. Высказывается гипотеза, что в свое время распалось надвое и наше Солнце. Из отделившегося фрагмента его образовались планеты солнечной системы.

● Течение Куроисио, от поведения которого зависит погода на Камчатке, Сахалине, Курилах, колеблется в океане с периодичностью 3—4 года. Это установили советские океанологи, проанализировав сведения о температурах поверхностных вод северо-западной части Тихого океана почти за два десятилетия. Выявленная периодичность колебаний течения стала основой для долгосрочных, более точных прогнозов погоды.

● Украинские ученые с помощью самого крупного радиотелескопа (он действует под Харьковом) разгадали одну из тайн Юпитера. Планета-гигант является самым мощным в нашей системе источником коротких радиоволн. Исследователям в результате длительных наблюдений Юпитера удалось выделить сильные импульсы, которые являются своеобразным спусковым механизмом этого источника. Импульсы имеют признаки разрядов-молний. Каждая такая молния над Юпитером, считают ученые, имеет протяженность не менее половины радиуса Земли,

ГЕРОИ БОЕВ — ГЕРОИ ЭКРАНА

И полнометражный фильм, и скромный киноочерк, и маленький сюжет в киножурнале со временем приобретают значение подлинного документа эпохи. Тема танкового добровольческого корпуса не осталась незамеченной в уральском кино.

Вспомним документальный фильм «Добровольцы» режиссера В. Тарика. На экране — наш первый победный салют в честь освобождения города Орла. Слышны залпы артиллерийских орудий. Звучит голос Левитана: «Сегодня, 5 августа, войска Брянского фронта, при содействии с флангов войск Западного и Центрального фронтов, в результате ожесточенных боев овладели городом Орел...» Наш первый победный салют, он прогремел и в честь нового боевого соединения — Уральского добровольческого танкового корпуса.

Лучшие люди Урала были зачислены в корпус. Всего было подано свыше ста тысяч заявлений... Пришла в военкомат и Анна Кванскова, получившая две похоронки — на мужа и брата... Кадр в фильме «Добровольцы» запечатлел ее, гвардии сержанта, санинструктора Аню Кванскову.

А песня в фильме звучала какая!.. Знаменитая «Уралочка», музыку к которой написал Арам Хачатурян, а слова — Лев Славин:

Моей далекой восточке
Не так легко дойти,
Но ты, моя невесточка,
Работай, не грусти...

Боевая кинохроника была снята и об уральцах-танкистах, освобождавших Прагу, участвовавших в штурме Берлина.

Еще одна документальная лента — она рассказывает о тех, кто создавал машины для Уральского добровольческого корпуса. Фильм режиссера И. Резникова и сценариста А. Солоницина назывался «Живой металл». Он посвящен 50-летию Челябинского тракторного завода.

Уральским танкистам был посвящен и художественный фильм «Ты помнишь» режиссера-фронтовика Олега Николаевского, автор сценария Я. Филипов.

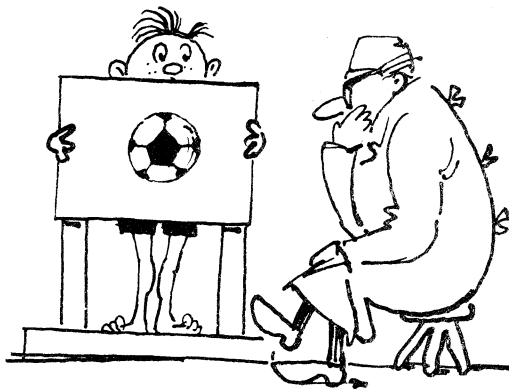
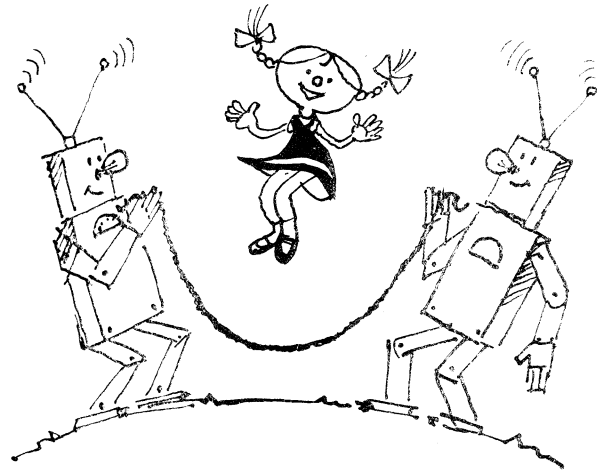
На снимках: кадр из фильма «Добровольцы». Санинструктор Аня Кванскова; кадр из фильма «Ты помнишь». В роли Виктора снялся артист А. Фатюшин.

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

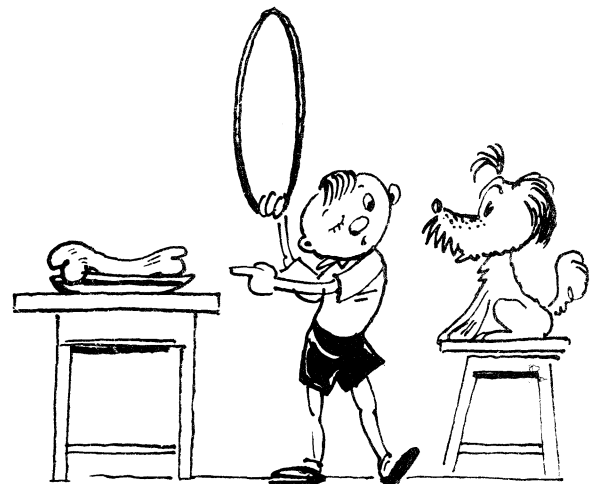
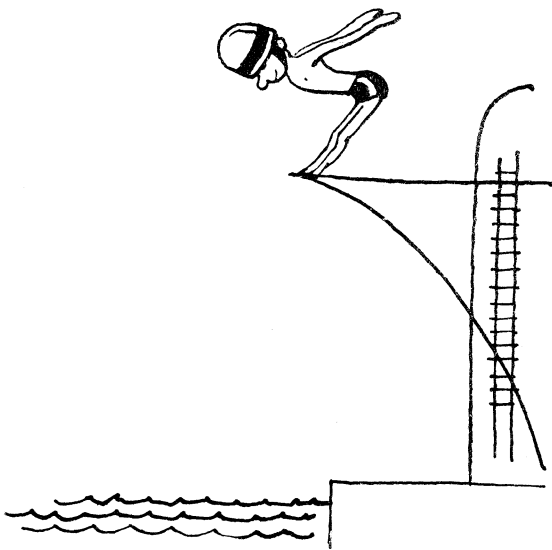

Попался!

Заболел.

Рисунки А. Курицына

Ваза. Халцедон. Автор и исполнитель В. В. Саргин

Фото О. Капорейко